С 91
Ч-244

...тет"
...евер"

Чарнолуский В.
Материалы по
быту лопарей.

149537

Л.С.
Р
149537

В конце
км. см.
1 отд. 1. карт.

С. Сапрыкин

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
КАРЕЛО-МУРМАНСКАЯ КОМИССИЯ
SOCIÉTÉ RUSSE DE GEOGRAPHIE
COMMISSION POUR L'INVESTIGATION DE LA KARELIE ET DU MOURMAN.

В. В. ЧАРНОЛУСКИЙ

МАТЕРИАЛЫ ПО БЫТУ ЛОПАРЕЙ

ОПЫТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОЧЕВОГО СОСТОЯНИЯ ЛОПАРЕЙ ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

149537

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

1948

1955

1966 г.

ЛЕНИНГРАД
Издание Государственного Русского Географического Общества
1930

С 91

Печатается по распоряжению Совета Государственного Русского Географического Общества.

Ученый секретарь Академик *В. Л. Комаров.*

1995

2002

2010

Нейтрализация
20 11 г.

Ленинградский Областлит № 56878.—Тираж 1000 экз.—11 печ. лист.—Зак. 14197.
Типография 1-й Артели Советский Печатник, Моховая, 40.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Проблема устройства быта кочевников и использования неудобных земель, ими заселяемых, стоит в порядке дня не только у нас, но и на Западе. Там до сих пор, как в дореволюционной России, больные вопросы номадизма в лучшем случае решаются ощупью, как подсказывает чутье и практические соображения, характер которых своеобразен для каждой страны. Прав скандинавский лопарь, Johann Turi, который в своей чрезвычайно интересной книге «Das Buch des Lappen», говорит, что «корень зла, причиняемого лопарям живущими вокруг них народами,—есть недостаток серьезных знаний о жизни и условиях быта номадов».

И только в СССР, где обширные территории заняты кочевниками, а весь Север кочевниками-оленеводами, они изучаются не только как носители своеобразной культуры, но и как братские народности, нуждающиеся в культурной помощи и охране. С этой целью организуются планомерные обследования их быта, при чем они сами помогают исследователям в этом нелегком труде.

На основе материала, собранного специалистами, научно обработанного и исследованного, государственными органами управления вырабатываются различного рода практические мероприятия к поднятию культурного уровня кочевников, к переводу их из кочевого состояния в оседлое и вообще по улучшению их быта в целом. И теперь, когда в этом направлении для научной работы открыты широкие возможности, возникает обязательство взяться за вопрос, до сих пор недостаточно освещенный в литературе,—о причинах или основах кочевого быта. Убеждение, что только научное знание основ номадизма даст возможность наиболее рационально разрешить практический вопрос, в частности узел взаимоотношений между оленеводами Севера, было одной из побудительных причин к исследованию кочевых форм у лопарей. Имелась установка—на ограниченном участке земли, среди нескольких групп однородных кочевников попытаться произвести возможно более точное исследование явлений кочевого быта и на основе полученного материала найти отправные пункты для дальнейших работ.

Имея заданием составление монографического описания одного из погостов восточных лопарей, автор в пределах крайне-восточной части Кольского полуострова побывал два раза.

В первый раз зимою 1927 г. путь экспедиции лежал от станции Пулозеро Мурманской ж. д. на погост Ловозеро, зимний Семиостровский погост, погост Каменский, зимний Иокангский погост, деревню Каневку и село Поной. Этнографические исследования велись главным образом в Иокангском и Лумбовском погостах. На обратном пути были посещены погост Кильдин, Пулозеро и места дровозаготовок на железной дороге.

Начиная с погоста Ловозеро, используя свободное от антропологических работ время, автор собирал и наносил на карту пути кочевых передвижений лопарских обществ и принадлежащих им оленьих стад. В Иокангском и Лумбовском погостах картографический материал о кочевках значительно пополнился.

Вторая поездка состоялась в августе—октябре того же года по маршруту Архангельск—с. Поной—погост Сосновский—погост Варзино—летний Семиостровский погост. Отсюда была проделана экскурсия пешком на озерные тони лопарей у озер Енозеро и Низявр. Из летнего Иокангского погоста вместе с лопарями в октябре месяце была совершена поездка в тундру на ловлю оленей, ежегодно отпускаемых «на волю». За недостатком времени не удалось лично наблюдать охотничий и тюлений промысла, что, впрочем, и не входило в план экспедиции 1927 года. Наблюдения, производившиеся во время второй поездки, легли в основание данной работы.

Излагаемый ниже материал получен путем непосредственных наблюдений и опроса наиболее уважаемых и выдающихся из среды лопарей, — «знатких», «досельных стариков». Частично, где было можно или нужно, он подкреплялся ссылками на литературные источники.

Что касается прилагаемой карты, то в основу ее были положены гипсометрическая карта, составленная Г. Д. Рихтером, и карта Кольского полуострова, составленная Трофименко. Береговая линия сверена с 10-верстной картой Генерального Штаба и отчасти с картами Гидрографического Управления. Речная и озерная сеть пополнена по указанию лопарей и лишь в незначительной доле по личным наблюдениям, которые производились без инструментов.

Необходимо подчеркнуть, что карта ни в коей мере не претендует на точность, о чем можно судить и по географическому очерку, в котором отмечены лишь отдельные черты географического облика края, важные в интересах дальнейшего изложения.

Транскрипция, применяемая для изображения лопарских слов, в меру возможностей типографии приближается к знакам, употребляемым Arvid Genetz'ом. Напечатана книга на средства, отпущенные

Колонизационным отделом Мурманской ж. д. Экспедиция выражает свою признательность отделу в лице Г. Ф. Чиркина и Ю. П. Иорданского.

Глубокая признательность автора профессору Д. А. Золотареву за общее руководство работами на Кольском полуострове в зиму 1927 г. и за все практические указания во время исполнения работы.

Сердечная благодарность профессору В. П. Семенову-Тян-Шанскому за ценные советы, которыми много раз пришлось воспользоваться.

В. К. Алымова, А. И. Емельянова, Г. Д. Рихтера и А. П. Ющенко также искренно благодарю за содействие и помощь во время работы и в экспедиции.

От имени экспедиции приносится благодарность А. Н. Поповой и В. А. Кащеевой, учительницам погостов Кильдинского и Иокангского, за предоставление в распоряжение экспедиции детских лопарских рисунков, часть которых имеет быть напечатана в работе. Карты и чертежи исполнены М. П. Петровой, рисунки — художником В. А. Корниловым.

1928 г. *В. Чарнолуский.*

ВСТУПЛЕНИЕ.

Вопрос о сущности номадизма не достаточно освещен в современной этнографической и антропогеографической литературе, в силу чего различные исследователи в характеристиках той или иной народности нередко противоречат друг другу и даже самим себе. Это явление имеет место и в определении образа жизни лопарей. Так например, Н. Харузин в своей «Этнографии», судя по цитате, приводимой ниже, должен бы считать их кочевниками, но тут же называет их полуоседлыми [1]).

Ф. Ратцель не решается назвать лопарей кочевниками [2]). Н. Зибер склонен их считать именно кочевниками [3]). В. Харузина причисляет их к полуоседлым народам [4]). Г. Гебель определяет лопарей кочевым народом. Подобных противоречий можно найти немало, и они встречаются во всех случаях упоминания лопарей.

Причины этих расхождений следует искать в односторонности определений номадизма, вызванной особенностями исходных точек зрения различных авторов, а также и недостатком конкретного материала. Так Ф. Ратцель особо важное значение в существовании номадизма придает климату и почве и указывает, что номадизм встречается там, где невозможно земледелие. Г. Шурц, разделяя мнение Ратцеля, подчеркивает в то же время особое значение в образовании кочевого уклада способов добывания пищи, т. е. ставит его в связь с формами хозяйства.

С другой стороны, Е. Зибер приписывает образование кочевого уклада жизни приручению стадных животных, кооперации и разделению труда в среде пастушеского общества. При чтении этого автора возникает впечатление, что кочевые передвижения обусловлены волей человека, что сказывается в выборе пастбищ и т. п. угодий [5]).

---

[1]) Н. Харузин, вып. I стр. 181.
[2]) Ф. Ратцель, т. I, стр. 670.
[3]) Н. Зибер, стр. 31.
[4]) В. Харузина. Этнография, т. II, стр. 76.
[5]) Н. Зибер, стр. 21.

Н. Харузин образ жизни малокультурного человека рассматривает под углом зрения его занятий. При чем охотникам он приписывает,, главным образом, бродячий образ жизни. «Рыболовство приводит скорее к оседанию племени, чем охота». Далее он говорит, что «береговое рыболовческое племя, вследствие обилия рыбы и морских животных, не имеет основания переходить далеко вглубь страны. На пространстве береговой линии оно правильно передвигается в местности, где в известное время года можно надеяться на более богатую добычу. Постоянных привычек у рыб и морских животных больше, чем у представителей лесной фауны. Представители высшей морской фауны периодически появляются то в одной, то в другой местности. Некоторые рыбы, например, стаями приходят в определенное время года метать икру к устьям рек.... Киты, тюлени периодически появляются в известных частях берега и т. д. Чем бы ни объяснялось такое периодическое, хорошо известное первобытному человеку появление и исчезновение разных объектов охоты,—это заставляет дикаря-рыболова, даже если он не знает причины явлений, делаться более оседлым, чем зверолов. Рыболов намечает места, где в разное время года скопляется наибольшее количество добычи, и к известному времени переходит на насиженные уже места. Таких мест может быть, в зависимости от условий, и два, и четыре, и более, но они определенны, и к ним дикарь двигается весной, летом, осенью и зимой. Например, остяки и лопари до сих пор переходят на определенные места так называемых «весенних», «летних» и пр. промыслов». «... дикарь становится кочевником» [1]).

Между тем, по мнению Д. Клеменца кочевой быт представляет собою «симбиоз человека с животным, главным образом, на экономической почве» [2]), что и проявляется в разных формах.

И, наконец, Ж. Брюн, цитируя А. Лакруа, на примерах из жизни кочевников Африки приводит типичные примеры прямого воздействия фитогеографического фактора на образ жизни человека, вследствие чего он вынужден кочевать.

Таким образом, мы видим, что каждый из цитируемых авторов в своем определении номадизма выдвигает ту или иную группу признаков, которые, не расходясь с действительностью, будучи взяты отдельно, не дают достаточно полного представления о номадизме.

В связи с этим необходимо путем сопоставления этих характеристик, взаимно дополнить их друг другом. В итоге имеем следующие положения.

---

[1]) „Этнография“, I, стр. 176.

[2]) Д. Клеменц, ст. 10. В этой статье делается первая попытка классификации форм кочевого быта.

I. Кочевой образ жизни возможен при занятиях земледелием, рыболовством, охотой и оленеводством [1]). Непременным и неотъемлемым признаком является приручение или наличие у народностей домашних животных (из отряда копытных) или собак [2]).

Хозяйство кочевников может быть двойным (Шурц) [3]) или однородным, при чем у полярных народов добывание пищи обусловливает мясное питание и хозяйствование женщины, теснейшим образом связанное с хозяйством мужчины [4]).

II. В зависимости от формы хозяйства кочевники имеют несколько видов жилищ, неподвижных или подвижных [5]), при чем отмечается, что двойной форме его сопутствуют два жилища (Шурц) [6]). Харузин приписывает большое значение не столько жилищу, сколько «насиженным местам» [7]).

III. Кочевники в течение года родовыми, семейными или общественными единицами перемещаются по определенной территории общественного или родового пользования по определенным и постоянным направлениям, на которых выделяются определенные пункты или стоянки, приуроченные ко временам года, к периоду созревания плодов и т. п.

Все эти положения можно свести к следующей краткой формуле: кочевничество есть особая форма бытового уклада жизни, строго координированная с образом жизни полезных человеку животных, рыб и растений, при непременном условии «симбиоза» [8]) человека с домашними животными из отряда копытных. При этом направления путей и места обитания кочевника определяются не только

---

[1]) Шурц, 228, J. Bruhnes pp. 400, Харузин, гл. VIII.

[2]) Д. Клеменц, Н. Харузин, стр. 175 и след., Н. Зибер, стр., 31, Г. Шурц, стр. 40, 229, 291.

[3]) Г. Шурц под выражением „двойное хозяйство“ понимает добывание растительной и мясной пищи одновременно. Я перенес это понятие и на рыболовное и скотоводческое хозяйство. Различный хозяйственный инвентарь при том и другом хозяйстве—достаточное тому оправдание.

[4]) Шурц, 23.

[5]) Шурц, стр. 228. Н. Харузин, I, 177, 181, 200.

[6]) В качестве признаков „вторичных“, как выражается Шурц, указываются черты, свойственные кочевникам или номадам:—обостренное зрение, склонность к воровству и грабежу. Однако, более тщательные исследования указывают на противное. Так Ж. Брюн ссылается на поразительную честность кочевников Сахары, объясняемую тем, что на мелком песке, всякие следы настолько ясны, что невозможно безнаказанно красть. Тоже подтверждает А. Е. Ферсман для некоторых местностей Туркмении. Ф. Ратцель, Г. Шурц и другие авторы приписывают номадам особую воинственность, а именно, в кочевом быту усматривают начала государственного строя. Однако из описаний, даваемых этими авторами, и благодаря работе М. Кулишера, воинственные инстинкты и походы номадов следует рассматривать как явления, вызванные, по его выражению, „механическими причинами“. Столкновения же из-за хозяйственных угодий свойственны всем народам.

[7]) Н. Харузин, стр. 277.

[8]) Употребляя здесь термин биологических наук, мы пользуемся им лишь условно, т. к. отношения между человеком и домашними животными из отряда копытных нельзя назвать симбиозом в тесном смысле этого слова.

образом жизни этих животных, но и географическим расположением мест промыслов, т. е. мест, где в известное время года происходит особенное скопление тех или иных полезных животных организмов в периоды спаривания, нереста и пр., или же, где вызревают те или иные съедобные растения. Тем самым определяется и периодичность и устойчивость кочевок.

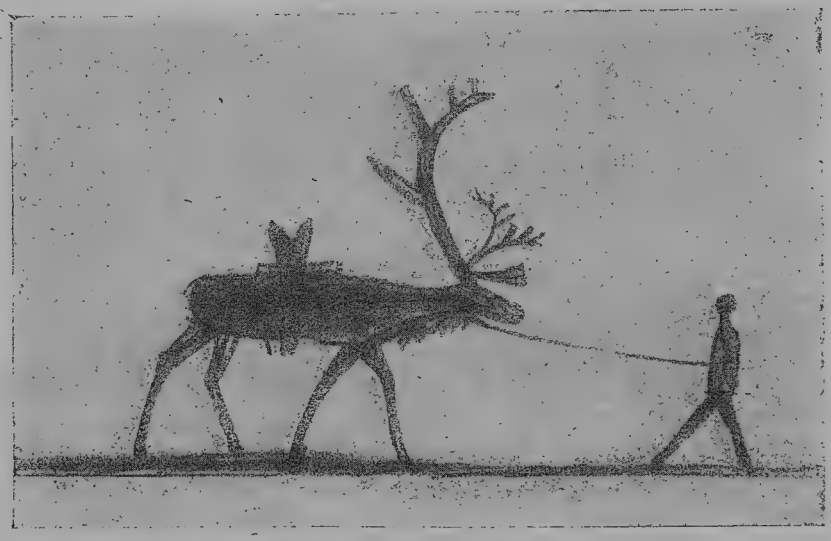
Ниже, в главах об оленеводстве и рыболовстве, это положение иллюстрируется на лопарском материале. Этот материал, пополненный описанием других сторон жизни лопарей, убеждает, что выразителем взаимоотношений между явлениями ландшафта и человеком является его подвижность.

Могут возразить, что и оседло-живущий человек также обладает подвижностью, следовательно, и некоторые группы цивилизованного городского населения тоже придется квалифицировать, как кочевников.

Но следует заметить, что круг причин, обусловливающих подвижность человека или его семьи, хозяйства, вообще его дома, в конце концов не богат разнообразием. Факторы, ее обусловливающие, группируются во вполне определенные комплексы, которые и характеризуют подвижность той или иной этнической единицы. Кроме того, надо иметь в виду, что хозяйство семьи, живущей оседло, построено так, что не вызывает необходимости перемещаться, так как объекты хозяйствования расположены вокруг неподвижного жилища. Добывая себе экономические блага, оседлый житель свое благосостояние создает путем физического или умственного труда при значительном усилии воли. Хозяйство его в той или иной мере интенсивно, и хозяин имеет возможность учитывать развитие своего хозяйства. Хозяйственная деятельность его по отношению объектов хозяйствования активна. Кочевник же находится в полной зависимости от образа жизни домашнего животного или полезных ему зверей, рыб и т. п. Для добывания себе средств к существованию кочевник вынужден передвигаться либо за объектом хозяйствования, либо к ним. Они не подчинены его воле. В усовершенствовании домашних животных и орудий производства труд и внимание кочевника имеют своеобразный оттенок; они направлены на охрану их или на приспособление их к подвижности, к походным условиям жизни, к ограничению, к портативности всего хозяйства. Хотя кочевники и сосредоточивают в своих руках богатства, значительно превышающие ценности оседлого хозяина, хозяйственная деятельность связана образом жизни промысловых животных.

Движение оседлой семьи совершается в пределах своего хозяйства. Движение кочевника характерно тем, что хозяйство, его—«д о м»—передвигается в зависимости от передвижений объектов хозяйствования.

Комплексом причин, обусловливающих и характеризующих движение лопарей, являются: домашнее животное — северный олень, несколько видов проходных и пресноводных рыб и несколько видов промысловых, главным образом пушных зверей. Встарину характерен был для лопарей, так сказать, мясной зверь—дикий северный олень, мясом которого они питались. Комплекс этот указывает на мясное питание лопарей—рыбье и говяжье; это обусловливает двойную форму хозяйства, что и сказывается в охотничье-пастушеском и рыболовном хозяйственном инвентаре.



Фиг. 1. Детский рисунок.

В основу определения кочевого состояния лопарей и, как предвидится, и всякого кочевого народа, полагается общечеловеческое свойство—подвижность, период времени или часть его, в который завершается кочевой круг или протекает жизнь в явно кочевых условиях и, наконец, комплекс понятий, объединяемых словом—«дом», которое в языках русском, французском, английском и пр. объединяет понятия семьи, рода, хозяйства и жилища.

Дом кочевника избирается в качестве единицы подвижности. Из области материальной культуры, в качестве признаков того или иного кочевника, количество мест обитания, типов жилищ, а также амплитуда кочевания—кладутся во главу угла. Скомбинированные в одно целое, они слагают отвлеченное понятие — «кочевой тракт»—впервые употребленное Д. Клеменцом.

Живые верования, пережитки религиозных воззрений и суеверий пронизывают устои жизни малокультурной народности. Во

многом религиозные установления живут и до сих пор. Есть основания думать, что именно кочевой быт породил некоторые специфические воззрения и произведения устной словесности. Не останавливаюсь на этой стороне жизни лопарей-кочевников в надежде, что в будущем на материале, непосредственно извлеченном из жизни и в жизни проверенном, представится возможность оттенить эту сторону лопарского быта.

ГЛАВА I.

Летний Наволок.

Определение территории исследуемого района. Территория, о которой будет итти речь в настоящей работе, на языке местных лопарей носит название N^{e}r'h't n$_{i}$ar'r'ike, т. е. «летний наволок» [1]). Она занимает восточную оконечность Кольского полуострова и заключена между 68°,30′ и 66° сев. широты, 37°,30′ и 41°,30′ долготы от Гринвича. Площадь ее превышает 20.000 *кв. км.* Плотность населения около 0,10 человек на кв. км. [2]).

Судя по документам XVI века, край этот уже обособлялся от остальной Лапландии и был известен, как «терская земля», «терская сторона», «терский наволок» [3]). Русский язык до сих пор сохранил название «Терский берег», значение которого почти целиком охватывает намеченный район.

Лопари терские [4]) и семиостровские имеют для берегов N^{e}r'h't n$_{i}$ar'r'ike несколько иные наименования, а именно: по лопарской терминологии «терским» называется берег от Поноя до Варзуги; от Поноя через Святой Нос и далее к западу тянется берег, называемый K$\bar{a}$dn$_{i}$ark [4]) («потеряшный наволок»). Восточная часть N^{e}r'h't n$_{i}$ar'r'ike, от острова Ноккуева до р. Поноя составляет северный берег Летнего Наволока.

Очерчивая границы его, иокангские и сосновские лопари всегда проводили прямую линию от о. Ноккуева на погост Сосновский. Русские из д. Пялица указывают на р. Пялицу, как на «Лопарский рубеж», а у Огородникова приводятся данные, позволяющие продлить название Терского берега вплоть до Кандалакши [5]).

---

[1]) Слово N^{e}r'ht—летний, теплый, имеет еще одно значение, смысл которого узнать мне не удалось.

[2]) Сборник статистических материалов по Мурманской губ., в. I, 1926. Цифра плотности населения дается для Понойской волости.

[3]) Е. Огородников, стр. 585, 598 и 591. Архив П. Строева, т. I, стр. 522.

[4]) Ср. Arvid Genetz, Bidrag till kännedom и т. д. словарь, № 148 и 149. В другом случае слово Kadn$_{i}$ark было употреблено применительно ко всему Кольскому полуострову.

[5]) Е. Огородников, стр. 13.

Один из иокангских стариков определял весь Терский берег в прошлом, как «наше взгодье», т. е. лопарские угодья. Будучи последовательно оттесняемы от своих «взгодий», лопари прочно осели только в Сосновке, а о бывших владениях сохранили лишь воспоминание. О том, что лопари заселяли Терский берег до Варзуги, во всяком случае свидетельствует и самое название берега и некоторые данные о родовых и охотничьих угодьях лопарей, о чем попутно будет указано ниже.

Указание острова Ноккуева, как крайнего северо-западного пункта Летнего Наволока, определяется словами почтенного лопаря пог. Иокангского, по сведениям которого «в досель еще до Мирона Титова, наши (т. е. Иокангские) земли были до Ноккуева, а потом отмежевались иоканчане от семиостровцев по р. Колышке, чтобы песцов друг у друга не перенимать» [1]) (около 1666 г.).

О сухопутных границах Летнего Наволока ни в памяти лопарей, ни в литературных источниках пока не удалось почерпнуть каких-либо данных. Они напрашиваются сами, если соединить прямой линией о. Ноккуев с устьем р. Варзуги. Тогда этой условной границей будут р. Варзина, озера Енозеро и Низявр, Калмявр, Немецкая гора, гора Вонзуй и р. Варзуга до устья. Помимо указанных причин, есть еще несколько обстоятельств, позволяющих обособить весь край, как одно целое. Из них на первом месте можно поставить рельеф. Летний Наволок пересечен с О на W двумя грядами гор—кейв, из которых большая, северная служит водоразделом и, давая начало нескольким системам рек, довольно резко ограничивает полосу лесов от тундры и до известной степени обусловливает всю биологию края [2]). По всей вероятности, Летний Наволок, будучи удален от влияния Гольфштрема, в климатическом отношении разнится от остальной части полуострова.

В этническом отношении край этот, хотя и имеет пестрый состав населения, как это видно из таблицы, все же населен главным образом терскими лопарями, которые и составляют 71% общего количества лопарского населения.

Кроме особенностей этнического состава, существенно и то, что население всех пяти, включая Семиостровский, лопарских погостов и русских селений Терского берега тесно связывает общая система оленеводческого хозяйства, т. н. «вольный выпас», которая лишь в последние два-три года вступила в критическое состояние и находится сейчас на переломе. В своем более или менее первоначальном виде она сохраняется еще в пог. Иокангском и Семиостровском и до 1927 г. в Лумбовском.

---

[1]) Ср. у Огородникова, стр. 609 о спорах между иокангскими и семиостровскими лопарями.

[2]) Ср. Танфильев, Г. География России, ч. II, в. I, стр. 176. („Ледораздел“).

Таковы общие черты, характеризующие Летний Наволок; они позволяют объединить край в одно целое, но и в мировоззрении терских лопарей эта земля отобразилась в каком-то, не лишенном религиозного чувства аспекте. По крайней мере, в беседах неоднократно приходилось подмечать особое отношение к ней. В одной из легенд, правда, уже утерявшей свой первоначальный вид, мифическое существо miantčš произносит следующие слова, относящиеся к Летнему Наволоку: «Tatte cigr-miantus cigr.» Эта тундра—Ментуша тундра [1]).

Черты, характеризующие географический облик Летнего Наволока. Климат. — Климат Терского берега и внутри страны весьма холоден; в местностях же, граничащих с Ледовитым океаном, его можно назвать суровым. В очень недалеком расстоянии от морского берега, даже в местностях, расположенных по берегам заливов, он уже становится вполне континентальным. При этом на Терском восточном берегу, он отличается близ самого берега более высокой годовой температурой, чем на море.

На Мурмане это явление обусловливается близостью Гольфштрема, а на Терском берегу близостью Арктического течения и долгим загромождением весной льдами горла Белого моря. Благодаря суровому климату, в ущельях и в защищенных от солнца местах, залежи снега встречаются круглый год.

Земля оттаивает не повсеместно, особенно в восточных частях. Проваливаясь в болотах, нога на глубине 40—50 *см.* упирается в мерзлоту. Встречаются кочки, особенно частые около болот и озер, содержащие внутри себя совершенно мерзлую землю и лед. Кочки эти служат лопарям ледниками. Низкая летняя температура более всего дает себя чувствовать на Терском берегу. В отношении атмосферных осадков Летний Наволок принадлежит к местностям, в которых выпадает мало дождей и снега. В августе месяце иногда можно встретить почти рядом ростки только что выглядывающего на свет растения и сочные ягоды черники [2]).

Зима в пределах Терского Наволока начинается около середины октября, когда обычно выпадает снег. В первых числах ноября реки и озера уже покрываются льдом. В 1927 г. они замерзли к 14 октября, а около 20-го тундра до кейвы была покрыта глубоким снегом.

Сильные морозы наступают в декабре и держатся до февраля. В марте, апреле—еще зима, но веяние весны к концу апреля чувствуется все сильнее и сильнее. В конце мая таяние снегов усиливается—бегут ручьи, вздымается лед; в 20 числах мая и позднее реки и озера вскрываются. С первых чисел июня появляется

---

[1]) См. Arvid Genetz, стр. XXXIX–XLVI, mintčš.
[2]) По Г. Гебелю.

трава. Начиная с первых чисел июня, до середины июля солнце не сходит с горизонта. Числа 12 июля наступает самое жаркое время в году, температура подымается до 10° и выше. Этот период лета носит название «комарного времени» или просто «комара», т. к. именно в это время мириады мошкары, комаров, оводов и т. п. досаждают человеку и животным. С августа ночи становятся холоднее, в сентябре заметно сокращается день. В первых числах декабря солнце скрывается. Наступает, по выражению лопарей, «ясный месяц»—декабрь, когда лунный свет заменяет солнце. В середине января оно вновь появляется на небосклоне.

Представление о поверхности края. Так же, как и весь Кольский полуостров, восточная часть его сложена из массивных кристаллических пород, которые обнажаются у берегов океана и Белого моря. Скалистые берега западной части Мурманского берега более высоки, нежели восточные; к Св. Носу они заметно понижаются, падая уже за Гавриловым до 100—150 м, при чем исчезают и фиорды, так что хорошую гавань можно найти только в устьях рек. Терский берег образует крутой скалистый обрыв вышиною около 130—150 м., при чем высота иногда понижается до нескольких метров. На юге, особенно у мыса Пулонга, кристаллические породы редко выходят на поверхность, уступая свое место моренным или безвалунно-песчаным отложениям [1]).

Лопари, определяя пространства Летнего Наволока, связывают его с представлением о кейве, как плоскогории, — sur urrta, которое, по их выражению, застыло, как волны морские. И действительно—впечатление от кейвы таково. Более гористая северо-западная часть Летнего Наволока заключена между левым берегом р. Иоканги, ее притоками Кидийог, оз. Енозеро и р. Варзиной. Здесь расположены наибольшие высоты; выделяются dànil'-ʔõjva—Данилова гора, t'apan ʔõjva—Степанова гора и выше всех—Ватумпахк,—«хибины нашей земли», как говорят лопари Иоканги [2]).

К югу, западу и юго-западу от Ватумпахк'а, гористый характер местности смягчается и постепенно переходит в плато кейвы. Постепенно понижаясь на запад к Лумбовскому погосту, на юго-запад оно вновь повышается и, перейдя 67°,30′ широту, образует гряду, так называемую «кейву» или «кейвы». Пологим склоном своим она обращена к северу, более крутым—к югу.

---

[1]) По Танфильеву, стр. 175.

[2]) Пространства Летнего Наволока в географическом отношении почти неисследованы. На последующих страницах излагаются лишь некоторые черты по географии края, необходимые в интересах дальнейшего изложения.

Кейва [1]). Северная кейва начинается между р. Поноем и р. Атчериок и простирается на запад, приблизительно до озер в верховьях р. Иоканги, где и заканчивается слабо выраженной цепью холмов. Южный отрог кейвы имеет протяжение по направлению к с. Варзуге.

Река Поной несет свои воды по долине, покрытой холмами, По всем признакам это морены, расположенные преимущественно в NNW направлении (у погоста зимнего Иокангского).

По всей кейве, по хребту ее, расположены «чимбуры», т. е. скалы конусовидной или столообразной формы. Повидимому, их должно считать останцами. Северный склон кейвы представляет типичный вид пенеплена. Несколько довольно крупных рек бороздят его, образуя иногда отвесные рвы и ущелья, иногда пологие долины, размытые водой. Камни или аллювиальные наносы устилают дно долин. Поверхность тундровых площадей изобилует валунами; мелкие и крупные осколки неизвестной мне кристаллической породы покрывают тощий почвенный слой, из-под которого иногда проступает выветривавшаяся материнская порода. Ярко зеленые и красные мхи, лишайники, камнеломка, редкие травы покрывают землю. Корковые лишайники порою сплошь обрастают валуны.

149537

Еще лет 20—30 тому назад, как говорят лопари, вся кейва была сплошным ягельным ковром. Ягельники простирались на десятки, может быть, сотни кв. километров. Нога в них утопала; ягель достигал будто бы четверти аршина высоты. Теперь же на каждом шагу видишь так называемые «выбитые места», где ягель, угнетаемый мхами, торчит довольно жалкими кустиками.

Протяженность кейвы с O на W имеет весьма важное значение для всей жизни края. При перевале кейвы с юга на север резко ощущается разница в климатических условиях, в которых находятся пространства, лежащие к северу от кейвы и к югу от нее. К сожалению, для внутренней части Летнего Наволока нет точных метеорологических данных, поэтому приходится ограничиваться только ссылкой на субъективные ощущения и показания лопарей. В иные годы, по их словам, в начале зимы, за кейвой, у моря лежит глубокий снег, свирепствуют мятели или держатся морозы, а над р. Поноем, начиная от кейвы—тепло, идут дожди или, в крайнем случае, выпадает снег, который задерживается более долгими морозами или стаивает. Явление это характерно для октября. Лично мне пришлось испытывать нечто подобное. Перед перевалом через кейву олени едва выбирались из глубокого рыхлого снега, доходившего им до брюха. Накануне был сильный снегопад.

[1]) На все расспросы о значении слова кейва неизменно получались пояснения лопарей, что слово это русское, „досельное“, а что оно значит, они не знают. У западных лопарей встречается слово „кайво“—ключ, а также болото. У скандинавских лопарей бог ветров назывался „Кайво“.

Кабинет Севера
Обл Библиотеки

Стояла ясная, морозная погода. Под вечер, когда спустились с кейвы, значительно более мягкий, почти теплый ветер позволил снять капюшон малицы и ехать с обнаженной головой. Снег лежал слоем не толще 1½ четвертей [1]).

Видимо, кейва в пределах Летнего Наволока создает две климатические зоны, что и сказывается на ландшафте края. К северу от нее простирается почти безлесная тундра, к югу начинаются леса.

Березняки, кустарники смешанного состава, ели-маяки, еловый подлесок, бесчисленные пни, встречающиеся поминутно, свидетельствуют, что когда-то пространства южнее северной кейвы были богаты лесами, а сейчас происходит смена пород. Севернее р. Поноя леса сохранились только у Каневки, в районе бывшего Куроптевского погоста, и немного у пог. Каменского. В этих местах и до сих пор можно встретить ягельные сосновые боры (см. фиг. 2). Показателями этого былого богатства вдоль всего северного берега и поныне служат высокие сухостои и ели, охраняемые лопарями от порубок по старинному завету, уже забываемому.

Судя по карте Трофименко и съемке, произведенной в 1927 г. экспедицией Ботанического Сада, руководимой Ю. Д. Цинзерлингом, и по сведениям русских из с. Поноя и лопарей из Иоканги и Сосновки, начиная от горы Плоской, на запад до Варзуги тянется вторая горная гряда, также называемая кейвой. По словам Ю. Д. Цинзерлинга, северный склон ее круче, нежели южный. Южная кейва довольно высока, олени русских оленеводов спасаются на ней в «комарное время» года от мошкары [1]). По словам лопарей, южные берега р. Поноя, начиная от д. Каневки и до р. Девичьей, на два-три десятка *км.* к югу покрыты сосновыми лесами. Долина р. Пурнач нелесиста, южная же кейва покрыта сосновыми лесами, а ея обнаженные высоты представляют из себя тундру. Здесь среди отличных ягельников до сих пор в сравнительно больших количествах водится дикий северный олень.

Пространства, окружающие озера верховьев р. Иоканги, р. Елийок, озер Низявр и Чилиявр, на возвышенных местах являются тундрой, характерной для северной части Кольского полуострова, а в низинах покрыты болотами. Между прочим, в районе Выхчиог мне доводилось видеть участки, очень напоминающие кочкарную тундру, подобную Большеземельской. Южнее верхнеиоканских озер обильны болота и поросли кустарников, более часты перелески и сплошные заросли карликовой березы и вереска. Все это наводит на мысль, что соотношения рельефа и климата здесь иные, нежели на востоке и, быть может, являются как бы

[1]) На карте восточной части Кольского полуострова, составленной Г. Д. Рихтером по материалам Географического Отряда Кольской Экспедиции в ближайшем будущем выходящей в свет, протяжение кейв северной и южной предстанет с достаточной ясностью.

переходной ступенью к ландшафту центральной части (Кольского полуострова).

Местности, прилегающие к верхнеиокангским озерам Ватумпахка и верхнему течению р. Поноя до оз. Вулиявр, изобилуют множеством озер, больших и малых. Озера характерны для западной части Летнего Наволока. Озерная сеть восточнее р. Нельцюзийог

Фот. Г. Д. Рихтера.

Фиг. 2. Ягельный бор.

и ручья Каарсмуай развита значительно слабее, крупных же озер почти нет. Это обилие озер, и притом рыбных, в местах, заселенных лопарями семиостровскими и каменскими, налагает свой отпечаток на хозяйство и жизненный уклад этих погостов. Что касается речной сети, то достаточно взглянуть на карту, чтобы судить о густоте ее. К этому надо добавить, что большинство крупнейших рек обильны рыбой.

Распределение животных и растительных видов по зонам. Обобщая поверхностные наблюдения географического облика Летнего Наволока, я воспользуюсь схемой Ф. Д. Плеске и данными географического атласа Финляндии. Повидимому, не впадая в очень грубую ошибку, представляется возможным наметить нижеследующее распределение растительных зон, важное в фаунистическом и этническом отношениях. Тем более это можно сделать, что несколько в ином порядке Ф. Д. Плеске устанавливает те же пояса. В виду того, что данными этого ученого о фауне края оказалось пользоваться удобнее всего, я придерживаюсь его характеристик в области фауны, а сведения по флоре даю согласно карт распределения растительности, приводимых в атласе.

1. Зона преобладания тундры, с небольшим количеством альпийской растительности (от 50 до 68 видов) простирается к северу от кейвы, верховьев и среднего течения р. Иоканги на западе, а на востоке—от р. Даниловки до берегов океана и Белого моря, к северу. На всем этом пространстве проступают материнские породы; растительный покров, характерный для тундры, с редкими вкраплениями кустарников и можжевельника в рощицах березы. Под защитой северных берегов рек, древесная растительность достигает берегов океана (Regio alpina α salicum). Количество растительных видов в этой области колеблется от 318 до 364, с минимумом на северо-западе. Древесная и кустарниковая растительность представлена 19 видами на западе и 23 на востоке (начиная от устья р. Иоканги до р. Даниловки).

2. Зона хвойных лесов с участием сосны простирается к югу от кейвы (судя по атласу) вплоть до берега Белого моря. К востоку и к югу к берегам моря леса разрежаются. На участке, заключенном между кейвой и р. Варгузой и Пулонгой, альпийская флора уменьшается до 16 видов, количество видов древесных и кустарниковых насаждений достигает 27, а общее количество видов определяется в 385.

3. Между зоной лесов и зоной тундры можно заметить переходную зону лесо-тундры, которая простирается в виде узкой (ок. 50 *км.*) полосы между с. кейвой и северным берегом р. Поноя. Севернее р. Поноя характерны ледниковые отложения с произрастанием смешанного состава леса. Повидимому, они находятся в состоянии смены пород. Хилые леса этой полосы часто сменяются порослями карликовой березы, кустарниками и березами. Но под прикрытием кейвы, например, у Каменского и б. Куроптевского погостов сосновые леса с юга заходят на северный берег Поноя. Плеске для западной части Кольского полуострова с теми же признаками отмечает зону Regio subalpina. Лесо-тундровая полоса резко отличается от зоны лесов и зоны тундры. В ней протекает жизнь лопарей в их зимних становищах, в ней же в определенное время года живет северный олень домашний и отчасти дикий.

В каждой из этих зон обитает свойственное ей животное население. Но помимо наземной фауны, Ф. Д. Плеске перечисляет еще и фауну, свойственную пресным водам и морским. Пополнение списка млекопитающих и птиц сведениями об ихтиофауне, которое я произвел по трудам К. Дерюгина, Н. Книповича, Л. Берга и на основании обследования И. Крогиус и Г. Крепса, произведенного по поручению Колонизационного отдела Мурманской железной дороги и Мурманской Биологической станции в озере Имандра, дает следующую картину [1]).

Согласно исследованиям этих ученых, на Кольском полуострове обитает 49 видов млекопитающих, 203 в. птиц, 49 в. рыб, разных животных форм в Кольском заливе (без рыб и ластоногих)— 1.186. Флора представлена 385 видами. Распределение этого животного и растительного мира имеет следующий вид:

	Млекопитающие.	Птицы.	Рыбы.	Древесная и кустарниковая растительность.
Зона лесов. Характерны: лось, медведь, рысь, куница, волк, выдра, глухарь, тетерев, рябчик, куропатка. Олень живет зимой	26	99	—	27
Зона лесо-тундры. Характерны: землеройки, кухоры, полевки, пеструшки, горностай, ласка, росомаха, волк, выдра. Олень живет зимой	16	76	—	?
Зона тундры. Характерны: землеройки, полевки, песец, лиса, выдра, росомаха, куропатка тундровая. Олень живет летом и осенью	7 (и 1 ?)	44	—	от 19 до 23
Пресные воды	5 (и 1 ?)	39	16	—
Морские воды	18	34	49	—

Из всего этого количества видов животных характерна для лопарей теснейшая, хочется сказать, биологическая связь («симбиоз», по Д. Клеменцу) с оленем, собакой и овцой, как домашними животными.

[1]) Полагаю, что фауна Летнего Наволока, не настолько отличается от районов Кольского полуострова, где производились обследования, чтобы нельзя было проводить того обобщения, которое предлагается здесь. Если разница и есть, то, по всей вероятности, она не очень значительна.

В промысловом отношении лопари несколько отличаются от своих более культурных соседей. Тогда как для последних имеют промысловое значение в мире млекопитающих—34 в., в мире пернатого царства—14 и в ихтиофауне более 46 в. [1]), для лопарей в области наземной фауны: олень, медведь, волк, выдра, куница, лиса, горностай, белка, заец, песец, росомах, т. е. около 11 в.

пресноводной: щука, окунь, кумжа, палья, сиг, голец, налим, плотва, подъязь, т. е. 9 видов;

морской: млекопитающие: выдра, 2 в. тювяков (?), тюлень гренландский, морской заяц, два вида нерп., т. е. 6 в. Птиц: гусь дикий и серый, лебедь, утки, около 10 в; Рыб: семга, навага, камбала, (последние две только в Лумб. з.), треска, палтус, пикша—всего около 6 вид. Всего около 42 видов.

Если добавить ко всему этому, что из 385 видов растительного царства характерно для лопарей пользование приблизительно 12 видами (можжевельник, сосна, ель, ольха, береза, ягель, сфагнум, морошка, вороника, черника, осока, 1 вид из корковых лишайников, дикий лук), то общее количество видов, которое лопари берут себе на потребу от природы, определяется скромной цифрой 54 вида [2]).

Эти полсотни растительных и животных видов и являются основными элементами или факторами, характеризующими деятельность лопаря в ландшафте, и они-то обусловливают всю жизнедеятельность, экономику и в значительной степени и мифологию лопарей. Они являются основой, на которой зиждется благосостояние лопаря. Использование благ природы, в зависимости от географических условий, каждое лопарское общество или объединение производит по-разному. Пройдет не мало лет до тех пор, пока можно будет учесть, в какой мере столь малочисленный народ, как лопари, на столь ограниченной территории, как Кольский полуостров,—использует живой запас растительного и животного царства, населяющего край. С каждым видом млекопитающих, рыб, растений и т. д. существуют определенные отношения, которые со стороны человека главным образом изменяются и по времени года и на протяжении лет и веков. Для изучения «человека» знание этих взаимоотношений представляет исключительный интерес, а для исследователя хозяйственного и кочевого быта в особенности, так как использование тех или иных видов животных и растений характеризует культуру кочевника. Кроме того, есть полное основание утверждать, что в культурных установлениях малокультурных народностей, в частности у лопарей существуют или существовали нормы поль-

---

[1]) Жилинский, А. А. Крайний Север, стр. 204.

[2]) Количество растительных видов, коими пользуются лопари, несомненно, больше; привожу только то, что пока мне известно.

зования богатствами своего края. Диктуются они не узко утилитарными побуждениями, но особенностями религиозных и социальных воззрений на животных и растения и теми взаимоотношениями, которые сложились в результате истории приручения и сожительства с ними. Оставляя пока в стороне рассмотрение этих сложных вопросов и явлений, в дальнейшем я все внимание буду уделять взаимоотношениям между биологическими особенностями главных домашних и промысловых животных и рыб Летнего Наволока, с одной стороны, и бытовым укладом лопарей, с другой.

Но предварительно следует ознакомиться с этническим составом населения и некоторыми историческими о нем сведениями, необходимыми в последующем изложении.

ГЛАВА II.

Население Летнего Наволока.

Историческая справка. В труде Н. Харузина «Русские Лопари» приводится выписка из писцовой книги Алая Михалкова. Составленная в начале XVII в. на основании подобных ей документов XVI в. книга эта перечисляет существовавшие в те времена погосты, довольно точно фиксирует местоположение каждого и сообщает количество жителей мужского пола.

Если суммировать сведения, разбросанные на страницах 447—453, то согласно книге Алая Михалкова в 1608, 1609, и 1611 г.г. было «всего в Терской Лопи 5 погостов», «да на Юре озере Гришка Сергеев сын, да сын его Фетка, да Олешка Онисимов сын». В числе Терских погостов, и по списку Михалкова и по письму Василия Агалина и подъячего Степана Соболева, числилось:

1. *Погост Вороней* стоит под Вороньею рекой (ныне Воронежский погост). «И всего в Воронежском погосте 6 веж, лопарей в них 17 человек».

2. «*Погост Норенской* (совр. Семиостровский) стоит на Леве озере» (Лейявр или Ляозеро) «И всего 16 веж, а лопарей в них 43 человека».

3. *Погост Ловозеро* стоит над оз. Ловозером. «И всего 10 веж, а людей в них 16 человек».

4. *Погостишко Кондала* на Инке озеро (Ингозеро, южнее Умбозера). «И всего 2 вежи, а людей в них 16 человек», да на *Юрозере* всего 3 человека.

5. «*Погост Понойской* стоит над ручьем над Ечюном, а *в нем живут* лопари понойские и сконские (еконские) в вежах». «И всего 39 веж, а лопарей в них понойских и еконских 91 человек».

Таким образом всего в восточной Лапландии числилось 5 погостов с общей численностью лопарского, повидимому, только мужского населения 186 человек, которые жили в 73 вежах [1]).

---

[1]) Если число душ удвоить, то приходится по 5 ч. на вежу, т. е. на 1 хоз.; эта цифра приближается к ныне существующему отношению для всей Лапландии: 1708 ч. и 371 хоз., т. е. 4,6 ч.

В пределах же Летнего Наволока «стояли» погосты Норенский (Семиостровский) и Понойский, да на Юре-озере всего 3 человека, которых, повидимому, следует считать за лопарей Каменского пог. [1]).

Как видим, ни Иокангский, ни Лумбовский, ни Сосновский погосты в качестве селений не упоминаются, тогда как об остальных определенно говорится, что они стояли, именно «стоят над озером» или «над рекой». Обращает внимание и то обстоятельство, что ни разу не упоминается о зимних местах. Нет упоминания и о лопарях по наименованиям нынешних погостов или по рекам, ныне ими заселенным. Упоминаются лишь речки, — угодья — Лумбушка, Сосновка, Лиходеевка и др., в этом же смысле упоминается и «река Еканга». Что же касается лопарей, то упоминаются только «еконские» и притом всегда совместно с понойскими лопарями. Сочетание слов «понойских и еконских лопарей» повторяется в тексте не менее 5 раз. Отдельно от понойских иокангские лопари не упоминаются ни разу. Между тем река Еконга в Еконгской губе записана как угодье «понойских и еконских лопарей». Остается предположить, что еконские лопари были приписаны к Понойскому погосту. Что это было именно так, можно видеть из следующего разбора текста.

В писцовой книге есть следующие строки (стр. 450 и 451): «да те же понойские и еконские лопари дают по Васильеву письму Агалина (т. е. в 1574 г.) да подъячего Степана Соболева с реки с своего промыслу хто чем ни ловит в государеву казну десятую рыбу семгу, а емлют у них тою десятую рыбу кольского острогу верные целовальники, которых присылают ис Колы государевы приказные люди для государевы десятые рыбы в погост Поной». «А ныне (т. е. 1611 г.) емлют ту десятую рыбу с тех угодий Кольские же верные целовальники, и продают десятую рыбу и еконскую приезжим людям двиняном и коргопольцам, которые приезжают в погост Поной и *в Еконну* на ладьях для торговли, и те деньги те целовальники, что возьмут десятую рыбу, отвозят в государеву казну в Кольский острог к приказным людям ежегод безпереводно». (стр. 451).

Сопоставление этих строк убеждает, что в 1574 г. лопари еконские и понойские были не одно и тоже повидимому; еконские были

---

[1]) У лопарей Каменского погоста сохранились смутные воспоминания о каком то лопаре „праведном Сергее“, жившем на нынешнем Сергозере. Возможно, что вежа „Гришки, Сергеева сына“, стояла на этом озере, переименованном из Юрозера. Что касается местонахождения в XVI и XVII вв. Каменного погоста, то кажется правдивой мысль лопарей, что погоста в те времена не существовало, т. к. лопари каменские, будучи не крещеными, „таились“ в лесах, кочевали большую часть года, а сезонные места имели на оз. Песочном, оз. Пурнач и оз. Вулиявр, где в древности находились места общественного отправления культа. Несомненно, для русского мирного населения и властей места эти были недоступны, как малодоступны они и сейчас.

приписаны к погосту Понойскому, а в 1611 г., оставаясь приписанными, они уже платили десятую рыбу самостоятельно не в Поное, а на р. Иоканге, устье которой, повидимому, было местом какого-то обитания.

Отсюда можно заключить, что та «крещенная лопь», что «жила по тундрам», и о которой говорится в книге Большого Чертежа [1]), т. е. около 1627 г., были иокангские лопари. Понятно также очень неопределенное выражение в документе 1736 г. о том, что «царь Алексей Михайлович одну половину р. Поноя, да половину лахты с рыбными ловлями, да половину оброчного погоста Поноя, чем владел боярин Никита Иванович Романов, да половину Еконги, что была за Сийским монастырем, с обитающими в тех местах лопарями пожаловал Крестному монастырю» [2]).

Изложенное с достаточной убедительностью говорит за то, что лопари Иокангские и будущие Лумбовские и Сосновские в начале XVII века вели кочевой образ жизни, подобно, быть может, самоедам или другим оленеводческим народностям, и погостов, как селений, не имели. Не вдаваясь здесь в изыскание истории возникновения их, приведу лишь воспоминания стариков-лопарей о «вежном времени», т. е. о тех временах, когда лопари жили в подвижных вежах.

«Праудедки» бродили по тундре, жили в вежах: каждый раз, переезжая, они наново ставили вежу. Подолгу на каждом месте не стояли, все больше месяца 3, а зимой и реже, некоторые стояли недвижимо по году, но не долее. Места стоянок выбирали по берегу рек и озер. Охотничали тогда на дикаря и ходили в глубь тундры и в леса до Терского берега; семгу в те времена уже промышляли, но где, точно не ведомо. В вежное время у каждого лопаря оленей было помалу и употреблялись для езды и в качестве охотничьих животных («маньщиков»). «Досельные лопари были знаменитые охотники и промышляли всего больше дикарей, мясом которых питались, еще брали куропаток и рыбу».

Это был период, когда лопари всем домом передвигались вслед за дикими оленями или от одной озерной или морской тони до другой. Жили «праудедки», по словам лопарей, в одном жилище-веже. На местах, где стояли долго, оставались следы, заметные и поныне, называются они «вежными местами», или «кинтищами».

Каких-либо точных сведений об отношениях, существовавших в те времена между русскими и другими народностями, не имеется, кроме грамоты, свидетельствующей о крещении «лопарей за Святым Носом» в 1532 г., да указания Алая Михалкова, что в Поной-

---

[1]) Е. Огородников, стр. 660, 609.

[2]) А. Ефименко. Нар. Юрид. обычаи инородцев. Лопари. Приложения, ст. 668, З. И. Р. Г. О. п. Э. т. VIII, 1878 г.

ском погосте стоит церковь Петра и Павла—и при ней шесть душ мужского полу.

С конца XVI в. прошло более трехстот лет; с тех пор картина жизни и населенность Летнего Наволока в корне изменились, о чем можно судить из последующего изложения.

Этнический состав населения (См. табл. № 2). При незначительной плотности, население восточной части Кольского полуострова имеет сравнительно пестрый состав. Здесь живут великоруссы, лопари, ижемцы, самоеды, одна семья норвежца (у р. Дроздовки) и одна карельская (у реки Ивановки). Русских с Терского южного берега лопари на русско-лопарском диалекте называют «терчанами», русских из села Поной (бывший лопарский погост)—«поноянами».

Русских селений по всему Терскому берегу насчитывается 14, считая с Варзугой. Отдельными семьями великоруссы встречаются и в селениях внутренней части полуострова и по побережью океана—в погосте Иокангском, пог. Лумбовском и в с. Ивановке. Общая численность русских по переписи 1926 года достигает 2.547 чел.; таким образом в пределах Летнего Наволока русские являются численно преобладающей народностью.

Первоначальное заселение Терского берега великоруссами акад. С. Ф. Платонов приписывает новгородцам. «Когда началось образование новгородских поселков на Терском (южном) берегу полуострова (Кольского), точно неизвестно. Определенные сведения о них идут только с XVI века, хотя упоминание о православных погостах в Варзуге («Арзуге») имеется уже в 1419 г. В 1466 г. были уже русские вотчинники на р. Умбе и Варзуге» [1]).

Главные занятия русских:—рыбные промыслы, в частности семужий, охота, скотоводство, тюлений промысел и оленеводство. Формы оленеводческого хозяйства русские заимствовали у лопарей. До самого последнего времени оно служило культурно связующим звеном между лопарями и русскими с Терского берега.

Ижемцы. В 1887 г. в центральную часть Кольского полуострова из Большеземельской тундры перекочевало несколько семей оленеводов-ижемцев. Несмотря на протесты лопарских сельских обществ, они осели в пог. Ловозере и через десятка полтора лет проникли и в восточную Лапландию. Сельские общества Поной-ской волости не приняли их в свой состав, вследствие чего до 1917 г. ни одного ижемского поселка в пределах этой волости не возникало. В 1917 г. на р. Поное в 8 *км.* выше Каменского погоста построилась в начале одна семья ижемцев, принятая в состав сельского общества упомянутого погоста, затем к ней при-

---

[1]) Акад. С. Ф. Платонов. Начало русских поселений на Мурманеe стр. 4.—Произв. силы Мурм. ж. д.

Этнический состав населения Летнего Наволока

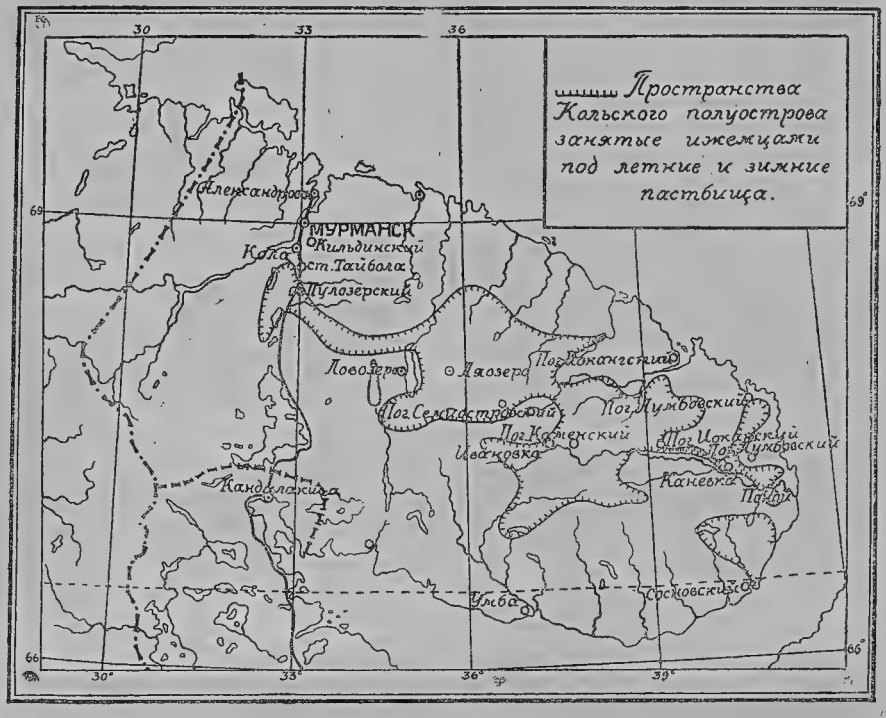
по данным Всесоюзной переписи 1926 г. (по материалам КИПС Ак. Наук СССР).

Таблица № 2.

Наименование населенных пунктов	Количество обитаемых пунктов пог. и дерев.	Количество домохозяев	Всего жителей	Лопари				Русские		Самоедов	Ижемцев	Проч. народн.	Состав селений по национальному признаку в %				Примечание
				М.	Ж.	Всего	Из них терских	Сожительств. с лопарями	Всего				Лопари	Русские	Ижемцы	Самоеды	
Семиостровский погост	2	29	139	80	59	139	—	—	—	—	—	—	100,0	—	—	—	
Иокангский погост . .	2	46	165	86	74	160	160	5	5	—	—	—	97,0	3,0	—	—	
Лумбовский „ . .	2	19	74	32	38	70	70	4	4	—	—	—	95,0	5,0	—	—	В 1927 г. Зимн. Лумбовский пог. объединился с дер. Каневка, данные для которой относятся к 1926 г.
Каменский „ . .	1	15	58	21	27	48	48	—	—	10	—	—	82,5	—	—	17,5	
Сосновский „ . .	1	17	68	20	22	42	42	12	12	4	10	—	61,9	17,6	14,7	5,8	
Поной с. (б. лоп. пог.)	2	77	315	—	—	—	—	—	299	8	7	1	—	—	—	—	
Русск. сел. Терск. бер. Поной. вол.	3	8	43	—	—	—	—	—	41	—	2	—	—	—	—	—	
Русск. сел. Терск. бер. Тетринская „ .	7	225	1110	—	—	—	—	—	1110	—	—	—	—	—	—	—	
Русск. сел. Терск. бер. Кузоменск. „ . (Варзуга).	2	251	1040	—	—	—	—	—	1040	—	—	—	—	—	—	—	
Ивановка, деревня . .	1	27	113	2	1	3	3	16	16	19	75	—	2,0	14,0	67,0	17,0	
Красная Щелья, выс.	1	14	78	—	—	—	—	—	—	16	62	—	—	—	—	—	
Оксино, выселок . . .	1	2	11	—	—	—	—	—	—	3	8	—	—	—	—	—	
Макаровка, выселок . .	1	1	6	—	—	—	—	—	—	6	—	—	—	—	—	—	
Каневка, деревня . . .	1	7	27	2	1	3	3	—	—	4	20	—	11,1	—	74,0	14,9	
Маяк Святоносский (у р. Иоканги)	—	8	24	1	—	1	1	—	23	—		—	—	—	—	—	
Маяк Городецкий (у Лумбовск. пог.) . .	—	8	32	—	—	—	—	—	32	—	—	—	—	—	—	—	
Маяк Орловск. (у Поноя)	—	5	16	—	—	—	—	—	16	—	—	—	—	—	—	—	
Маяк Сосновский (у Сосновск. пог.)	—	6	6	—	—	—	—	—	6	—	—	—	—	—	—	—	
Радио-ст. у п. Иоканги	—	15	45	—	—	—	—	—	45	—	—	—	—	—	—	—	
Дроздовка становище	—	3	19	—	—	—	—	—	7	—	—	12	—	—	—	—	
	—	783	3.389	244	222	466	327	37	2.547	70	184	13*)	—	—	—	—	

*) Из них норвежцев—7, карел—5, латыш—1.

соединились еще несколько семей. Так возникла ижемская деревня Ивановка. Позднее в 1924 г. возник выселок Красная Щелья, и рядом с ним еще позднее выселок Оксино, в 1925 г. дер. Каневка при впадении р. Югоньги в р. Поной (нижний плес). Ижемцы имеют сейчас пять населенных пунктов—ижемская половина пог. Ловозера и 4 в пределах Летнего Наволока. Общая их численность определяется в 184 чел., из коих 7 чел. живут в с. Поное и пог. Сосновском. Появление ижемцев в пределах Кольского полуострова



Фиг. 3.

и в частности Летнего Наволока, сыграло огромную роль в хозяйственном и культурном облике лопаря, о чем попутно будет указано ниже. Надо отметить, что ижемцы вообще являются наиболее культурной оленеводческой народностью. Оленеводческое хозяйство их носит промышленный характер и поставлено на коммерческую ногу. Но использование пастбищ ведется ими хищнически, вследствие чего в деятельности своей они наносят ущерб краю, в котором появляются. Пастбищная теснота в Архангельском крае и на севере Коми-области, сказавшаяся в результате деятельности ижемцев, повела к тому, что наиболее предприимчивые оленеводы решили переселиться на нетронутые пастбища Кольского полуострова.

Наряду с тем ижемцы своим расчетливым ведением хозяйства, своими отличными постройками и культурными навыками оказывают положительное воздействие на своих соседей.

Самоеды. По словам лопарей и русских из Поноя, самоеды впервые появились в пог. Сосновском. Архангельский купец А. Заборщиков, живший в Сосновке и в Поное лет пятьдесят тому назад, еще до постройки церквей в пог. Сосновском [1]) и Иоканге Зимней [2]), выписал для пастьбы своих оленей самоеда Кузьму Михайловича Хамьянова. Если сведения сосновских лопарей верны, то можно предполагать, что годы 1877—1887 были датой первого появления самоедов на Кольском полуострове. Привезены они были морем. Но судя по тому, что А. Кельсиев ничего не говорит о встрече своей с самоедами в погосте Сосновском, в первом лопарском пункте его наблюдений, осторожнее будет дату эту пока считать неустановленной.

Позднее, вместе с ижемцами, в качестве их батраков, пришли самоеды в центральную часть Кольского полуострова. В большинстве случаев самоеды служат пастухами и работниками у русских и ижемских оленеводов. Самостоятельных хозяйств они почти не имеют, если не считать единиц; так одно из них обосновалось в тундре, в в. Макаровке. Семья жила в постройке, состоящей наполовину из избушки, наполовину из чума [3]).

У сосновских самоедов, по словам иокангских, лумбовских и сосновских лопарей, научились они делать сани и применять самоедскую оленную сбрую.

Лопари. Установить давность заселения Летнего Наволока аборигенами края,—лопарями, пока не представляется возможным. Есть основания предполагать, что до прихода русских лопари населяли все южное побережье Кольского полуострова. В настоящее время они обитают главным образом во внутренней и северной части. По составу своему лопари Летнего Наволока не однородны. Из общего количества 466 чел.—327 чел. относятся к группе, так называемых, терских лопарей, которые населяют крайне восточные лопарские поселения, начиная с Каменского погоста. Терские лопари выделяются из общей массы русских лопарей, как своим физическим типом, так и языком, что и находит себе выражение в слове tārŗja, коим соседние лопари и сами терские называют жителей погостов Каменского, Иокангского, Лумбовского, Сосновского и бывшего лопарского, ныне русского, селения Поной. «Tārŗja sarnъ, kojh't košk' mirr parhča»,—говорят семи-

---

[1]) В Сосновском погосте церковь построена также А. Заборщиковым около 1898 г. Р. Якобсон. Материалы к позн. рыбол. т. III, в. 2.

[2]) Fennia III, № 6, A. Kihlman, стр. 34, 39—относ. к 1889 г.

[3]) В 1928 г. семья эта покинула Макаровку и переехала в Оксино.

островцы; по смыслу это означает, что терские говорят, как сухие сучья ломятся, трещат [1]).

Лопари-тарья, ростом выше семиостровцев, имеют более здоровый вид и производят впечатление более независимых и сравнительно культурных людей, нежели ловозерские или кильдинские лопари.

Лопари терские издавна находились в непосредственном соприкосновении с русскими. Это сказалось на их внешнем облике,

Фот. Д. А. Золотарева.

Фиг. 4. Лопарь Иокангского погоста.

что особенно резко бросается в глаза в Лумбовском и Сосновском погостах, а с. Поной населено русскими по национальности, но по происхождению своему лопарями, главным образом по мужской линии.

---

[1]) У авторов, писавших о лопарях в начале и середине XIX в., нередко можно встретить выражение „терская лопь“, применяемое ко всему лопарскому населению центральной и восточной части Кольского п/о, т. е. включая пог. Воронежский и Ловозеро. Н. Дергачев впервые отделил лопарей терских от их соседей.

Места обитания лопарей Летнего Наволока. Лопари в силу особенностей своего быта несколько раз в году меняют места своего жительства. Обычно летнее местопребывание— погост, расположен на берегу моря, у устья какой-нибудь реки. Зимнее же место, тоже называемое погостом, находится в глубине тундры вблизи лесов. Зимние и летние погосты внешним своим

Фот. Д. А. Золотарева.

Фиг. 5. Лопарка из Каменского погоста.

видом совершенно напоминают русские селения, где все члены сельского общества живут вместе, общественно. Весною и осенью лопари живут в глубине полуострова на озерах или несколько не доходя до моря. Здесь у них либо вовсе не имеется постоянных жилищ, либо стоят «тупы» и амбарчики. И те и другие разбро-

саны по берегам озер, составляющих родовую или фамильную собственность. В зависимости от времени года места эти называются весенними, осенними и пр., при чем осенних мест может быть и два, и три, и даже 4 и 5. На местах производятся работы, соответствующие определенным сезонам года.

Расположение двора, внешний вид и типы жилищ, встречающихся на сезонных местах, несколько отличаются друг от друга размерами, устройством и т. п. Сказывается это в мелочах и все же, несмотря на крайнее однообразие, каждое из сезонных мест обитания имеет свой отпечаток.

В виду того, что слово «местообитание» будет часто встречаться, заранее условлюсь в понимании его применительно к кочевникам. Точно также необходимо условиться в понимании слова оседание, в дальнейшем нередко употребляемом. Если в понимании его, применительно к оседлому образу жизни, подразумевается процесс окончательного прикрепления к земле той или иной этнической единицы, то для номадизма в русском языке не существует понятия, выражающего прикрепления к ней в условиях кочевания. Поэтому под выражением кочевое оседание будем понимать временное, хотя бы и длительное, во всяком случае не полное прикрепление кочевника к нескольким участкам территории, им освоенной. В одних случаях это прикрепление будет носить частный характер не вызывая глубоких изменений в образе жизни номада. В других случаях оно, не отражаясь существенно на подвижности кочевника, видоизменяет характер ея, но не исключает вовсе. В переходе же к оседлости или собственно оседании, имеем явление, при котором номад находится в переходном состоянии, когда образ жизни его и культура в корне ломаются, когда не только быт, но и психика человека ломается, приспособляясь к жизни на одном месте, в условиях интенсивного труда.

Кочевник не находится в непрерывном движении. В районах своего кочевания он делает остановки. По характеру своему они различны. Одни из них—«остановочные места» по лопарски—jesk?m sijt (остановочное место, сежалое место) избираются произвольно в силу внешних причин кочевания — смены дня и ночи, погоды, расстояния и т. п. У лопарей наряду с произвольно избираемыми местами встречаются и вполне определенные, известные под разными названиями.

К иному порядку относятся сезонные места, так наз. «летники», «зимники» и т. п. Характеризуются они прежде всего долгим пребыванием в одном месте—две, три, четыре и более недель, вплоть до нескольких месяцев, при чем даты приезда и отъезда на эти места зафиксированы народным календарем. Сроки пребывания обусловлены не столько внешними обстоятельствами передвижений, сколько причинами, кроющимися в основах кочевого

быта, как-то: передвижениями домашнего животного, периодами лова определенного вида рыб и т. д.

В этом отношении можно наметить два типа сезонных мест: первый—характеризуется «насиженностью» (Н. Харузин) места, т. е. площадки для подвижного жилища; здесь могут храниться запасы дров, провизии, склад зимней или летней одежды, зимнее или летнее подвижное жилище, оставляемые обыкновенно на подобных местах или близ них. Второй, по типу—тот же, но с неподвижным жилищем. Подобное сезонное место удобно назвать местом обитания в полном смысле этого слова. На этом месте или около него может начаться оседание кочевника, а затем и переход его к оседлости.

И, наконец, третий случай, когда место более или менее длительно обитается из религиозных побуждений, где в древности, а у иных народов и до настоящего времени, население более или менее длительно держится из религиозных побуждений на местах, где происходили и происходят общественные собрания для отправления культового действа или для решения общественных дел.

У разных народов и в среде одного народа места обитания могут находиться в разной стадии развития и самый процесс развития их шел также различными путями. У современных лопарей эти пункты уже получили материальное оформление, на них имеются неподвижные жилища и даже селения-погосты, к сжатому описанию которых и обращаюсь.

Семиостровский погост. (N.ĕõr'jel sijt, W.ĕõr'jel' sijt,— по смыслу: северное место). «Семиостров» один из древнейших лопарских погостов. В 1608 г. упоминается, как существующий. Зимнее становище расположено среди открытой тундры. Пологие берега долины истоков р. Елийок мало защищают селение от ветров и заносов. По словам самих жителей, Зимний Семиостровский погост отстоит верстах в 4-х от оз. Калмявр и верстах в 18 от Выхч'явр [1]). Границами Семиостровского погоста являются—береговая линия между устьями р. Лицы Восточной и р. Савихи; с запада граница идет по р. Лице, на Межевую гору, с востока по р. Савихе и оз. Инсявр. Главными занятиями населения являются рыболовство озерное, оленеводство, охота и отхожий заработок на Мурманской жел. дороге. Белую и красную рыбу (гольца и кумжу) семиостровцы сбывают на Никольскую ярмарку, в Варзугу. Результаты незначительных уловов семги идут в Лицу. В оленеводческом отношении Семиостровский погост владеет в среднем 133 ол. на двор. В настоящее время З. Семиостровский погост стоит в стороне от путей сообщения, так как движение между Ловозером и Варзугой, Ивановкой и Каменским погостом

---

[1]) Зимний Семиостровский погост хотя бы приблизительно точно обозначить на карте пока не представляется возможным.

происходит по зимней дороге Ивановка—Красная Щелья—Ловозеро. Семиостровцы ни с одной из народностей, населяющих Летний Наволок, не сожительствуют, но соседями имеют представителей всех перечисленных народностей. Из культурных влияний сказывается русское—в одежде и языке, пжемское—в одежде, в способе выделки шкур, в пользовании оленем для передвижений летом (на оленях пжемской породы) и на хозяйственном оленеводческом инвентаре. Общая система оленеводства остается лопарской. Лопари Семиострова отличаются от своих соседей жизнерадостным темпераментом, веселостью и подвижностью.

Фиг. 6. Летний Семиостровский погост.

Летнее становище семиостровских лопарей—Варзино, расположено на правом берегу р. Варзиной у самого устья ее, на береговой террасе, в 3 *км* от незамерзающей бухты—Дроздовской губы. Деревянные домики стоят вдоль прямой улицы. В северном конце ее, в отдалении стоит часовня. Между летним и зимними становищами на озерах Еноозеро, Низявр и верхнепоканг-ских озерах расположены промысловые места числом около 21. Все население, за исключением дряхлых старух, владеет русским языком.

Зимнее становище, по свидетельству А. Чильмана, насчитывает 7 «кинтищ», т. е. перемещалось 7 раз. Пог. Варзино, насколько мне известно, места своего не менял.

Терские погосты. Каменский погост. Kinžnčkke, Kintčššijt, по смыслу «травяной» погост или место, где растет

трава kint (Triticum repens L плевел ползучий). Каменский погост, по словам всех терских лопарей, древнейший из всех их погостов. Расположен он к NW от оз. Вулиявр, тылом своим обращен к подножью горы Куроптевской, поросшей строевым сосновым лесом; окна домов выходят либо на улицу, либо обращены к болотистой пойме р. Поноя. Восточнее, километрах в 10—15, на берегу озера находится летний Каменский погост. Сюда каменчане ходят на лето и осень промышлять рыбу. Следовательно, каменские лопари кочуют не в меридиональном направлении, а в широтном. Рыболовство, охота и оленеводство составляют главные промыслы населения. В оленеводческом отношении Каменский погост не из бедных, в среднем на хозяина приходится около 106,5 оленя при наибольшем стаде в 700 гол. (для 1926 г.). Население Каменского погоста состоит из лопарей и отчасти самоедов. Погост этот находится в самой глухой части Кольского полуострова, но с 1917 г., благодаря ижемским поселкам, оказался рядом с д. Ивановкой, которая, вероятно, очень скоро разовьется в культурный центр. В Каменском погосте перекрещиваются торговые пути сообщения—с Поноем, Ловозером, с Иокангой и с Варзугой; с этим древнейшим торговым пунктом Терского берега Каменский погост находится и по сие время в постоянной связи.

Влияние Ивановки на Каменский погост значительно. Беднота работает у богатых оленеводов в качестве батраков или поденщиков, олени хозяев-лопарей среднего и бедного достатка пасутся в стадах ижемцев. Более культурные соседи, ижемцы, организовали школу [1]); Ивановский Комитет взаимопомощи в 1927 г. открыл склад продовольствия, тогда же начал работать маленький смолокуренный завод (русский). Русские, ижемцы и одна лопарская семья разводят картофель. Население хорошо говорит по русски.

Иокангский погост. Iowkuj, iowkoaj, šursijt. Зимний погост—«большое место» (в смысле—большой город), большая улица или деревня «вроде как базар или ярмарка». Летнее место расположено на левом берегу устья реки Иоканги, при впадении ее в Иокангскую губу. В 12 *км* к западу от селения находится незамерзающая бухта; устье реки издавна служило убежищем и гаванью для торговых и рыбацких судов «двиняном и каргопольцом» в XVI и XVII в.в. Впервые, как погост, Иоканга упоминается в 1664 г. [3]). Границами служат с запада реки Савиха, оз. Инсявр и далее, вглубь тундры, с востока—р. Западная, где встарину стоял лопарский «поселок» Западное. Летний погост два раза менял место вследствие нападения англичан и русских, которые одно время промышляли в устье Иоканги. На Иокангском

---

[1]) В 1929 г. построена школа интернат.
[3]) Огородников, стр. 70.

озере стоит «выселок»—javr keže parxt'ij—где летом живут две-три старушки и 1 старик. В Летнем Иокангском погосте находится школа, кооператив, снабжающий продуктами соседние погосты, почтовое агентство, рыбопромысловая артель «Красный рыбак», имеющая небольшой моторный бот, другой бот принадлежит частному лицу.

Зимний погост стоит на ручье Вычлай, в 3 — 4 *км.* от р. Нюхчьйог (р. Лебяжья). Зимний погост по сведениям О. Чильмана, имеет 2 кинтища, по моим сведениям три.

Преобладающими промыслами иокангских лопарей являются оленеводство, торосовый и семужий промысла, охота, в малой степени отхожие и случайные заработки и выделка меховых изделий, которые сбываются на пароходы, заходящие сюда и зимой и летом.

Несмотря на близкое соседство с русскими (служащие Святоносского маяка, Иокангской радио-станции, кооператива и почтово-телеграфного отделения и в русский, течение 20 лет бывшим приказчиком купца Язикова)—иокангские лопари единственные, которые сохранили свой национальный костюм и национальное самосознание. С редкой для лопарей стойкостью они отстаивают свои законные права на пастбища. Однако ижемское влияние в одежде проникает и сюда. Русское влияние сказывается в одежде и отличном знании русского языка. Кроме того, у двух лопарей имеются бани; несколько семей держат коз, а в одном хозяйстве есть даже корова.

В Иоканге на хозяйство в среднем приходится 72,4 оленей. Здесь, как и в Семиостровском погосте, сохраняется еще лопарская система оленеводства. Лет пятьдесят тому назад между Летним и Зимним местами расположены были сезонные места иокангских лопарей—Волты-Выннь и Ворна-Варака.

Лумбовский погост (L'mbas'). Границами его служит с запада р. Западная, с востока р. Качковка. Лумбовские лопари насчитывают своему погосту от 250 до 300 лет, но не более, т. е. возникновение его относят приблизительно к 1660—70 годам. Судя по писцовой книге Алая Михалкова, в 1545 г. р. Лумбушка находилась во владении двинян и варзужан, т. е. русских, которые промышляли тут рыбой. Положение Лумбовского погоста, находящегося на берегу Лумбовского залива, у устьев двух рыбных речек Лумбовки и Песчанки, очень удобно для промысла семги и морской рыбы. Лумбочане в море ловят камбалу и навагу, а в р. Качковке семгу. Была у них тоня и на р. Панфиловке. Из богатейшего погоста, в 1876 г., по замечанию Arvid Genetz'a, насчитывавшего не менее 5000 оленей на 18 дворов, Лумбовский погост обратился в беднейший. Средняя оленность на хозяйство, по данным 1926 г. достигает всего 29 оленей, при наибольшем стаде в 150 голов. С Лумбовскими лопарями с 1926 г. сожительствуют две семьи русских переселенцев с Терского берега.

Лопари Лумбовского погоста выделяются своим внешним видом, они сравнительно с другими лопарями высоки, черты лица изобличают примесь русской крови, все отлично говорят по русски. Про себя говорят они, что «вовсе обрусели». Но национальный костюм еще сохраняют. В лумбовских лопарях поражает исключительная чистоплотность.

Лумбовский погост находится в торговых отношениях с иокангским и понойским кооперативами, а также с агентом Севзапгосторга в Поное, которому сбывает продукты охотничьего промысла. В 1929 г. открылось отделение понойского кооператива; имеется школа.

В 1927 г. Зимний Лумбовский погост переместился со своего старого места в д. Каневку. А. Чильман упоминает о двух кинтищах.

Понойский погост (Pɩ̊õńńa), ныне русское село Поной. В 1927 году волостное управление Понойской волости преобразовано в исполком районного совета. Здесь находятся почта, кооперативы, представительства госторгов, фельдшерский пункт, школа и т. п. учреждения.

Пог. Поной—один из древнейших лопарских населенных пунктов. По словам стариков Поной заселился лопарями каменского об-ва; они пришли к устью в незапамятные времена в количестве 7 веж. На памяти семидесятилетних стариков, когда поноянe числились еще лопарями, Понойский погост имел своим зимним местом—бывший пог. Пурнач, таким образом понойские лопари кочевали так же, как и каменчане, в широтном направлении. В 1871 году понойские лопари подали заявление о перечислении их в оседлых жителей; ходатайство было удовлетворено [1]). С тех пор понойцы считают себя русскими. «Те же лопари»—отзываются о них поморы, оценивая их низкую, по их мнению, трудоспособность. До революции, в августе—сентябре, ежегодно, происходил в р. Поное общественный лов семги, в котором принимали участие лопари каменские, лумбовские, сосновские и незаконно Иокангские. Члены совета первого погоста обращались к нашей экспедиции с просьбой указать, что нужно сделать, чтобы им вновь разрешили участвовать в семужьем лове на р. Поное. При этом они ссылались на документ, согласно которому по заключению губернских властей, вероятно, в середине XIX в., было утверждено за ними право ловли семги в устье р. Поноя, которым они пользовались со старины.

Сосновский погост находится на юго-восточной части Терского берега у устья р. Сосновки на правом ее берегу. Сосновские лопари древность своего погоста определяют шестью поко-

---

[1]) Д. А. Золотарев. Кольские лопари. Мат. КЭИ. Акад. Наук, 1928.

лениями, вследствие чего, весьма приближенно, основание погоста можно отнести к 1660—70 годам. Границами погоста являются р. Даниловка, озерко Железное, верховья р. Бабьей, верховья р. Пулонги, р. Лиходеевки (оз. Шаломотьявр) и ручья Глубокого, до его устья.

Сосновский погост в настоящее время имеет только одно «жительство». Между тем в 1889 г. Чильман отмечает, что на Бабозере, прежнем зимнем месте, две семьи в летнее время промышляли рыбой. Более древнее зимнее место находилось на Сиговом озере (на карте не отмечено). В настоящее время два-три старика и старушки на лето уходят на озеро рыбачить и живут в вежах.

Основными занятиями сосновцев являются семужный, тюлений и нерпичий промысла и охота. Олени всех хозяев отдаются на выпас крупному оленеводу - ижемцу, который состоит пастухом у сельского общества. В среднем в Сосновском погосте приходится по 55 оленей на хозяйство.

По национальному составу Сосновский погост также пестр, как Ивановка. Здесь живут коренные жители лопари, затем ижемцы, русские и самоеды, вследствие чего культурные влияния перекрещиваются. Русские научили лопарей обращаться с коровами, возделывать луга и заготовлять сено. Первый самоед научил строить сани и шить сбрую по самоедскому образцу. Русский переселенец организовал кооператив, один из молодых лопарей «учится» пасти стада оленей у ижемца. По берегам моря стоит несколько промысловых веж, построенных русскими для торосового времени. Ижемская, точнее усовершенствованная самоедская одежда, носится всеми сосновцами.

Молодое лопарское поколение говорит по-русски, а есть дети, и совсем не знающие лопарского языка. Лопари в шутку жалуются, что дети путают слова, и они, отцы, не могут их понять. Наряду с этим некоторые старики прочно держатся старого лопского бытья (lȣ̊ɔ̄pske gȣ̊ɔ̄dij).

П е р е р а с п р е д е л е н и е н а с е л е н и я. Прилагаемая таблица этнического состава населения дает достаточное представление о расселении его между вновь возникшими и старыми селениями. Небезынтересна картина перераспределения, происходящая на наших глазах. Сведения эти основаны не на статистических данных, а на личных наблюдениях.

Новые ижемские поселки по составу своему отличаются наибольшей пестротой, при чем населенность их ижемцами и самоедами является, так сказать, исходной. На протяжении десяти лет в пос. Ивановку переселяются сначала беднейшие лопари каменские, затем варзужане (русские). Из нее выселяются две семьи самоедов, ставшие самостоятельными; одна устраивается в каменском погосте, другая выселяется в Макаровку. Несколько иной

характер носит приток населения к лопарским погостам. В Иоканге после купца Язикова остается жить приказчик, привлекаемый охотой и рыбной ловлей. Ижемцу в просьбе принять его в общество отказывают, так же, как и упомянутому приказчику [1]). В Сосновский погост и к устьям реки его района, после голода на Терском берегу, переселяется несколько русских семейств, которые основывают выселки—Пялку, Елисеевку, Качалово и Бабье. В Сосновском погосте, ранее того принявшем, кроме Хамьянова, одну самоедскую семью, оседают еще две. В Лумбовский переселяются две семьи русских, и двум семьям отказывают в зачислении в сельское общество.

Фот. Д. А. Золотарева.

Фиг. 7. Стан и тупа. Зим. Иокангский пог.

Русские переселенцы отличаются предприимчивостью и хозяйственностью. Влияние их на лопарей нельзя не признать положительным (кроме Иоканги). Самоеды мало чем отличаются от лопарей. Ижемцы всюду вносят свой промышленный темп жизни, склонность к эксплуатации, держатся замкнуто и с окружающими не сливаются. И все же есть несколько смешанных браков в Ивановке и Каневке (русская и лопарь, ижемец и лопарка, самоед и лопарка и др.).

Основатели Каневки выходцы из Печоры, приходят в Ловозеро в качестве работников у ижемца; экономически окрепнув, они

[1]) Причинами отказа были нежелание подпадать под влияние зажиточного человека и неуважительное его отношение к лопарям.

переезжают в с. Поной, но окончательно обосновываются в Каневке, куда меньше чем через 2 года переселяются самоеды, затем лопари и, наконец, весь лопарский погост Лумбовский, в том числе и русские.

Типы жилищ. Подвижной образ жизни и культурный сдвиг, который наметился у лопарей в середине XIX в., разнообразие мест обитания и промысловых занятий по сезонам предполагают у лопарей многообразие видов жилищ, в которых удобно жить в разное время года на промыслах, в погостах и т. д. Не вдаваясь в подробное описание всех видов жилищ, отмечу лишь главные, с которыми в дальнейшем придется иметь дело.

Фиг. 8. Вежа и сруб тупы. Пог. Семиостровский.

Стан (oadaj—спалка), на западе на русско-лопарском наречии называемый—куокса (kuvas), повидимому, является наиболее архаичным видом жилья. Размеры стана и его устройство зависят от того, будет ли в нем жить один человек или «команда» в 6—7 чел. Стан очень портативное, переносное, или подвижное жилище типа шалаша. Составными частями его являются «стойки» и «салвасы». Стойка (c'ang)—шест метра два-три длиной. Будучи по кругу укреплены в землю одними концами, а другими сложены вместе над очагом, они образуют остов стана, который покрывается особой

формы брезентами или мешковиной (салвас). Для укрытия 6 человек необходимо иметь 16—18 стоек и 5—6 салвасов. Для одного человека расставляется 5—6 стоек, которые покрываются одним или лучше двумя салвасами. Стан сопутствует лопарям во всех их дальних передвижениях.

Вежа (K'ĕ̈dta) у терских лопарей почти вышла из обихода. В 1927 г. в Иоканге была разломана последняя, в которой жила одна бедная старушка. Сохраняется еще вежа в Иокангском Зимнем погосте, но и ее ждет та же участь. В Семиостровском и Сосновском погостах вежа еще бытует на так называемых осенних местах (čakč sijt). Многие семьи еще живут в них, но в последнее время стремятся заменить вежу более совершенной—тупой.

Фот. Д. А. Золотарева.

Фиг. 9. Лопарская тупа. Пог. Иокангский.

Вежи уже не строят, а сохранившиеся были построены надолго и с места на место не перемещались. На рисунке приводится внутренность старинной вежи, которая на берегу оз. Енозеро стоит уже около 30 лет. (См. фиг. 21).

По форме своей вежа относится к типу шалашей. В основание обычно кладется две двухдюймовых доски, скрепляемых по углам «в замок с остатком». В углы укрепляются четыре упора, на них, отступя с поларшина сверху, накладываются «суповые доски», которые лежат горизонтально. На них налагаются доски, нижними концами их опирают в шпунт двухдюймовок. Все это покрывается мхом и дерном. Фундамент на половину заваливается дерном. В глубокую старину, когда терские лопари не имели погостов, в так называемое «вежное время», вежа строилась также, но разбиралась и перевозилась с места на место, но не в целом виде, сохранялись только доски потолка, некоторые мелкие части, реже—доски фундамента. Упоры и доски фундамента делались каждый раз заново, если кочевки происходили в лесу или из тундры в лес.

Тупа (Par'xt). Досчатый (2-х дюйм.) сруб с потолком, крышей и полом. В срубе прорубают от 1 до 4 окон, строят камелек, после чего вселяются на житье. К тупе пристраиваются, в том или ином виде, «сени», где хранятся дрова и кое-какой домашний скарб. Технически тупа сконструирована так, что без особого труда может быть разбираема и очень скоро, в один-два дня, воздвигаема на новом месте. Гораздо сложнее постройка камелька, так как для него нужен кирпич или камни, глина и т. п. Камелек строит не всякий, но иные мастера возводят его в один день.

Фот. Ф. Г. Иванова-Дятлова.

Фиг. 10. „Дом“ лопаря. Ст. Пулозеро, Мурм. ж. д.

Избушки (izbuške, izba). В последние десятилетия начали делать избушки, которые почти всегда строятся вместе с тупой. Отличие лишь в том, что избушки строятся несколько просторнее и прочнее, иногда из бревен; обычно делают завалинку. Внутри ставится русская печь, тогда как в пристройке—тупе, камелек. Избушка считается парадным помещением, где принимают гостей, избегают грязной работы и т. п. (См. фиг. 7).

«Дом» (dõm)—в смысле большое просторное жилище (в сказках—синоним дворца). В последние годы перед войной и в последнем десятилетии некоторые лопари Иокангского, Сосновского и Лумбовского погостов начали строить жилища по типу северо-русских изб с большими русскими печами, просторными комнатами, которые по обстановке своей не уступают убранству горницы помора или какого-нибудь мещанина из уездного города.

«Дом» обычно разделяется на чистую половину, где принимают гостей, спят хозяева, и на жилую, где идет повседневная жизнь. Почти в каждом «доме» имеется крошечная комната, где стоит камелек. «Дома» строят только в летних погостах.

Распределение типов жилищ по погостам и промысловым местам таково:—в Зимнем Семиостровском погосте каждая семья имеет тупу или, что реже, избушку; на весенних местах—тупу, тогда как прежде стояли неподвижные вежи, которые за последнее десятилетие все заменены деревянными зданиями. На «осенних местах» — большинство заменило вежи тупами, при чем так, что у многих семей «осенние места» объединены с «весенними». Некоторые хозяева говорили, что, когда соберутся с силами, вновь поставят домик на «весеннем» или «осеннем месте», смотря по надобности. При одном из этих мест всегда стоит амбарчик. (См. фиг. 9).

Пог. Варзино, летнее место семиостровцев застроено, главным образом избушками (т. е. избушка и тупа); так же, как и в зимнем месте, при каждом доме стоит амбарчик. В общем, семиостровские лопари имеют по 4 жилища и 3 амбарчика.

В Каменском погосте население живет в избушках, тупы еще сохранились, но не в большом количестве. В Летнем Каменском живут в вежах, в Иокансадке в тупах.

В бывшем Куроптевском Зимнем, судя по развалинам, имелись и избушки и тупы; в осеннем месте куроптевцев (Акеманай) стояли вежи и амбарчики, один из них стоит до сих пор. Иокангская беднота, приезжающая сюда на промысел, пользуется им, хотя и принадлежит он определенному лицу. В летнем месте куроптевцев—Летнем Иокангском погосте, имеется у них по избушке и одному амбарчику. Всего у куроптевских обитателей было по 3 жилища и по 3 амбарчика.

Летний Иокангский погост застроен избушками, тупы только 3; у 7 хозяев возведены «дома»; у многих имеется по два амбарчика. Лет пятьдесят тому назад иоканчане имели «осенние места», где стояли подвижные вежи и амбарчики; по одному из них до сих пор стоит у Волты-Выннь и Ворна-Варака. Зимнее место застроено тупами с сенями и без сеней; у 5 хозяев построены избушки.

Летний Лумбовский погост состоит из построек типа избушек, только у одного хозяина возведен «дом». Было у лумбовцев осеннее место, но где именно, сказать трудно. Осенью, во время лова оленей, они жили в Ворна-Вараке у иоканчан, а затем переезжали в осеннее и затем в зимнее место. В зимнем месте, —старом, можно было заметить и тупы и избушки. Теперь имеется только 2 места—зимнее и летнее.

В Сосновском погосте преобладают избушки и есть два «дома», из коих один построен более 30 лет назад и имеет довольно курьезное устройство.

ГЛАВА III.

Пути сообщения Летнего Наволока.

Отдаленность летних становищ от зимних, разбросанность промысловых мест на десятки и сотни кв. километров, крайняя разобщенность погостов и селений друг от друга,—все это вызывает необходимость совершать дальние поездки. Ежегодно совершаемые маршруты на огромные порою расстояния предполагают как будто либо существование дорог, либо дорожных знаков, либо каких-нибудь культурных установлений, облегчающих преодоление пространства, которое, помимо протяженности, несет в себе не мало препятствий, кроющихся в ландшафте страны.

В пределах Летнего Наволока этими препятствиями будут: крайнее однообразие поверхности, изрезанность ее рвами, ручьями и реками, озерами и болотами, порою крутыми и обрывистыми берегами речных долин и, наконец, протяжением гор, которые, не являясь непроходимыми, все же служат замедляющими и затрудняющими обстоятельствами во время передвижений. Леса также требуют и навыка и уменья ориентироваться в них. Частые и неожиданные смены погоды, метели и глубокие снега,—все это хотя и более частные явления, но значение их в быту лопарей огромно, принимая во внимание, что мужское население почти $^2/_3$ года проводит на оленях, в разъездах.

Способы распознавания путей. Постоянное пребывание в тундре, на охоте, поездки за оленями, ежегодные объезды тундры для собирания своих стад выработали у лопарей особую память и привычку к своему краю, навык разбираться в тончайших очертаниях контуров лесов на горизонте и протяженности холмов, в волнистом рельефе тундры; повидимому, и зрение их отличается способностью ясно видеть предметы в перспективе и воспроизводить их с помощью зрительной памяти с чрезвычайной точностью. Интересно отметить, что лопари хорошо ориентируются в лесу зимою, летом же чувствуют себя менее уверенно и часто сбиваются с правильного пути [1]).

[1]) А. Е. Назаренко. Пути сообщения за полярным кругом, стр. 42.

Тот факт, что недавно умерший в Куроптевском погосте старик—лопарь умел, будучи слепым, ездить в зимнее время в стадо, указывает, что, помимо зрения, у лопарей развито особое чутье местности. Один из лопарей объяснял мне, что знакомую дорогу он узнает с закрытыми глазами, по тем потряхиваниям на неровностях почвы, по которым он едет. Несомненно эту способность следует приписать ощущениям моторного ряда.

Характерна сценка, которая была между мною и одним иоканчанином, лучшим знатоком своего края. Однажды, уже по снегу, мы ехали на «чумбур», упоминаемый в одной из лопарских легенд. Был морозный, ясный день. Очертания холмов выделялись четко. Мой хозяин давал мне «урок по карте». Я никак не мог среди холмистой местности выделить вершину, называемую łaseð jva (Власова голова—вершина), которую он мне показывал. На мой взгляд она ничем не отличалась от окружающих покатостей. Все доводы его, что она повыше будет всех, и цвет у нее другой «с под солнца», и что «растет она на нас», и шире всех других—все это было мертво для меня; даже, когда мы начали отсчитывать «головы», я не различал ее, пока не заметил, что именно по ней движется стадо. Когда учитель мой убедился, что я разобрался в вершинах лежащего перед нами пейзажа, он не сомневался в том, что теперь я составлю карту правильную: ведь я видел всю тундру.

В Мотовском погосте пришлось встретиться с тем же убеждением. Видимо, наиболее прочные знания местности лопари получают именно этим путем, т. е. обозреванием своего края с вершин гор. К этой же способности ориентироваться в местности относить следует и быстрое освоение с картой. В материалах экспедиции имеется чертеж, исполненный двумя лопарями из Иоканги. Чертеж изображает береговую линию от Св. Носа до м. Клятны. Общее совпадение контура с береговой линией на карте 10 в. масшт. изд. Генерального Штаба наглядно показывает знание лопарями своей земли.

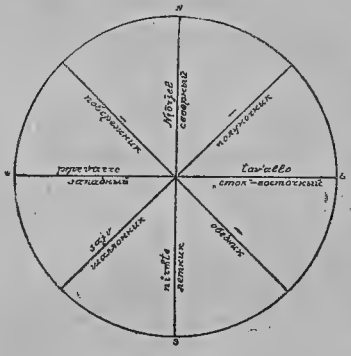
Таковы субъективные данные для распознавания путей. Без того исключительного знания тундры, которым отличаются лопари вообще, а некоторые в особенности, они не имели бы диференцированного понятия «дорога»—которое выражается в существовании у лопарей четырех терминов Pal'ges'—тропа, K'ajna—дорога между соседними, селениями одного и того же наименования, след от которой заметен и летом, rəðta—объезженная плотная зимняя дорога, c'ekkas—свежая, по порвому следу [1]).

---

[2]) Сведения эти были мною получены у двух девушек лопарок, слушательниц полярного рабфака И. Ж. В. Яз. Так как нельзя быть уверенным в хорошем знании ими дорог и условий путешествий по ним, что считается мужским делом, то я не твердо убежден в смысле и значении этих слов. Arvid Genetz дает несколько иное толкование слова K'ajna, (Keajna—A. G.),—а именно: след, по которому идет зимняя дорога.

В конце концов, лопарская дорога есть направление с едва заметными следами передвижений; пользование ими удобно, но не необходимо, так как лопарю помогает глубокое ощущение, чутье пути, граничащее со знанием, но корни его, видимо, кроются в сфере подсознательной.

Но существуют и объективные, более определенные и порою точные способы распознавания путей по явлениям природы: по ветрам, звездам и т. п. В основе лежит твердое знание расположения стран света.



Фиг. 11.

В использовании ветров чрезвычайно важен навык и днем и ночью внимательно следить за малейшими изменениями погоды. Выйдя утром из дома, лопарь не только ощущает ее, но и определяет, при чем наибольшее повседневное значение для него имеет ветер. Лопарь различает восемь направлений ветра (см. фиг. 11).

С этим чувством и знанием ветра, который предопределяет все трудовое расписание дня, лопарь живет сутки, остро реагируя на каждое изменение ветров и погоды. Отправляясь в путь, он непременно отметит в памяти направление, в каком простираются суметы снега, навеянные в день отъезда или задолго до того. Допустим, что иоканчанину надо ехать в Лумбовский погост. Он твердо знает направление, в котором лежит Лумбовка относительно Иоканги и стран света. Суметы имеют направление NO. Ездок определяет угол, образуемый обоими направлениями и, постоянно придерживаясь этого угла, движется в нужном направлении до тех мест, которые ему хорошо знакомы. Изменчивость ветра лопарь определяет ощущением его на лице. Но может случиться, что ветер отклонится в сторону, а новые суметы еще не успеют отложиться. Лопарь, двигаясь в прежнем направлении, учтет угол, под которым изменился ветер, и в случае, если старые суметы занесет, будет двигаться по ветру. Но может случиться, что старые суметы метелью или «куревой» занесет и отложит новые. Остается только определить угол, под которым наслоились новые суметы по отношению к старым, и соответственно этому двигаться. Точно так же, объезжая пахты (обрывы), речки и ручьи, двигаются по суметам, учитывая угол их.

Тот же принцип «угла движения» лежит и во время поездок «по звездам», при чем из созвездий и звезд предпочитают пользоваться Плеядами (nijdi k'erʧgaj), Большой Медведицей (p'ala šur jiks), и Полярной звездой (ʤŏr'jil tas'tă). В этих переездах надо

твердо знать, каково местонахождение данной звезды на небе по отношению к местности.

В продвижениях вдоль берега большую роль играет темная полоса неба над морем; по ширине и оттенку ее судят, как далеко или близко от моря находится путник.

Бывают поездки, когда в силу туманов или неясной зимней погоды можно пользоваться только луной. Однако, ориентироваться на нее отваживаются не все,—только памятливые и опытные ездоки. «Поезжая» по солнцу или луне, учитывают угол их движения по небу, при чем подсознательно, повидимому, учитывается высота светила над горизонтом (в данное время года) и момент прохождения им меридиана.

Для распознавания в пути стран света служат такие обычные признаки, как темная кора деревьев, склонение стволов в сторону, зарастание камней печеночными лишаями и др. Соловцов [1]) указывает еще распознавание на слух, припадая к земле. Подобный способ мне наблюдать пока не доводилось.

Вот те средства распознавания пути, которыми пользуются лопари в своих передвижениях без дороги и без дорожных знаков. Когда эти средства отказываются служить, прибегают к следующему обычаю. Передовым ездоком пускают человека, в роду которого были нойды или он сам нойда. Однако факт этот требует проверки и подтверждения, так как лопари уклонились от определенного ответа на расспросы. Кроме того в обычае лопарей ставить впереди группы путников человека, который лучше и яснее видит тот предмет, камень, гору и т. п. признаки нужного пути, по которому следует двигаться вперед.

Тропа. И в лесах и в тундрах Летнего Наволока девственный покров почвы изрезан сетью тропинок. По ним вольно пасущиеся олени, домашние и стаи диких, в зависимости от направления ветров, совершают свои перекочевки с севера на юг, юго-восток, с востока на запад и обратно. Только лопарь врожденным инстинктом и поколениями выработанным навыком умудряется различать оленью тропу от тропы человека.

Лента ее тянется не сплошной линией, но то появляется на горе, то исчезает на низинах, перед ручьями, на низких луговинах между холмов. На мшистых, мелкотравяных склонах возвышенностей, порою едва заметные, виднеются выбитые или умятые разрозненные участочки земли. Они тянутся как бы цепочкой с холма на холм, огибают озера, минуют топкие непроходимые болота (tippe sienna) и низины, и едва различимой темно-зеленой полоской прорезают луга или проходимые болота. На возвышенностях, где почвенный покров нарушен или отсутствует вовсе, вследствие чего проступает

[1]) Соловцов. К. Арх. губ. вед. 1861. „Каменный погост".

материнская порода, едва заметны признаки того, что у лопарей носит название дороги.

На расстоянии 80 *км* от Варзиной до оз. Низявр, где расположены осенние места семиостровцев, вряд ли можно было насчитать хоть один перегон в 5—6 *км* непрерывной тропы. Через болота и ручьи, быть может, на 100 *км* проложена одна кладка, да и то это полоз старых саней или корявый ствол извитой березы. Через потоки и речки перебираются по камням как люди, так и олени. Нагромождения их преодолеваются без замедления. Ступая на ребра камней подошвами, выбирают места, еле заметные зеленовато-коричневым оттенком. Из года в год ступая на них, человеческая нога обтерла их остроту и сделала удобными для ходьбы.

На кочках или меж ними трава чуть-чуть измята или вытерта. Среди порослей кустарников едва темнеет полоса пригнетенных человеком кустов. Вот все, что можно сказать об естественных признаках тропы. Для того, чтобы ходить по ней, необходимо твердо знать места исчезновений и появлений отрывков тропинки. Человеческая тропа менее явственна, чем оленья. «Сбиться с нее и попасть на звериную легко».

В Терской Лопи по тропам идет пешее движение и притом только в теплое время года. Семиостровцы же пользуются направлениями троп и в снежное время.

При передвижениях по тропам главное значение в распознавании пути имеет зрительная память, так как ориентируются вершинами холмов и возвышенностей, изрезанностью контура леса и выступанием отдельных деревьев. Правильность пути проверяется расположением озер, течением рек и ручьев и другими приметами, значение которых важно для каждого человека отдельно.

Путеводные вершины отличаются либо высотой, формой или памятны лопарям по какому-либо случаю из жизни или по преданию.

Если тропа пролегает в гористой местности, перевалы совершаются не через вершину горы, хотя бы она и была проходима, а по склону ее. Как правило, тропы и вообще переходы по тундре приурочены к водоразделам с целью переходить реки в верховьях, а не в среднем и нижнем течении, где берега круты, а течение быстро по порожистому руслу. Лопарь идет, не отклоняясь в сторону, преодолевая препятствия и огибая лишь озера и непроходимые места. В результате достигается экономия сил, а знание местности делает тропу наиболее легко проходимым расстоянием, но не кратчайшим. В общем лопарская тропа имеет вид ломаной зигзагообразной линии.

У жилых мест, у погостов и у топей, расположенных обычно у устьев рек, и у зашейников [1]), пользуются лодками. Если дове-

[1]) Зашеек—место впадения реки в озеро или истока из него.

дется переходить через долину горной речки с крутыми берегами, не спускаются прямо по крутизне, но либо обходят, либо ищут отлогий спуск, будь то заросшая осыпь, обвал или русло ручья (например, Немецкий ручей у с. Поной). Но прибегают и к другому средству, о котором рассказывает К. Соловцов. Подойдя к обрывистому берегу Поноя, лумбовские лопари спустились под откос на веревках [1]).

Искусственными указателями пути лопарская тропа бедна. Очень редко можно встретить камень, положенный на валун. Другим признаком тропы, но не указателем ее служат камни. Они выше человеческого роста, неправильной формы, с закопченной внутри стороной. Обычно носят они чье-нибудь имя, присвоенное со старины. Назначение их не столько указывать путь, так как, будучи расположены в долинах или на склонах, издали они не приметны, сколько служить убежищем на ночь и в непогоду. На одном из таких камней, на верхушке его, я видел два кусочка хлеба, а у подошвы просыпанный табак.

Характерно, что все тропы (лин. 15, см. карту) связывают летние погосты с местами рыбных промыслов. Так, тропа семиостровская, начинаясь дорогой от пог. Варзинского, в нескольких местах отклоняется от дороги и затем вновь соединяется с нею. Например, тропа на Иок'явр, на Енозеро, Низявр. В местах разъединения дорог в последнее время некоторые лопари ставят сани-избушку (par'x't-san').

Несколько иного вида, но тоже связанные с рыболовством— тропы, соединяющие пог. Каменский, Лумбовский и Иокангский с Поноем. По ним лопари этих погостов ежегодно в конце августа, начале сентября отправлялись на «поездование» в устье Поноя, для промысла осенней семги. После революции права каменских и лумбовских лопарей на лов семги не восстановлены, и походов туда больше не совершается. Иоканчане не имели прав и раньше и поэтому ходили вместе с лумбочанами в качестве работников. Тропы эти ныне зарастают.

Весьма важную роль и в экономическом, и в культурном отношении играла тропа—Варзуга, — погост Сергозеро,—п. Каменский, п. Куроптевский осенний (Акеманай), — п. Летний Иокангский, — п. Летний Лумбовский. По всей вероятности, значение ее было подобно значению тропы-тракта Кандалакша — Кола. Я заключаю это со слов одного из лумбовских «досельных стариков», который говорил, что в былое время в Иокангу и Лумбовку (богатейшие погосты еще в середине XIX века) из Каменского и Варзуги в осеннее время шли русские на сезон лова оленей в тундре и на другие работы. Очень возможно, что

---

[1]) Соловцов, К. Арх. Губ. Вед. 1861 г. „Поной".

этим же путем направлялись с юга «покрученики» на тресковый лов в восточную часть Мурманского берега и северо-западную Терского. Что это могло быть так, можно судить по воспоминаниям лопарей, свидетельствующих, что русские промышляли здесь треску и нерпу, а одно время даже изгнали иоканчан из их погоста и осели сами [1]). Очень возможно также, что продукты промыслов доставлялись из «Терской Лопи» в Варзугу этим же путем. Морской путь через Святой Нос был трудно проходим для утлых поморских судов, которые зимовали в отличной Иокангской гавани. Кроме того, на левом берегу устья реки Иоканги, как передают, похоронены погибшие карелы. Можно подозревать, что это были промышленники из Кузомени [2]).

Из Варзуги на Поной, через Иокангу и Лумбовку и обратно, как передавал тот же старик, шли нищие и странники. Все это тем более вероятно, что Варзуга и Поной, в особенности первая, с XVI в. [3]) были сравнительно крупными торговыми и промышленными центрами.

Этим же трактом в XIX в. направлялись в г. Кемь лопари-новобранцы. В настоящее время функционирует только участок Варзуга—Каменский (Ивановка); участок Каменский—Летн. Куроптевский (Акеманай) почти зарос. Иокангские старики помнят только, что «была тут путь». Третий участок Акеманай—Летняя Иоканга еще живет; во-первых, потому, что у Акеманай летуют некоторые иокангские лопари, а в 20 *км.* к З. расположено летнее место трех семей каменчан - Иокансадка; во-вторых, с учреждением в Иоканге кооператива изредка семиостровцы приходят в лавочку для забора продуктов; быть может движение по этому участку когда-нибудь восстановится.

Если предположения мои правильны, то они приводят к заключению, что тропы возникновением своим в пределах Летнего Наволока обязаны главным образом рыболовным занятиям лопарей, и что характерной чертой пеших путей передвижения является обусловленность их расположением озер и устьев рек промыслового значения.

Проселочные дороги. Уже очерчивая тропу Варзуга—Иоканга, мы подошли к следующему виду лопарской дороги—

---

[1]) Выше уже упоминалось о Лумбовской губе, как русском промысловом месте, и о двинянах и каргопольцах, приходивших в Иокангу. „Покрученики“—поморы, подрядившиеся на сезон трескового лова работать на судне какого-либо рыбопромышленника.

[2]) Огородников, стр. 659, 591 и сл.

[3]) Населенный пункт на месте современной Варзуги упоминается впервые в 1419 г.; о погосте Понойском говорится, что в 1575 г. в нем имелась церковь, и приход этот в то время уже опустел. См. Огородников стр. 606, 612, 609 и др.

проселочной. Основное ее назначение — соединение одноименных погостов, т. е. летнего погоста с зимним.

Проселочная дорога по своему внешнему виду, хотя и отдаленно, но приближается к нашему представлению о дороге—это настолько широкая и даже уплотненная кое-где полоса земли, что двое саней могут разъехаться. Внешний вид растительности этой полосы несколько отличается от окружающей; очень часто она покрыта густой травой; на болотах осока либо ниже, либо не заметна. Что касается остальных естественных признаков проселочной дороги, то к ней приложимо все, что было сказано о тропе.

История и быт наложили на проселки свой отпечаток. В виду того, что дороги эти служат для передвижения на санях и только на олене, ягельники являются необходимой принадлежностью проселочной дороги. В настоящее время они выбиты ижемскими стадами. Это довольно ясно видно на иокангской и семиостровской дорогах. Другими характерными внешними признаками проселочной дороги следует признать пролегание ее по водоразделу и следы древней и современной жизни: чудские ямы, вежные места, станные (ₒadzi sije) и ночлежные места (jeskɛ̆m pajh'kʲ) [3]), а также довольно большое количество дорожных знаков. Проселки идут не кратчайшим путем и не столь прямо, как зимник, а ломаной линией, напоминающей зигзаг. Изгибы дороги не следует приписывать существованию каких-либо препятствий в виде рек, пахт и т. п. Они объясняются историей развития проселков. Для передвижений на олене зимой препятствия играют очень незначительную роль. Поскольку оленю не нужно прыгать с какой-нибудь высоты вниз, он идет под любой откос, даже в 70° и 75°, лишь бы нога его соприкасалась с землей. В этом отношении лопари всецело полагаются на оленя: раз олень идет—значит, ехать можно. На карте видно, что семиостровская дорога проходит через одно «вежное место»; на 10 в. карте именуется оно Старый Семиостровский погост; Иокангская—через два вежных места: Волтывыннь, Ворна-Варака и Старый Иокангский погост. Так же, вероятно, пройдет дорога из Летнего Лумбовского в Каневку и иокангская дорога на Лебяжье, куда, судя по некоторым признакам, вскоре переместится весь Иокангский погост.

Это стремление придерживаться проложенного пути можно объяснить не только косностью лопарей, но и тем, что погостная дорога «из века» пролагалась по ягельникам, дабы уставшие упряжные олени и перегоняемое стадо могли найти у дороги хороший корм. Кроме того, поколениями были выработаны сроки выездов из погоста, определены удобнейшие места привалов (ₒara zalum), где всем погостом лопари останавливаются на ночь.

---

[3]) Привал, по-лопарски.

Ночлежные места избираются «в заветрии», среди отличных ягельников, вблизи вараки, где можно добыть сухого можжевельника. Рубить сырой или запасать его для просушки к следующему приезду обычай запрещает.

В подобных местах можно найти, так называемые, «станные места», или «шалаши». Они разбросаны по всей тундре, по путям охотничьих и санных передвижений, на пастбищных местах, но, главным образом, вдоль проселочных дорог. Над почвой они выдаются в виде кочки, бугорка земли или камня, обложенного плитняком.

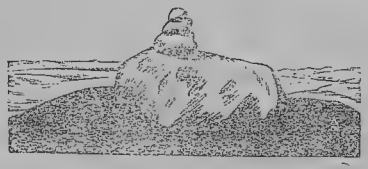
Местоположение ночлежных мест связано с истоком ручья или переправой через реку. Отстоят они друг от друга на расстоянии дневного перехода. На разных дорогах количество ночлежных мест колеблется—у Сосновского—ни одного (но два привальных), у Лумбовского погоста—1, у Иокангского—2, у Семиостровского—одно на перегоне между осенними местами, другое—между осенним и зимним местом (см. карту и фиг. 30). Каждое, даже постоянное место отдыха во время похода носит свое название. Так, у семиостровцев одно из них называется—modčis n'unna, «красивый носок», у сосновцев—ormij «сежалый»—от слова сидеть. Ночлежное место можно узнать по количеству станных мест, разбросанных там и сям. Порядка в пользовании ими не соблюдается. Каждый год занимают другое место, дабы не «топтать ягель» на одном и том же месте. Ныне это правило забывается.

С тех пор как ягельники вдоль погостных дорог оказались «вытоптанными», лопари вынуждены на ночлег отклоняться далеко в сторону от пути и выискивать сохранившиеся участки ягеля. В виду того, что для ночлега важен не только ягель, но и лес и вода, приходится отходить в сторону иногда на 10—15 *км*, чтобы найти место, отвечающее всем условиям. Это отклонение влечет за собою не только удлинение пути, но и вызывает нездоровое соревнование среди односельчан. «Стадчики», т. е. богатые оленеводы, быстрее передвигающиеся, обгоняют остальных и первые занимают лучшие места.

Неотъемлемым признаком проселочной дороги (в настоящее время) является существование на ней дорожных знаков taββe. Они расставлены на пригорках, кочках и возвышенностях, на довольно постоянном друг от друга расстоянии с таким расчетом, чтобы в снегопад они были различимы один от другого. Лопарский дорожный знак представляет собою столбик, сложенный из плитняка неправильной формы: то это продолговатый камень, поставленный стоймя, то пирамидка, или грудка камней. Обычно в основании лежит валун, и на нем камень бо́льшего диаметра, нежели выше расположенные. (См. фиг. 12 и 13).

Кроме того, у дорог или несколько в стороне от них стоят столбы выше человеческого роста из наложенных друг на друга

камней. Будто бы они похожи на человека. Называются они «гуриями». И гурии и tāββe стоят на высоких местах и видны издалека. Для меня они пока загадочны, так как есть основание считать некоторые из них сейтами. Есть ли это обиталище специально дорожных богов, как думал Arvid Genetz, я не могу сей-



Фиг. 12.

Фиг. 13.

час сказать. Во всяком случае о некоторых из них старики, еще помнящие Arvid Genetz'a, говорят: «то пустой гурий». (См. фиг. 14).

Возникают taββe следующим образом. Если лопарь или группа лопарей заблудилась и затем счастливо нашла правильный путь, на наиболее приметном месте ставится знак. Теперь на дороге можно встретить массу «гурийков»—это ребята балуют во время переездов. Родители подобного баловства не запрещают, тогда как прежде не позволяли.

Фиг. 14.

Для проселочных дорог характерно их направление с севера на юг. Наиболее ярко выражено это в иокангской дороге; лумбовская и семиостровская очень сходны. Каменский погост проселочной дороги в принятом нами смысле не имеет,—скорее это тропа, подобная тропинке, соединяющей Иокангу с javr kež parxt'ij. Сосновский погост имеет теперь только тропу к Бабозеру; между тем прежде туда шло движение, подобное и Иокангскому и Лумбовскому. В сравнительно недавнее время, до построения в Сосновке церкви, от бывшего у Бабозера погоста шла дорога на Лумбовский погост. Эта дорога соединяла сосновских лопарей со всей терской лопью. По ней направлялись гости на праздники в Иокангу, Лумбовку и Каменский.

От описанного типа дороги по своим естественным признакам очень мало отличаются т. н. «зимники».

Зимник. В узком значении слова это дорога, существующая только зимой по снегу. По этому признаку и проселочные доро и

иногда называют зимниками. Однако функции этих дорог различны. Зимник следует определить, как дорогу, соединяющую соседние селения друг с другом и при том так, что все они оказываются связанными с торговыми и административными центрами края. Роль зимника в этом смысле исполняет магистраль, соединяющая с. Поной (Р.И.К.) со всеми зимними погостами лопарей, а именно: Лумбовский Зимний, Иокангский Зимний, б. Куроптевский Зимний, Каменский, Семиостровский Зимний, Ляозеро, Ловозеро (Р.И.К.), Пулозеро, Кола.

Зимник считается установленным после двух-трех поездок в направлении, обычном для этой дороги. Эти первые поездки намечают путь, что облегчает распознавание его, и уплотняют снег настолько, что оленям легче двигаться. После каждого сильного снегопада или снежной бури приходится почти заново восстанавливать дорогу. После первых поездок начинается нормальное движение по зимнику. Максимума своего оно достигает в рождественские праздники, когда лопари ездят друг к другу в гости.

Раньше зимнику Поной—Ловозеро губернское управление уделяло большое внимание. До сих пор на значительных участках этого пути сохранились вешки, рогатины или козлы, которые возстанавливались каждый год. С учреждением около 1924—25 г. зимних пароходных рейсов до Иоканги почта пошла по новой дороге через Л. Иокангу, Л. Лумбовку на с. Поной; старый зимник оказался заброшенным. Так как вехи ставятся, главным образом, летом и только в проходимых местах, а зимник пересекает и непроходимые, провешенная дорога оказывается значительно длиннее зимника. Лопари всегда сокращают эти расстояния «русской» дороги, на проселочных же старики строго придерживаются установленного направления. Проложенный в декабре, в первых числах апреля зимник теряет свое значение, так как большинство селений оказывается уже пустыми. В середине мая от зимней дороги, кроме вех да полосы пригнетенных кустарников, не остается никаких признаков.

В пределах Летнего Наволока существуют пять зимников: 1) Кола-Поной через Иокангу Зимнюю, Каменский погост, Ивановку, Семиостровский пог.,—вплоть до Ловозера или, по крайней мере, до Семиострова, уже утерявший свое первоначальное значение; 2) почтово-грузовой зимник—Поной—Летняя Иоканга—Иокангская радиостанция, заменивший предыдущую дорогу со времени пароходного сообщения между Иокангой и Мурманском; 3) Варзуга—Поной, вдоль берега Белого моря. Начиная с февраля вплоть до апреля, идет по нему усиленное движение русских промышленников Терского берега на торосовый тюлений промысел; 4) Ивановка—Красная Щелья—Ловозеро, и наконец 5) Ивановка—Стрельна на Терском берегу.

Несколько особняком стоит уже упоминавшаяся выше тропа-дорога Варзуга — Ивановка — Каменский. Несмотря на то, что Варзуга, видимо, потеряла свое крупное значение, все же она является притягательным центром для населения Летнего Наволока. По дороге Варзуга—Каменский движение идет и зимой и летом. Зимой сюда направляются олени для продажи русским оленеводам, а позднее на никольскую ярмарку направляется пушнина и озерная рыба; обратно идут продукты из кооперативов, а в Семиостровский погост даже лодки. Ивановский КОВ [1]) продуктами запасается главным образом в Варзуге. Летом по этой весьма трудно проходимой дороге русские и лопари ходят,—правда, и те и другие очень редко,—за пополнением продовольственных запасов и на работы. По этой же дороге и встарину и теперь еще идут из Варзуги плотники, строители лопарских и ижемских домов, и подручные работники ижемцев. Из Варзуги же пришли первые русские поселенцы во внутреннюю часть Восточной Лапландии. Все дороги и зимой и летом обслуживаются оленем, запряженным в сани или «тàшкой» (вьючным седлом) [2]) (см. рис. 15).

Фиг. 15. Детский рисунок.

Е з д а н а о л е н я х. Для того, чтобы дать некоторое представление об езде на оленях по лопарским путям сообщения, позволю себе привести выдержку из дневника во время экскурсии моей на «собирание оленей» в октябре 1927 г.

«В этом году снег выпал рано, озера и реки затянуло сплошным льдом. Озеро переехали «счастливо» по льду. Между тем, обычно переплывают люди с кладью на лодках, олени вплавь, таща за собою сани. Мой хозяин и его команда выехали из погоста последними и надеялись вскоре поровняться с остальными артелями.

Пока держались дороги, уже укатанной проехавшими вперед, ехать было легко, приятно потряхивало на неровностях почвы и маленьких камнях, выступавших из-под снега. Надо было усиленно погонять оленей и работать хореем [3]), чтобы догнать товарищей. Скоро стало жарко. Я скинул капюшон малицы. Поров-

---

[1]) Ков—Комитет взаимопомощи.

[2]) Более доступно движение по рекам Поною и Варзуге, по которым тянут грузы. Обе реки порожисты.

[3]) Шест, которым погоняют оленей. Держат его рукой так, что задний его конец находится под локтем, а передним тыкают в задние части оленя. Хороший хорей длинен и достигает головы оленя.

нявшись с остальными, вытянулись длинным поездом не менее полуверсты длиной.

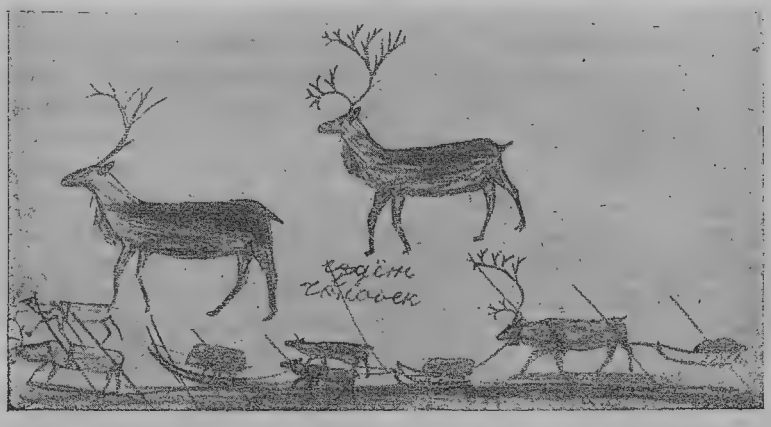
По замерзшим болотам и озерам гнали оленей карьером, перегоняя друг друга. Ветер свистел в ушах и освежал. Лопари без шапок, долговолосые, визжали от восторга; почувствовав себя опять в санях, опять с оленем, они с неистовством погоняли своих «пруткошественных оленей». На санях сидели, а по сторонам бежали восхищенные псы. Под санями, на привязи, будучи не в силах угнаться за оленем, жалобно верещали молоденькие собаченки, взятые для обучения. Порою лопарь подтягивал несчастную за веревку и сажал на сани; зализав раны, она принимала участие в общем гике и визге.

Вскоре после остановки и небольшого совещания свернули вправо. Дорога осталась позади. Никаких признаков пути. Едут по избранному направлению на какой-то лесишко. Ни поросли кустарников, ни камни, ни кочки выше пояса—ничто не служило препятствием; их даже не объезжали. Отвыкнув за лето от хорея и саней, я с трудом удерживал равновесие, тогда как лопари, плавно изгибаясь в пояснице, прочно сидели в санях. Под вечер освоился и я и редко, чтобы не упасть и удержаться от падения, соскакивал с саней. Порою одним полозом они скользили по маковкам высоких кочек, другим проваливались в яму между ними. Ногой, хореем или пробежкой в два-три шага уравновесив свой ковчег, вновь летишь, чтобы не отстать и не задержать едущих сзади. Когда кто-нибудь «опружится» (упадет), веселый хохот встречает неудачника, но никто не остановится, все продолжают путь. Овражки, ерсеи (незамерзающие места в болоте), ручьи и речки перелетаем единым духом. Удобных переправ не ищут, разве что олень откажется идти. Если же бежит, значит, ехать можно. Сани становятся боком, почти перпендикулярно и, кажется, падают. Затем ухают в речку и, кажется, вот-вот сорвешься с них и упадешь впереди оленей, но носки их уже над головой, цепляешься за сани, чтобы не сорваться вниз, и погоняешь оленей, дабы и в самом деле не застрять где-нибудь в ручье. Под откос в 50—60° летят, не задерживаясь. Если же встретится обрыв, а объезжать его далеко,—направив сани перпендикулярно к нему, свергаются вниз, хотя бы и было сажени две высоты. В конце концов, эта скачка без препятствий по препятствиям—большое наслаждение. Но кочки, камни и рытвины—мучение; даже лопари после летних перерывов не сразу привыкают к подобной дороге, а некоторые женщины заболевают морской болезнью».

ГЛАВА IV.

Образ жизни северного оленя и оленеводческий уклад быта лопарей.

В ближайшем родстве домашнего и дикого оленя, кажется, нет сомнений. Таково же и представление лопарей об их кормильце. Судя по воспоминаниям о несохранившейся или скрываемой легенде о происхождении домашнего оленя и по одному рассказу о приручении диких оленей, домашний считается «дикарского



Фиг. 16. Детский рисунок.

роду». Это важно в том отношении, что сравнение перекочевок дикого и домашнего оленя обнаруживает между ними много общего; с целью показать это сходство полезно привести те данные о передвижениях дикого северного оленя, которые почерпнуты у лопарей Сосновского, Каменского и Лумбовского погостов.

Кочевки дикого северного оленя. Зимою дикарь приходил [1]) в юго-восточную часть Летнего Наволока и держался

[1]) Сведения относятся ко времени до проведения Мурманской ж. д., т. е. до 1916 г.

главным образом за р. Поноем. Но встарину, как передавали современным лопарям их отцы и деды, заходил он и за левый берег р. Поноя, за кейву. Приблизительно с февраля—марта начиналось обратное движение на запад. Главная масса шла вдоль р. Поноя на Хибины, Чуна-тундру, на высоты Северной Норвегии. Но в иные годы случалось, что меньшая часть дикарей оставалась в пределах Летнего Наволока и в течении всего теплого времени года, кочевала в тундре и у берегов океана, у Лумбовки и мыса Городецкого, за реками Иокангой и Варзиной. Кроме того, на Кольском полуострове существуют, кажется и по сейчас, т. н. «жилые» или «оседлые олени», т. е. дикие олени, ведущие оседлый образ жизни [1]). Под осень дикие олени скоплялись перед перевалом через кейву [2]) севернее Зимнего Иокангского и Лумбовского погостов. Рассказывают, что до войны был год, когда лопари во время «имания», (т. е. во время осеннего сбора оленей) встретили на кейве два стада дикарей. Вообще же, начиная приблизительно с декабря, дикари, возвращавшиеся из Норвегии, «оседлые» и оставшиеся на востоке кочевые, сосредоточивались между р. Попоем и р. Варзугой [3]), в районе Поноя и Сосновки бывало и есть наибольшее скопление. Объективным признаком этого может служить то обстоятельство, что охотничьи угодья на дикаря у Каменчан считались лучшими именно в районе Сосновского погоста.

Трудно указать причину подобной планомерности в передвижениях дикого северного оленя. Судя по рассуждениям одного иокангского лопаря и по тому, что стада домашних оленей выпасаются лопарями «по солнцу», можно высказать следующее предположение: осенью и зимой в полярных странах солнце появляется в южной части небосклона на очень непродолжительное время. В виду долготы ночи олень начинает бодрствовать еще до восхода солнца и движется навстречу ему, привлекаемый светом. Вечером солнце садится почти в том же месте. Олени, двигаясь по свету, проделывают таким образом в направлении к югу бо̀льшие расстояния, чем в каком либо ином. Весною и летом обратная картина: бо̀льшую часть суток солнце находится в северной части горизонта, и так как олень более всего продвигается в прохлад-

---

[1]) Говорю на основании показания лопаря охотника за дикими оленями. Очень возможно, что дикие северные олени, обитавшие в пределах Летнего Наволока, доходили только до Хибин, другие только до Чуна-тундры, а иные из западной части Мурмана кочевали до Финмаркена. Интересно сравнить с указанием Силантьева, А. Оленеводство в России. Ежег. Упр. Зем. и Зем. Департ. за 1908 г. СПБ. 1909, стр. 647. Пользуюсь его термином „оседлые“.

[2]) Ср. E. v. Wrangel. Reise längs der Noraküste von Sibirien. Ч. II стр. 11—12.

[3]) Судя по всему впервые были приручены оседлые олени. Однако вопрос этот следует еще проработать, для чего необходимо будет привлечь огический материал.

ное время суток, то преобладающим движением явится северное и западное, так как скорее можно предположить отдых при поднявшемся солнце, нежели при заходящем. Подобное явление наблюдается и у людей полярной области, в частности у лопарей [1]).

Возможно, что именно эта разница в суточных передвижениях и создает меридиональные кочевки оседлых оленей. Веками совершаемые, они выработали инстинкт к юго-северным перемещениям. Но может быть, дикари, кочуя, выбили те оленьи тропы, которые бороздят всю тундру и по которым до сих пор ходит домашнй олень [2]). Таким образом постоянство кочевок можно объяснить не только инстинктом, но и направлениями троп. У кочевых оленей амплитуда кочевания значительно больше и направление имеет NNW и SSO.

Помимо того, в этих передвижениях применительно к ограниченным периодам времени, каковы сутки, недели, месяцы, весьма существенную роль играют смены ветров, к которым олень очень чувствителен. Несомненно также, что положение таких водных бассейнов, как Имандра и Кандалакшская губа, берега которой населены, имеют очень важное значение. Но, быть может, первенствующую роль следует отнести к топографическому распределению кормов [3]), к годовой смене их по сезонам—фактору столь важному в жизни домашнего оленя, а следовательно и дикого.

Питание оленя. О питании дикого северного оленя сведений в русской литературе я не нашел, о пище же домашнего приводятся разрозненные данные у С. В. Керцелли [4]) и в специальной статье ныне покойного проф. М. Добротворского [5]). Несмотря на то, что относятся они к породе оленей, живущих в Печорском крае, все же воспользуюсь ими в применении к дикому оленю Лапландии. Думается, что натяжка эта—допустима. В общих чертах питание оленя можно представить в следующем виде.

Олень питается:

Зимой — Главным образом: ягели (jàgel') и лишайники.

Весной — Древесные почки и ягель. Почки, распустившиеся листья, ягеля избегает.

---

[1]) Эти соображения интересно сопоставить с лопарскими представлениями о солнце, которое совершает свой суточный „объезд" по небу на олене. Н. Харузин.—Русские лопари, стр. 350—351 и 145.

[2]) По словам лопарей пог. Ловозеро теперь тропы эти зарастают. В восточной части Кольского полуостр. их можно еще наблюдать.

[3]) Распределение кормов, в частности ягеля в зависимости от топографии местности и, главным образом, от рельефа и сложения горных пород, играют в жизни оленя весьма существенную роль. Представляло бы большой и научный и практический интерес произвести в этом направлении специальные изыскания.

[4]) С. В. Керцелли.—По Большеземельской тундре.

[5]) М. Добротворский. — Пища северного оленя.

Летом — Травы, листья, ягель. Травы в лесу избегает [1]).
Осенью — Ягель, травы, грибы, ягоды, леминг.
Зимой — Лишайники, ягеля.

По составу пищи все необходимые растения олень последовательно находит в зонах растительности, намеченных выше, т. е. в лесах, лесо-тундре и в тундре. Таким образом, пересекая по диагонали пространства Кольского полуострова, олень находит пищу в нужном ему разнообразии во время передвижения с SO на NW или с N на S и обратно.

Дисциплина, наложенная на оленя оленеводческими народностями, в частности лопарями, кажется, в наименьшей степени, не могла подчинить себе полностью ту «дикарскую вольность», которую олень до сих пор сохранил в инстинкте к юго-северным передвижениям. И хотя домашний олень и внешним своим видом и привычками сильно отличается от дикарей,—культура наложила на него свой отпечаток,—все же он не только раб человека, но и диктатор его бытового уклада.

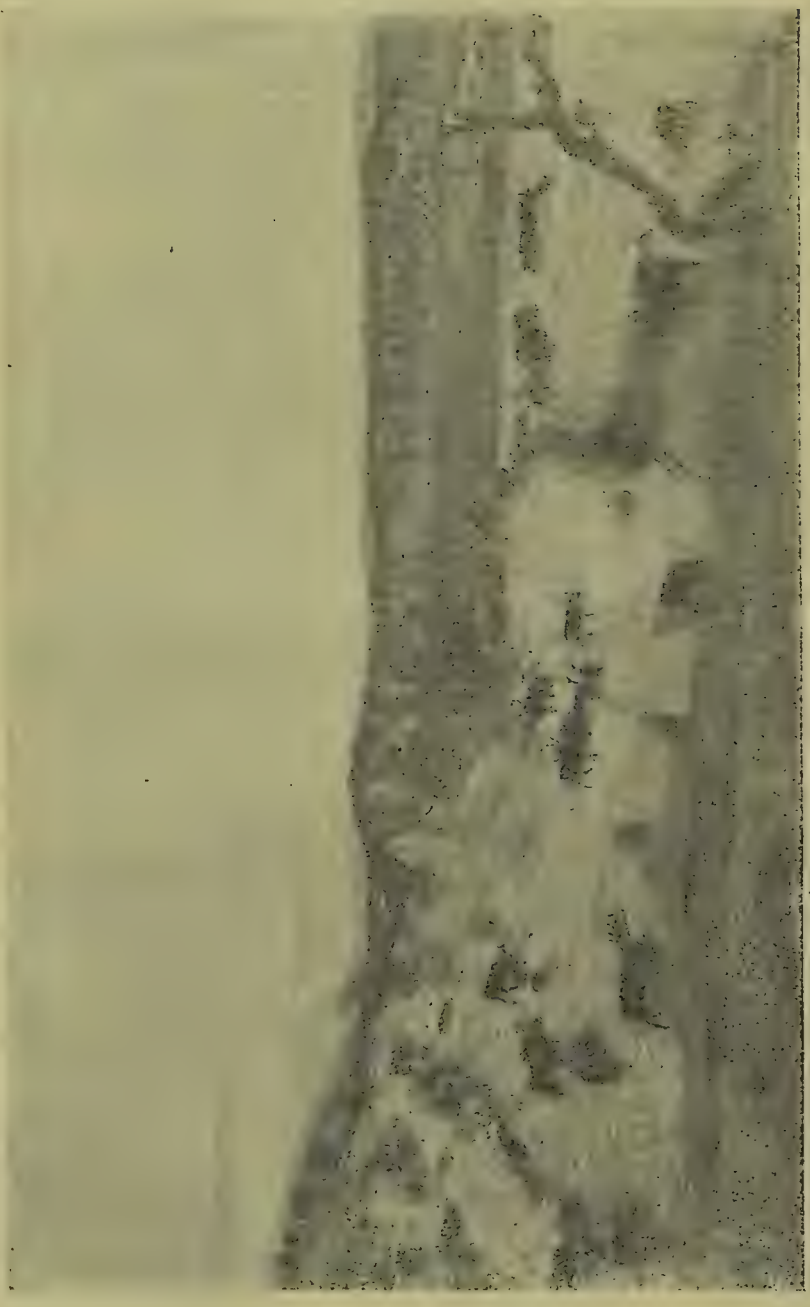
Перейдем теперь к изложению влияния оленьей стихии на бытовой уклад лопарей и одновременно попытаемся наметить степень подчинения ее — пастушеской воле и культуре лопаря.

Пастьба домашнего оленя. Зимний выпас разбивается на три периода, предзимний, зимний и послезимний; в общем они занимают 4 мес. и 3 недели, т. е. 143 дня. Зимой домашний олень предпочитает пастись в лесах. Защищенность от ветров и снегопадов, сравнительно более высокая температура воздуха по сравнению с горной частью полуострова, отличные ягельники, свойственные ягельным борам, — все это, повидимому, привлекает оленя на юг, в леса за р. Поной. Мягкий снежный покров облегчает добывание пищи. В это время олень питается ягелем и лишайниками, растущими на деревьях.

Уткнув «мырку» (морду) в снег, олень разрывает его передними ногами и пуркой [2]). Так движется он от одной ягельной подушки к другой, находя их по запаху, который воспринимает под снегом. Передвижение оленя в это время очень медленно, около 2 кв.км в день и ведет к рассеиванию и разбиванию стада на части—«лоскуты» (čieže pajh'k'ë). В задачу лопаря входит: собирание стада, сохранение общего направления движения стада «по солнцу», охрана его от волков, определение места для ночлегов; он должен предупреждать малейшую возможность смешения его стада с соседним, а также предусматривать место выхода оленей из лесов во избежание лишних переходов по глубокому снегу. Последовательность продвижения стада показана на карте линией

---

[1] Замечание С. В. Керцелли, высказанное в устной беседе.
[2]) Передний мощно развитой рог.



Фиг. 17 Стадо оленей осенью. I-ое осеннее место мотовских лопарей.

со стрелками и цифрами, при чем римским шрифтом обозначены месяцы, а где возможно, треугольником обозначались места установки стана или чума. Не следует понимать линию, указывающую передвижения стад, топографически точно; она лишь приблизительно, (по указаниям лопарей) очерчивает площадь выпаса и общее направление движения. Фактическую линию движения стад указать невозможно, так как она не отличается постоянством и подвержена разным влияниям—суточным сменам ветров, появлению хищников, «распусканию стада» по небрежности пастуха и т. д.

Линия движения стада приобретает крайне запутанный, петлеобразный вид, так как самая техника выпаса сводится к тому, что пастух позволяет оленю ходить в лесу, по перелескам, преимущественно вдоль берегов рек и речек и отгоняет стада с болотных прогалин и изредка собирает разбредшихся оленей воедино. Таким образом оказывается, что площадь выпаса используется не сплошь, а лишь в большей своей части. Лопари, в интересах сохранности ягельников, такой способ пастьбы находят наилучшим и ставят его себе в заслугу.

Характерен круговой ход лопарского зимнего выпаса. В ноябре он производится на левом менее лесистом берегу Поноя (см. карту лин. 1), т. е. в зоне лесо-тундры. Во второй половине декабря голод выгоняет из лесов волков, и они появляются в тундре и лесо-тундре. Их появление вынуждает лопарей углубиться с оленями в леса за р. Поной. Если добавить, что декабрь—наиболее морозный, безветреный и «ясный» месяц, то, быть может, понятнее будет причина углубления в леса, где несравненно теплее, чем на открытых местах. Впрочем, далеко в лес не заходят; с той стороны его волки так же опасны, как и с северной стороны.

До марта или средних чисел его олени находятся в лесу. Перед весной стадо «само поворачивает» к северу. Как говорил один лопарь, оленя будто бы пугает снег, падающий с деревьев. Инициатива принадлежит тельным важенкам; они, «чувствуя тяжесть», выдвигаются в голову стад и, оставляя быков позади выходят из хвойных лесов. Олени продолжают еще питаться ягелем' но прищипывают уже почки березы и ивы. Быть может, их аромат' и привлекает оленя в лесо-тундру?

Как только лопари заметят, что важенки уже имеют тяготение к местам отела, т. е. к берегам океана, пастухи перегоняют стадо к северу (линия 2), на пастбища, очерченные линией с цифрой 3. Задержка в зимних местах выпаса вредна для оленя и, может быть, нецелесообразна, так как бывали случаи, что стадо уходило на север без пастуха [1]). Лопари знают сроки появления этой тяги

---

[1]) Подобный же случай приводится С. В. Керцелли в работе его „По Большеземельской тундре".

к северу, покидают тюлений промысел и возвращаются к оленям, чтобы вместе с ними совершить переход в летнее место (линия 4).

Весенний период пастьбы домашнего оленя. В первых числах апреля, во всяком случае до 7-го, население Иокангского и Лумбовского погостов уже в летнем месте. Здесь некоторое время стада у лумбовцев и иоканчан пасутся южнее селений (площадь, очерченная линией 6), вокруг погостов, между водоразделами рек и Иокангским озером.

Причина дальнейшего маршрута стад вдоль морского берега, (линия 5) к р. Западной и к р. Савихе остается не ясной. Путь этот указали иокангские и лумбовские лопари, но семиостровские, обозначив незначительный «крючек», прервали нанесение его на карту замечанием: «Тут кончают пасти». В этот период в общественной жизни оленей наблюдается разделение стад по половому признаку. Матки «жмутся» к берегу, и вообще у них появляется тяготение к уединению, самцы же пасутся в нескольких *км*, от моря. Интересно отметить ту же картину для выпаса оленей у самоедов Канинской и Тиманской тундр, у самоедов и ижемцев Большой Земли [1]).

На западном побережьи, площадь выпаса которого приблизительно выражается в 75 *кв. км* для Лумбовского погоста и 81 *кв. км* для Иокангского погоста, олени выпасаются преимущественно в долинах и в устьях рек и речек. Кормом в это время служат ягель, почки карликовой березы, березы, ивы, а также кора деревьев, корешки кустарников и деревьев, когда они обнажатся на обрывах (замечание лопарей).

Скорость продвижения приближается к 3 *км* в день. Эту относительную быстроту можно объяснить только тем, что растения, которыми питается в это время олень, растут разбросанно. Добывание же ягеля затрудняется довольно плотным настом, вследствие чего на него меньше обращается внимания. Кстати сказать, прибрежные зоны небогаты ягелем.

Стремлению оленя в западном направлении лопари не противятся до времени наступления отела. Как только первые признаки его появятся (около 6 мая), олени принудительно в 1—2 дня перегоняются к погосту, к месту отела.

Пока стада находятся вдали от селений, все время хозяев, оставшихся дома, занято усиленным приготовлением к отелу. Каждый оленевод запасает камни и ремонтирует вязки—веревки, на которых он будет привязывать важенок к камням, когда начнут появляться телята («пыжики»). На большие стада приходится запасать и тех и других от 250 до 500 шт. Все это перевозится на места отела, отстоящие от селений в 5—10—15 *км*. К 6 мая

---

[1]) С. В. Керцелли. „По Большеземельской тундре".

стадо уже в погосте. Каждый хозяин берет своих оленей «на руки», важенок «ставит на вязку», т. е. привязывает к длинной хигне (вязка), которая, в свою очередь, привязана к камню. Весь период отела олени находятся вблизи погоста. Мужчины живут в станах, около важенок и бдительно следят за появлением пыжиков, переставляя маток с использованного участка на свежий. Олени-быки и производители отпускаются на волю, но пасутся невдалеке от важенок. В период отела олени питаются почками, побегами травы и ягелем, позднее распустившимися листьями.

Семиостровские лопари предпочитают этот период проводить в тундре со своей семьей; в погост въезжают только после конца отела. Когда последняя важенка отелится, а бывает это около 10-го июня, рабочие быки, на которых исполнялась вся работа этого времени, переправляются на остров в море [1]), находящийся вблизи погоста. Оставлять их у селения неудобно, так как олени в это время «гоняются за травой», держать же на вязке и труднее и питание хуже, а главное, все рабочее время употребляется на промысел семги.

Летний период жизни домашнего оленя. С 10-го июня непосредственная связь с оленем прекращается, так как лопари переходят на промысел семги. Время после постройки забора лопари считают самым легким в году: «Отдыхаем», говорят они. Отпущенные на волю стада не уходят далеко от селений. С наступлением жары и «комара» олени сосредоточиваются в прибрежной полосе и держатся либо у самого моря, либо в 1—2 *км* от него. Ягели здесь бедны, олень питается травами, листьями березы, морошки и т. д. Часто олени спускаются с берега и пьют соленую воду. Жара и гнус загоняют их в море: нередко «по сухой воде» забредают они на «луды», подводные камни и, пока приливная волна не зальет их и не приподнимет настолько, что копыта потеряют связь с землей, они не уплывают обратно.

К морю привлекают оленя освежающие ветры, манит меньшее количество мошкары и, вероятно, близость к человеку, так как нередко бывает, что «лоскут» оленей забегает в погост, где в прежнее время сооружались особые сараи (lemm) с дымокурами.

Все время после отела, жары и комара, т. е. почти два месяца олени не уходят от моря, но в последних числах июля погода круто меняется («ветры меняются»), и олени уходят вглубь тундры километров на 50—60. Передвигаясь по ней в зависимо-

---

[1]) Здесь уместно обратить внимание на обилие „оленьих островов“ вокруг западных берегов Белого моря. „Оленьи острова“ у Рыбачьего п/о, „оленьи острова“ у Мурманского берега, в Кольской губе, в Кандалакшской губе и т. д. Повидимому, в свое время все они служили лопарям в качестве выгонов для ручных, так называемых островных оленей (Sǒla jerrike).

от смены ветров и всегда идя навстречу им, олени семиостровских и терских лопарей на пространстве от р. В. Лицы до Качковки кочуют в очень неопределенных направлениях. Во всяком случае глубина кочевок оленей в предосенний период не превышает 50—60 км. верстного расстояния от берега моря.

Питание по своему составу мало чем отличается от периода раннего лета, но с августа олень начинает вновь усиленно питаться ягелем, смоченным дождями. Именно в это время он накопляет свой «осённый жир» (čaxč pʼjtă).

Приемы выпаса. К принудительному выпасу, характерному для ижемской системы оленеводства, лопари не прибегают. Принудительным выпасом я называю пастьбу оленей плотной массой, когда по воле пастуха и по его усмотрению стада перегоняются с одного места на другое. Лопари пасут оленей «вольно». Летом же вовсе прекращают пасти. По их убеждению, на воле олень лучше откармливается. Выпасаясь вразброд или отдельными «лоскутами», олени медленно подвигаются и не «вытаптывают» своими копытами ягель. Известно, что в засушливые дни ягель довольно быстро высыхает и в сухом виде чрезвычайно хрупок. От прикосновения копыта и даже человеческой ноги он крошится. В сыром же виде он легко отделяется корешками от мокрой почвы, смешивается с нею или вдавливается в нее и таким образом гибнет. Лопари и самоеды прекрасно знают эти свойства ягеля, знают также, что восстанавливается он только через $1^1/_2$—2—3 десятка лет. Поэтому к ягельному покрову относятся они с крайней бережливостью и стада пасут главным образом рассеянно и «вольно», как они говорят. [1]).

Помимо этого в религиозном сознании лопарей, повидимому, еще живет какой-то запрет, не разрешающий летом стеснять свободу оленя.

Если иокангские и лумбовские лопари от июня до середины сентября занимаются промыслом семги и таким образом до известной степени лишаются возможности наблюдения за своими стадами, то семиостровцы, привлекаемые ловом озерной рыбы на осенних местах, отстоящих от моря на 45—70 *км*, не упускают

---

[1]) Ижемцы с этими свойствами ягеля почему-то не считаются, стадо они держат всегда „кучно“, т. е. сгруженно, в засушливые дни ноги оленей многосотенных их стад обращают в пыль и, ягель и поверхностный слой почвы. В результате по всей тундре встречаются „вытоптанные места“. Районы, наиболее пострадавшие, на карте отмечены горизонтальными черточками. Выясняется затем что ижемцы не достаточно бережно относятся к ягелю, используя как траву, т. е. вынуждают стадо выщипывать его до самых корешков, чего не допускают ни лопари, ни самоеды. Один русский крестьянин из Варзуги. враждебно относящийся к ижемским пастухам, выразился, что „ижемец пасет оленя, как корову; олень не корова, а ягель— не трава“.

из глаз своих оленей и пользуются всяким удобным случаем, чтобы следить за их передвижениями.

Точно также и ручные олени семиостровцев находятся у них вблизи от жилья. Совершив на них переход из летнего места в осеннее, они помещают их на островах озер, например, на острове Енозера (Sĭčlh$_0$ajv, [1]). Подобной близости с оленем соседи семиостровцев, каменские и иокангские лопари, придают большое значение. Первые лишены ее в силу географического положения погоста, вторые в силу более сложных причин, из которых главная—появление в пределах иокангских пастбищ пришлых оленеводов—зырян, вследствие чего иокангские лопари потеряли часть своих озерных тоней, во-первых, а во-вторых—олени переселились на летний и предосенний выпас к западу за р. Иокангу.

В начале августа пыжики достигают трехмесячного возраста и сменяют мех. С этого времени они называются «чопорками» (čerıg'k). После первого августа мех их считается наипригоднейшим для верхней одежды—«печков» (p'eck). Около этого времени часть мужского населения лопарских погостов отправляется в тундру «бить чопорок».

Семиостровцы, которые в это время живут на осенних местах, занимаются этой охотой невдалеке от своих веж и таким образом избавляют себя от длительного и тяжелого похода. Иоканчане же и лумбовцы (до 1927 г.) уходят в тундру в юго-западном направлении и недели за три, пешком, с 1—2 вьючными оленями проделывают около 300 *км.* туда и обратно.

Осенний период пастьбы домашнего оленя.

Со времени похода на чопорок (с 11 по 28 августа) оленеводческие интересы вновь начинают поглощать все внимание лопарей. Мужчины приступают к подготовке труднейшего периода в жизни лопарей—к «иманию оленей», т. е. собиранию оленей в стада. Все время уходит на починку и поделку саней, ремонт сбруи и т. п. Лишь часть времени уделяется рыболовству—семге и треске.

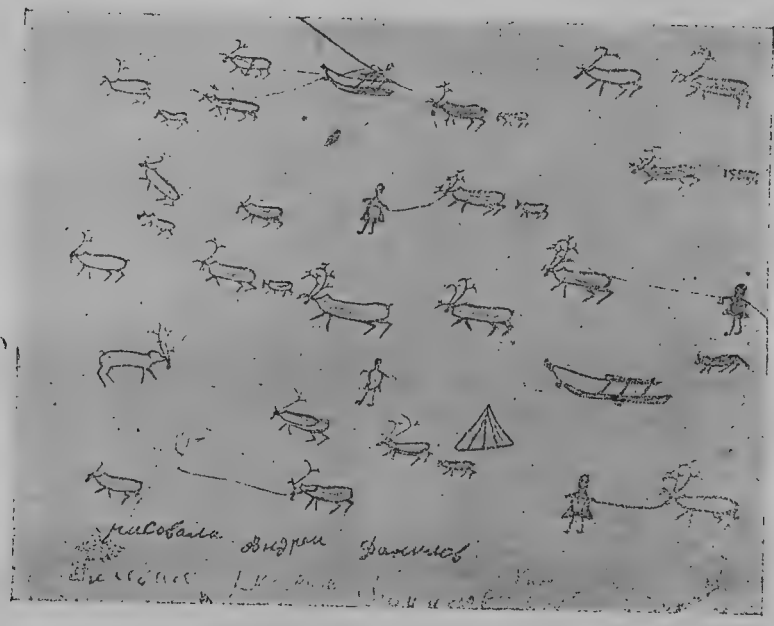
Между тем, в среде оленьих стад, с началом течки, происходят следующие явления. Хирваса, самцы-производители, начинают борьбу из-за самок. Постепенно победители группируют вокруг себя «лоскуты» в 20—30 важенок. Стада разбиваются. Самки держатся вокруг нескольких десятков производителей, а холощенные быки пасутся отдельно. Такова картина в конце сентября и начале октября. В пастбищном отношении этот период в жизни стада характерен тем, что олень сгруживается в нескольких

---

[1]) Буквальный перевод этого слова означает „остров голова“, „остров вершина“, но на просьбу пояснить слово был получен ответ, смысл которого можно выразить словами: „остров оленьей благодати“.

местах, расположенных вдалеке от моря, на холмах возвышенностей между р. Варзиной и Иокангой, а прежде, еще в середине и конце XIX в., на водоразделе р.р. Иоканги, Лылийог, Ачерог, Паттилем—в местах лова № 1—Волты-выннь и № 2—Ворна-варака. Лопари твердо знают места скопления оленей и иногда им дают соответствующие названия.

По мере того как случка идет на убыль, олени группируются в более крупные лоскуты, быки начинают присоединяться к самкам;



Фиг. 18. Имание оленей. Детский рисунок.

наоборот, хирваса, истощенные случкой, уединяются и порой довольно далеко уходят от стад. После случки стада еще держатся некоторое время скученно, но в погоне за грибами, до которых олени падки, намечается разбредание стад; однако, выпадающие с середины октября снега, не затрудняя окончательно пользование грибами, все же сдерживают разъединение стад. Около времени выпадения снега олени постепенно начинают стягиваться по направлению к лесам. Движение идет к кейве, дабы в ноябре—декабре уже быть в лесотундровой полосе. Уже здесь, под предводительством особых важенок, т. н. awt warruhtĕ aĭta вновь намечается разбивание стад на лоскуты.

Эти осенние стремления к остаднению и разъединению в оленеводческом отношении играют весьма существенную роль. Именно они обусловливают так называемое «имание оленей».

«Имание оленей». Приготовления к нему начинаются месяца за полтора до дня отъезда. Ремонтируется все походное снаряжение, чем поглощены и мужчины и женщины, каждые в своей отрасли работ. В конце сентября молодежь отправляется в тундру по тому же приблизительно маршруту и в том же снаряжении за быками, на которых поедут на «имание». Имание быков заканчивается недели за 1½ до выезда. За это время лопари, не имеющие достаточно крупных стад, намечают себе стадчика,—крупного оленевода, односельчанина, в стаде которого намереваются пасти своих оленей; так же точно группируются лопари Лумбовского погоста. У семистровцев же, повидимому, существуют объединения по месту нахождения тоней.

За несколько дней до отъезда, группы иокангских лопарей разбиваются надвое и объединяются по маршрутам. Выезд на имание совершается по двум путям: «по чумам» в направлении к Зимней Иоканге и в «Семиостровскую сторону».

Лопарям важно захватить оленей в момент их наибольшего объединения. Поэтому выезд приурочен к средине октября (к «покрову»), ко времени первого выпадения снега, до поворота оленей к югу. День выезда, повидимому, встарину определялся нойдой (колдуном). В селениях остаются только женщины, дети и больные старики.

Не станем останавливаться на подробном описании процедуры имания—она довольно архаична, вследствие чего лопарями расходуется большое количество и нервной и физической энергии. Общая схема имания в основе одинакова для погостов Семиостровского, Иокангского и Каменского, но по времени исполнения ее она разнится, что будет видно из дальнейшего.

Лопари иокангские, выжающие в Семиостровскую сторону, и семиостровцы собирают оленей на пространстве, заключенном между р.р. Восточной Лицой и Иокангой, при чем первые едут от своего погоста к месту лова № 3, вторые объезжают тундру от среднего течения Лицы и Варзиной к месту лова № 4. Объезд тундры состоит в том, что лопари «кружат» по ней, т. е. каждый из участников совершает по тундре круги, радиусом в несколько километров. Центрами кругов являются станы (стан-куокса—$_0$adaj). Через каждые один—два дня они переставляются на новые места. Общее направление перестановки станов у иоканчан юго-западное, у семиостровцев—восточное, при чем некоторые олени сгоняются непосредственно к месту, отмеченному № 6. Часть каменских лопарей, пасущих своих оленей «вольно», ту же процедуру проделывают с юга и вылавливают незначительную часть оленей, находящихся между реками Иокангой и Выхчйог (место лова № 7).

Кружение по тундре преследует цель найти группы пасущихся оленей, поймать нескольких, по возможности сгрудить остальных, слить их с уже выловленными оленями и таким образом составить или, как говорят, «сбить стадо». Наиболее длительно кружат в районах, прилегающих к местам лова, где оленей встречается больше всего.

Разбивание стада. Иногда собранные стада уже на местах лова разделяются или разбиваются по владельцам, но большей частью отсюда оленей перегоняют (линия 13) к месту разбивки оленей по стадам погостов у оз. Кидеявр Нижнее (место лова № 6).

Для разбивания стад Кидеявр удобно тем, что, имея два «зашейка», т. е. места впадения и истока реки, оно располагает

Фиг. 19. Имание оленя. Детский рисунок.

как бы изолированными участками земли, между которыми преградами служат река или ручьи. Участки эти схематически показаны на карте кружками с буквами a, b, c, d.

Кружки условно обозначают местоположение пригнанных с мест лова оленьих гуртов. Таких гуртов бывает 3, 4, 5, по числу участвовавших в имании оленеводческих объединений.

Для будущих стад места занимаются километрах в 5 от Кидеявра. Меняются они каждый год, поэтому нет надобности заносить их на карту.

Отбивание оленей производится каждым хозяином, членом его семьи или работником, последовательно в каждом из гуртов. Выловленные олени отводятся в свое стадо. Так как каждый гурт, обозначенный буквой (a, b, c, d), имеет своим ядром оленей какого-нибудь одного хозяина, то между стадами происходит непрестанный обмен, что и показано линиями между ними.

Разбивание стад совпадает с последними числами октября и началом ноября. К этому времени к оз. Низявр (место лова № 5) приезжает группа лопарей, объезжавшая ижемские чумы. Их маршрут менее сложен и меняется каждые два—три года в зависимости от перемен чумовых мест (тяндеры) самоедами и ижемцами. На карте обозначен маршрут иокангских лопарей в 1927 г. (лин. 11). Как видно, он ориентирован по иокангской проселочной дороге к зимнику на бывший Куроптевский погост и далее к оз. Низявр, где иоканчане встречаются со своей первой группой. Лумбовские лопари не так давно проделывали тот же маршрут. С 1927 г. они объезжают только 3—4 чума, дабы собрать случайно отбившихся оленей. Семиостровские же выезжают по чумам после разбивки стад, когда чумы подвинутся ближе к ним, или же после возвращения ижемцев домой, по их селениям.

В результате иоканчане посещают до 12 чумов и проделывают около 500 *км*. Лумбовцы прежде посещали то же количество, а ныне, в качестве исключения, только 3—4, семиостровцы—то же количество, а в селениях только гостят.

За период имания лопари проделывают от 150 до 500 *км*. в 3—4 недели. Расстояния эти надо считать сильно преуменьшенными, так как, помимо линейного продвижения во время вылавливания оленей, им приходится ежедневно совершать «кружение», как в одном, так и в другом маршруте. В поездке по чумам кружение производится в пределах стада в течение всего рабочего дня. Если считать, что стадо в окружности занимает ½ *км*, то это расстояние покрывается каждым из участников имания не менее 30—40 раз в день на каждом чумовом месте. Таким образом, иокангские и лумбовские (до 1927 г.) лопари за весь период имания проделывают не менее 700 *км*, семиостровские-же 150 + 180 = 330 *км*.

Начиная с посещения первого чума, стадо все время наростает, и таким образом все более и более увеличивается количество оленей, которые после осеннего накопления жира должны проделать довольно большое расстояние со средней скоростью 50 *км* в день (если даже считать преуменьшенно только 10 остановок в течение 21-дневного выезда, как это было в 1927 г.). И расстояния эти, и скорость утомляют и истощают не только людей, но и оленей.

Возвращение лопарей с имания оленей. Предзимний период в жизни оленя. В районе конечного пункта иокангского маршрута по чумам, у оз. Низявр (место лова № 5) происходит соединение обеих групп, при чем лопари первой группы (те, что «кружили» к местам лова № 3 и 4), приезжают сюда налегке. Здесь впродолжение нескольких дней отбиваются лопарские олени от большого стада ловозерского оленевода-ижемца, кочующего вдоль р. Иоканги, в северо-восточном направлении.

В результате, в районе озер Низявр и Кидеявр в настоящее время скопляется более 8.500 оленей и почти все мужское население Иокангского, Семиостровского, Каменского погостов и некоторое количество ижемцев.

Рассасывание этого узла происходит в три—четыре дня. Лопари, сгруппировавшись вокруг своих стад, которых у иоканчан—3, у каменчан—2, у лумбочан—1 перегоняют оленей к своим летним погостам. Тут стада пасутся разобщенно, т. е. каждое далеко одно от другого. У лумбовских лопарей в последние годы, до переезда их в зимнее место, олени паслись там же, где их держат некоторое время весной, после приезда в летний погост. У иоканчан по числу стад таких мест три: южнее озера, севернее озера и к востоку от него. Семиостровцы держат свои три стада у озерных тоней, в районе трех групп осенних поселений,—у озер в верховьях Иоканги, озер Енозеро и Низявр в округе Иокявр.

Стада у летних погостов подвергаются северным ноябрьским ветрам и снегопадам. Олени держатся «кучкой», вяло пасутся и плохо кормятся (ягель, печеночные лишайники, грибы, лемминги). Один из иокангских лопарей выразился об оленях в это время так: «скучают, нерву у них худа». Олени быстро худеют. Этого преждевременного исхудания лопари очень боятся: опасно оленю потерять осенний жир. На зимних кормах восстановить его нельзя. Потому-то торопятся возможно скорее покинуть летнее место и переехать в зимнее, в леса. Торопиться тем более необходимо, что олени сами постепенно стремятся к югу. Кроме того, пребывание оленей в открытой тундре представляет для них большую опасность от волков, которых зимою в лесах меньше и они не столь опасны в лесу, где рыхлые снега затрудняют им погоню за добычей.

Промедление скверно отражается на их «нерве» и требует немалого труда и напряжения сил со стороны пастухов. По крайней мере, лумбовские лопари, которые зиму 1926/27 г. вынуждены были зимовать в летнем месте, жаловались, что в ту зиму «сильно мучились с оленями».

Встарину и еще до войны переезд совершался дня через четыре или через неделю после возвращения с «имания оленей», т. е. числа 10—15 ноября. Этому способствовали экономические связи того времени. Немедленно после возвращения в зимнее место лопари ехали в Варзугу для продажи своих оленей и доставки русских оленей оленеводам Терского берега по принадлежности. Совершалось это в силу особого обычая, носящего название «кортом».

Там же, в Варзуге, лопари терские и семиостровские запасались продовольствием на всю зиму. С организацией в Поное и Иоканге местных кооперативов, вследствие хронического неприбытия во время товаров из Мурманска и Архангельска, из года в год происходят оттяжки отъезда в зимнее место. Несвоевремен-

ность переездов вредно отражается на лопарском хозяйстве. Несколько лет тому назад весною иокантские лопари поторопились переехать из зимнего места в летнее и понесли большой урон в стаде. В этом году у моря была гололедица, а в лесах слишком глубоки снега. Однако, по словам лопарей, выгоднее было держать оленя на глубоком снегу в лесах, чем у моря.

История «имания» оленей. В октябре, когда олени сосредоточивались на северном склоне кейвы, лопари Иокангского погоста всем составом выезжали из Летнего места в Волты-выннь и Ворна-вараку. Сюда же семьями с'езжались лопари семиостровские, каменские, лумбовские и сосновские, а также оленеводы из с. Поной и русских селений Терского берега.

В Ворна-вараке и Волты-выннь были построены вежи. В них жили лопари и приезжие гости. На лов оленей выезжали в тундру, а к ночи возвращались к семьям. Ночевки в тундре вызывались только неблагоприятными обстоятельствами — туманами, дождями и т. п. Так было лет пятьдесят назад и ранее. Все олени упомянутых владельцев в те времена паслись летом без пастуха и общественно зимой. Собственности на стада не было,—только на отдельных оленей, признаком чего служили клейма.

С'езд оленеводов в Ворна-вараке имел целью предупредить появление оленьих стад у кейвы, не дать возможности оленям перевалить через нее и углубиться в леса, но «переимать» их здесь, соединить в стада и разбить их по владельцам. С момента, когда первая важенка была уловлена, лопари брали оленя под охрану и начинали им пользоваться, как домашним животным.

В 1900 годах на пастбища Летнего Наволока начали проникать со своими стадами пришлые оленеводы-ижемцы. Выходцы из Печорского края, они в 1887 г. перекочевали из Большеземельской тундры в центральную часть Кольского полуострова и, несмотря на протесты лопарей, обосновались здесь прочно. Ижемцы пришли со своими приемами пастьбы, выпаса стад. Две разновидности оленеводческой формы хозяйства оказались в соседстве и вокруг пастбищ завязалась обычная среди пастушеских народностей борьба. В центральном, Ловозерском районе перевес оказался на стороне более культурных и экономически сильных ижемцев.

В пределах Летнего Наволока (Понойский район) проникновению ижемцев оказывалось упорное сопротивление. Лопари иокангские и семиостровские и до сих пор противятся ижемскому влиянию в области оленеводства. Несмотря на это, появление ижемцев внесло значительные изменения в оленеводческую систему всех погостов. Наиболее болезненно оно сказалось на способе «имания» оленей.

Причины были следующие: олени, летом выпасавшиеся восточнее р. Иоканги, Лылийог и верховьев р. Ачерог, постепенно при-

выкли к ижемским стадам и начали к ним присоединяться, особенно осенью. Это были, главным образом, олени лумбовских, сосновских, понойских и терских оленеводов и отчасти иокангских и семиостровских. Присоединение это повело к тому, что оленеводы всех селений Терского Наволока были вынуждены отбивать своих оленей в стадах ижемцев, куда они выезжали и выезжают вплоть до самого последнего времени (чумовой маршрут).

Вследствие кочевок ижемцев ягельники в округе Волты-выннь и Ворна-вараки вскоре оказались вытоптанными, олени начали избегать эти, когда-то цветущие пастбища. Последнее обстоятельство побудило иоканчан и семиостровцев оставить прежний способ «имания оленей», т. е. поджидания подхода стад к перевалу через кейву [1]), к ныне покинутым местам лова № 1 и 2, и обратиться к другому методу: форсировать естественное стремление оленей к остаднению, которое проявляется у них после течки. С этой-то целью в последние десятилетия мужское население двух названных погостов выезжает на «имание» в район между Иокангой и Варзиной рекой.

До прихода ижемцев лопарям не было необходимости совершать подобные походы. После того как олени были выловлены, иокангские лопари пасли их некоторое время в верховьях р. Ачерог и у оз. Цыль, лумбочане постепенно продвигали свои стада к предзимним местам выпаса. Семиостровцы и каменчане, у коих встарину было мало оленей, перегоняли их так, как теперь это делают иокангские лопари, но на расстояние, не превышающее 150 *км*.

Переход от древней формы оленеводства к новым формам. В пределах восточной части Мурмана только иокангские и семиостровские лопари сохранили древнюю форму лопарского оленеводства с особенностями, присущими Летнему Наволоку. Остальные погосты переходят к хозяйственным формам оленеводства, заимствованным у самоедов и ижемцев. Таковы погосты Сосновский, Лумбовский Каменский и ныне русское село Поной. Не вдаваясь в характеристику этих новых форм лопарского хозяйствования, дадим лишь краткие о них сведения, поскольку это необходимо для понимания прилагаемой карты.

Собирание материалов для составления карты совпало с моментом, когда в Лумбовском погосте жила еще старая система наряду с новой. Часть хозяев отдавала своих оленей ижемцу из Каневки, который и пас их в своем стаде. На лето 1927 г. решено было всем погостом нанять пастуха ижемца, а в помощь ему, для обучения и наблюдения за сохранностью стада, выбрать своего лопарского пастуха.

[1]) Сравн. E. Wrangel. Reise längs der Noraküste von Sibirien. Berlin 1839 г., t. II, стр. 11—12.

Новые пастухи начали пасти оленей в том направлении, по которому выпасались лопарские олени после отела, когда отпускались на волю. Система управления стадом изменилась. Треугольники, расположенные вдоль линии общего направления стада, указывают места, где пастух-ижемец ставит свой чум. Тут у него живет семья. Сам же пастух и его помощник выезжают на караул стад со станом, который переставляют ежедневно вслед за стадом, направляя его движение по замкнутой линии вокруг чума. Когда вся площадь запаса в данном месте окажется использованной, чум переставляют на новое место.

У понойского пастуха чумовые места (тяндеры) постоянны. Уже из этого обстоятельства следует, что пастух передвижение стада приурочивает к местонахождению чума. Но места для тяндеров избираются, во-первых, в зависимости от потребностей оленя, о которых сказано выше, а во-вторых,—от рыболовных и охотничьих нужд хозяина. Таким образом, и в промышленном типе оленеводства олень ставит свои условия оленеводу.

Лумбовские и каменские лопари еще не полностью перешли на ижемскую систему выпаса. Зимой пастух сдает оленей хозяевам у летнего погоста, в верховьях речек Нижней и Верхней Орловки (впадают в р. Лумбовку), после чего лопари пасут стада сами. Русские оленеводы из с. Поной нашли удобным нанимать опытного пастуха круглый год. Таковым оказался самоед Летков, Илья Васильевич. Способ использования им пастбищ и сохранение ягельников на сравнительно ограниченном пространстве в оленеводческом отношении заслуживает серьезного внимания.

В заключение подчеркну, что линии передвижений лопарей за оленями на имание, за чопорками имеют более или менее устойчивый характер и совершаются по постоянным и определенным направлениям. Только внешние причины (напр., появление ижемцев, перемена пастбищ) приводят к отклонениям, после чего они вновь приобретают устойчивость. Еще более устойчивыми направлениями являются линии кочевых передвижений с юга на север и с севера на юг, по которым лопари, придерживаясь общего направления кочевок оленя, переезжают погостами, принудительно перегонял оленей во время их стремлений к смене кормов. Направление этих кочевых передвижений, совершаемых по дороге, имеет весьма существенное значение, так как определяет кочевой тракт (Д. Клеменц) оленевода.

Занятие оленеводством, в силу особенностей жизни домашнего оленя, способствует временно неподвижному образу жизни летом и зимой, вследствие чего могли появиться сезонные места обитания лопарей—зимние места и летние места.

ГЛАВА V.

Охота на пушного и морского зверя и дикого северного оленя.

Каждое животное имеет свой сезон спаривания и семейной жизни. Эти периоды в жизни их проходят в разных местах обитания. Хищные животные избирают себе районы в зависимости от местонахождения мелких животных, которыми они питаются. Эти последние по временам года появляются то в одних местах, то в других, смотря по тому, где и когда и насколько обильна для них пища.

Явления эти далеко еще не выяснены в одинаковой мере для всех животных.

Сроки появления мигрирующих животных, приметы, по которым можно судить о появлении их, лежки и логова или районы спаривания, если не всем лопарям в одинаковой мере, то выдающимся охотникам хорошо известны.

Из главных промысловых животных, обитающих в пределах Летнего Наволока, северный дикий олень, медведь, лось и др. или совсем не добываются, или только в виде исключения. Нельзя этого сказать о пушном звере, добыча которого до сих пор влияет на бюджет лопаря и его бытовой уклад. В тундре, лесах и лесотундре Летнего Наволока водятся еще белый и голубой песец, лиса, куница, росомаха, речная и морская выдра, заяц и др., которые и являются предметами промысла. Орудия лова,—ружья и капканы, распространены повсеместно; кроме того, в Сосновском погосте наряду с ними пользуются еще «пастью». Из большого количества птиц, населяющих Летний Наволок, летом промышляют гусей, которых бьют палками, зимой ловят силками куропаток; этим видом охоты занимаются женщины и дети.

Охота на пушного зверя[1]). Охотничьи выезды совершаются лопарями для установки в определенных местах капканов, для

---

[1]) Устарелые и более новые, но общего характера сведения об охотничьем промысле у лопарей можно получить в книгах: Дергачев, Н. Русская Лапландия; Битрих, А. А. Охота и пушной промысел Северн. Европ. части СССР. Акад. Наук СССР. Л. 1926 г. Соловьев. Основы охотоведения, ч. I—IV. Н. Харузин. Русские лопари стр. 108—113.

освежения и осмотра наживки («привады»), выслеживания зверя с ружьем и т. д. В виду того, что охота «капканом» не требует светлых дней, их ставят немедленно по приезде в зимнее место. С этой целью уже в средних числах ноября мужчины разъезжаются из погостов. В этот первый выезд на северном склоне кейвы ставятся капканы на песца, на росомаху и лису—в лесотундровой полосе по левому берегу Поноя. Установки капканов и обратный их объезд для осмотра занимают почти все время вплоть до января месяца. Только на одну—две ночи на обратном пути охотник заезжает домой для отдыха, освежения продуктов, смены оленей или для отбывания очереди по караулу стад. Лишь на большие праздники приезжают домой для продолжительного отдыха. Мне говорили, что со времени приезда в Зимний погост, до 7 января мужчина вряд ли проводит одну—две недели дома; все остальное время (в общей сложности 1½ месяца) уходит у него на охоту или на поездки в Варзугу.

С конца января, с наступлением более светлых дней, разъезды по привадам продолжаются, но их совмещают с охотой «на подход», т. е. с выслеживанием лисы с ружьем и куницы с сетью. «На подход» промышляют главным образом лису.

Во второй половине зимы так же, как и в первой, мужское население почти не бывает дома. Охота идет к югу от погостов в лесах за Поноем. Окончательно же возвращаются домой с северной стороны, с кейвы, после объезда всех капканов (на карте приблизительно показан маршрут одного иокангского старика—охотника). Охота не прекращается и во время «торосового» промысла, который происходит на восточном берегу Летнего Наволока, куда в последних числах февраля съезжается все мужское население за исключением пастухов.

Таким образом январь и февраль всецело посвящены охоте на песца, росомаху и волка, и кроме того, охоте на лису и куницу. Добывание этих животных отнимает у лопаря не менее месяца времени, которое проходит в беспрестанной езде по лесу и тундре.

Из всего вышеизложенного не следует делать заключения, что именно охота привлекает лопарей в зимние места. Охота на пушного зверя в прибрежной полосе у летних мест не менее добычлива, чем в глубине Летнего Наволока. Некоторые лопари Иокангского и Лумбовского погостов остаются иногда у океана и охотничают по берегам, добывая песца белого, реже голубого, выдру, а в районе между Савихой и Городецким мысом, в перелесках—лису и росомаху. Как в зимних местах, в летних становищах выезды на охоту сопряжены с долгим пребыванием в тундре.

Охота на «морского зверя» (merʔ virr'á). В оленеводческом хозяйстве нерпа (rokk) (Phoca foetida) и один из видов ластоногих, называемый наравне с тюленем гренландским—ajna—(«морской заяц» —Phoca barbata?) играет весьма существенную роль.

Судя по тому, что нерпа и ajna фигурируют в сказках лопарей, можно думать, что начало промысла их восходит к глубокой старине.

Кожа ajna отличается исключительной прочностью; снимаемая с туши в виде спиральной ленты, она слегка обрабатывается, сушится и затем идет на тяжи, вожжи, заменяет веревки, металлические крепления в санях и т. п. Разрезанная на куски идет на непромокаемую обувь—«тобурки». Кожа нерпы непрочна и идет на разные изделия—туфли, сумочки и т. п. Мясо, оставшееся от использованных туш, служит привадой для капканов и пастей.

Лето главный сезон охоты на нерпу и ajna. Однако строго установленных сроков добывания этих животных, повидимому, не существует, хотя я слышал, что ajna бьют, только начиная с августа. Охотятся за ними попутно, когда только доводится быть на море. Но иногда собирается артель в несколько человек и отправляется бить «морского зайца» (ajna) и нерпу на Савиху, где и караулят ее с ружьем, притаившись за каким-нибудь камнем или стреляя из лодки.

«Торосовый промысел», или охота на гренландского тюленя. Береговой промысел тюленя до сих пор остается мало освещенным в русской литературе. Экспедиция 1927 г. не имела возможности произвести обследование этой стороны лопарского быта. Поэтому приходится ограничиться самыми скудными сведениями. Экономическое значение тюленьего промысла для русского и лопарского населения Терского берега огромно. Достаточно указать на то, что целый ряд русских селений, как-то: Пялка, Елисеевка, Пялица и Сосновский погост, как справедливо указывает проф. Д. А. Золотарев, всецело живут интересами торосового промысла, а вновь возникшие поселения (Пялка, Елисеевка, Бабье, Кочалово) обязаны ему существованием [1]). На побережье между мысом Городецким и пос. Бабье собирается все мужское население Терского берега, начиная от д. Сальницы. На карте особыми знаками отмечены места наилучшего промысла и избушки русских промышленников. Лопари погостов Иокангского и Лумбовского своих избушек не имеют, т. к. живут в станах, расставляя их по морскому берегу от мыса Городецкого до северного берега р. Поной.

В средних числах февраля, когда тюлень приходит к берегам моря для рождения детей и спаривания, начинается торосовый промысел, длящийся до середины апреля. Лопари промышляют тюленя, начиная со второй половины февраля, и возвращаются в зимние погосты к первым числам апреля.

В виду того, что промысел тюленя имеет значение только в бюджете лопаря и сопряжен с большими трудностями, с риском погибнуть в море и не каждый год оправдать расходы, семиостровцы и каменчане, а в зиму 1928 г. даже некоторые иокан-

[1]) Д. А. Золотарев. Лопарская Экспедиция. 1927 г., стр. 30—35.

чане предпочли покинуть опасное и ненадежное, в смысле заработка, дело и занялись дровозаготовками на Мурманской ж. дороге, которые по времени совпадают с «торосами» и дают верный доход. И отхожие заработки на ж. д. и торосовый промысел, в пределах поставленной темы, имеют много общего. Протекают они в феврале, марте и апреле, лопари заняты на них около $1^1/_2$ месяцев и живут в это время вдали от семей в подвижном жилище — куоксе или стане. Встарину женщины сопровождали мужчину на все время «торосового промысла».

Охота на дикого северного оленя. Если сейчас представители животного мира вынуждают лопаря для добычи их отправляться в тундру или к морю и покидать дом, отрываться от семьи и хозяйства, то еще лет пятьдесят тому назад, отправляясь на охоту на дикого северного оленя, он брал с собою семью, с которою жил в походном жилище—стане, а еще раньше в подвижной веже. Весь период обитания оленя-дикаря в районе между р. Даниловкой и Варзугой терские лопари, начиная с середины января, передвигались с севера на юг. Тогда как о границах угодий на пушнину теперь уже никто не помнит, о районах промысла на оленя-дикаря еще сохранились воспоминания. Так лумбовцы добывали его в пределах нижнего течения р. Пурнач, сосновцы промышляли южнее р. Пурнач, севернее Бабозера и заходили на Южную Кейву.

Несколько больший интерес представляют сведения о родовых охотничьих угодьях лопарей каменского погоста, воспоминания о которых сохранил один из каменских стариков. Вскоре после 19 января каменчане со своими семьями отправлялись «на дикаря». Путь их лежал вначале прямо на юг (по карте линия 15), а затем каждый охотник со стадом и станом отклонялся в сторону к своему промысловому участку. Границами участков были реки, впадающие в Белое море.

Думается, что этого краткого очерка достаточно для суждения о том,—что охотничий промысел, в частности пушной, не мог способствовать переходу лопарей к оседлому укладу быта, так как вызывает их на далекие передвижения, которые в последние десятилетия совершаются исключительно мужчинами, и до сего времени сопряжен у них с подвижным жилищем.

Охотничий период лопарей разбивается на два сезона, из коих первый на песца и росомаху, занимает $1\frac{1}{2}$ месяца, а второй—на песца, росомаху, волка, лису, куницу и выдру речную—1 месяц.

Если предположить, что в виду краткости дней в период охоты, лопарь совершает ежедневно только по 20 *км*, то в течение $2^1/_2$ месяцев он покрывает не менее 1.500 *мк* Цифру эту следует считать преуменьшенной.

ГЛАВА VI.

Краткие сведения по ихтиофауне края и влияние рыболовства на бытовой уклад лопарей Летнего Наволока.

Следует оговориться, что сведения, которыми можно располагать о пресноводных и проходных рыбах Кольского полуострова, скудны, однако не настолько, чтобы нельзя было ими пользоваться. Наиболее полно представлены материалы по семге; что же касается остальных рыб, в особенности столь важных для нас как сиг, голец, кумжа и щука,—то они бедны: всего одна работа, относящаяся коз. Имандра. В виду того, что представляют интерес лишь общие черты жизни пресноводных рыб, а в географическом отношении вряд ли можно говорить о кардинальном различии в жизни рыб в оз. Имандра или в озерах Енозеро и Низявр,—представляется позволительным привлечь наличный материал и указания, полученные на местах. Сведения даются почти с текстуальной точностью.

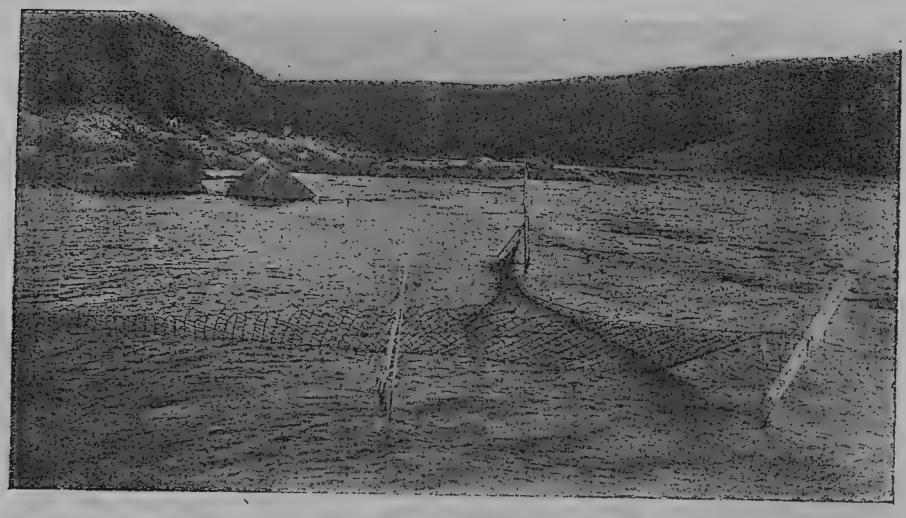
Семга (Salmo salar L). Для икрометания семга разыскивает место с быстрым течением и хрящеватым дном, вырывает здесь посредством движения хвоста неглубокую ямку, куда откладывает несколько яиц. Яйца сейчас же оплодотворяются самцом, после чего самка их засыпает гравием, пользуясь для этого хвостом. После икрометания самцы и самки возвращаются в море; иногда самки (реже самцы) некоторое время остаются в реке. Значительная часть их во всяком случае погибает. Мальки выклевываются в конце зимы или в начале весны и продолжают жить в реке, где питаются личинками насекомых. Проведя две, реже три зимы в реке, молодь меняет свой цвет, делается блестяще-серебряной и спускается в море [1]) с тем, чтобы в 3½—5 летнем возрасте,

[1]) Л. С. Берг стр. 38.

достигнув половой зрелости, в свою очередь идти в те же самые реки, где она родилась, и метать икру [1]).

Лосось живет в море, питаясь главным образом сельдью, песчанкой, а также ракообразными. В реках взрослый лосось не питается совсем [2]).

В реки семга входит для икрометания и подымается очень высоко [3]). Ход ее начинается с весны и продолжается до глубокой осени [4]).



Фиг. 20. Гарва на р. Иоканге.

Различают несколько ходов семги:

1. Ход весенней семги («закрой») — с начала промысла (т. е. около середины мая) до первых чисел июня [5]) в Дроздовке и Иоканге в мае—июне [6]). По сведениям жителей Иоканги, весенняя семга в иные годы появляется в реке Иоканге 27 мая. Семга эта главным образом женского пола [7]).

2. Ход «летней» семги продолжается весь июнь и июль. Рыба этого хода уступает в величине и вкусовых качествах весенней семге [8]). Особи—женского пола [9]).

---

[1]) Арнольд И., стр. 6 и Дергачев, стр. 53.
[2]) Берг, стр. 35.
[3]) Берг, стр. 35.
[4]) Арнольд стр. 16.
[5]) Солдатов, 1903 г., стр. XXXIII.
[6]) Солдатов, 1904 г. стр. 5.
[7]) Г. Гебель. Экскурсия на Поной стр. 31.
[8]) Гебель 31.
[9]) Солдатов ibid.

3. Ход «тинды» (межень) обычно с первых чисел июня продолжается весь июнь и июль. Эта рыба, уступающая по величине рыбам первых двух ходов. Тинда—почти исключительно самцы [1]).

4. С середины августа начинается ход осенней семги. Это опять крупная семга и самая лучшая по своим вкусовым качествам среди семог всех ходов [2]).

В Ваенге осенняя семга появляется после 23 августа [3]), в Поное начинает подниматься в августе и начале сентября, идет весь сентябрь. Кончается подъем с появлением шуги, т. е. в первой половине октября [4]).

«Рыба всех этих ходов является с половыми продуктами, очень мало развитыми, и только после входа в реку начинается более интенсивное развитие их, и к середине сентября половые продукты достигают полной зрелости» [5]). Нерест семги первых трех ходов продолжается почти до первых чисел ноября. Когда нерестует семга осеннего хода,—точно неизвестно. «Нерест происходит не только в верховьях рек, но по всей длине их, на всех неглубоких местах с быстрым порожистым течением и мелкоглинистым грунтом, может продолжаться 1—2 недели, при чем гнездо одной пары может занимать несколько метров в длину» [6]).

Выметав икру, семга немедленно же опускается в море, если только ее нерестилища расположены недалеко от моря; та семга, которая нерестует в верховьях реки, зимует в реках и опускается в море весною (с середины июня, в июне, иногда в июле). Выметавшая половые продукты семга называется волчаком [7]).

Окунь и щука, Carva, у иокангских лопарей, у семиостровских же—nukkaš.

«В конце мая или в начале июня Имандра начинает освобождаться от льда, вскрываются и наполняются ручьи, реки. Затопляются осоковые заросли в губках и извилинах берега, и щука (Esox lucus), а за нею и окунь (Perca fluviatilis) заходят в заросшие осокой и тростником мелкие илистые места и приступают к нересту» [8]).

В Летнем Иокангском погосте щуку промышляют 1—2 недели на оз.оз. Пашкявр, Патлуксявр и в озерах, его окружающих; весною в последних числах июня, осенью после 14 октября в тех же озерах. В Семиострове на озерах Енозеро, Низявр, Ровотявр,

---

[1]) Солдатов, ibid.
[2]) Солдатов стр. XXXIII, от 1903 г.
[3]) Солдатов, стр. 5, 1904 г.
[4]) Гебель, стр. 31—35, № 3, 1909 г.
[5]) Солдатов ibid.
[6]) Берг, 38.
[7]) Солдатов, стр. XXXVIII и XXXIX. 1903 г.
[8]) Крогиус, и Крепс, стр. 184—190.

Рыдвозеро, Чилиявр, Анасявр, Порявр, Колмявр, Кедькявр, Калмявр, Иокявр и на озере, не имеющем названия (у Калмявр).

Хариус (Thymallus thymallus L). «Ко времени вскрытия озера (Имандра), т. е. в 10—15 ч. июня начинается нерест хариуса. Он проходит двояко: или на отмелях (до 2—3 м. глубины), ровных, покрытых чистым, мелким, без примеси, илом и водорослей и валунами, местах озера, обыкновенно невдалеке от островов, или в быстрых порожистых ручьях и речках с чистой водой и с каменистым или песчаным дном. На озерных нерестилищах ловят сетками» [1]).

Описанные выше условия для нереста хариуса имеются и на оз. Енозеро и оз. Низявр.

Палья (Salvelinus alpinus L). «Рыба исключительно озерная, в озерах же и размножается, и в реки входит только, как исключение. В Ладожском озере держится в северной глубокой части его» [2]). Питается рыбой ряпушкой, корюшкой и бокоплавами на тонях на оз. Низявр и Енозеро, в конце августа палья довольно часто попадает в сети, расставленные в зашейках. С наступлением темных ночей с конца июля, начала августа становятся заметными передвижения сига, кумжи и гольца к своим нерестилищам. Успешней становится их лов сетками в разных местах озера.

Кумжа, Kuwc. (Salmo trutta L). «Для икрометания входит в реки, где, в отличие от семги, питается и во взрослом состоянии» [3]). «На Имандре для икрометания поднимается в реки, впадающие в озеро, при чем каждая река имеет не только свое определенное время хода, но даже разнится размером идущей в ней рыбы. Начинается ход с 8-го августа и продолжается еще 15 сентября. Ход кумжи длится довольно долго, иногда с месяц, а иногда распределяется так, что в начале хода идет более мелкая рыба, 2—3-х фунт., а после более крупная» [4]).

В Иоканге в устье реки кумжа «идет с моря» два раза в году. Весной идет через две недели после Троицы, т. е. приблизительно в средних числах июня. Ход ее продолжается две недели, столько же времени она идет осенью, начиная с первых чисел августа [5]).

Голец, Rāwta (Salvelinus alpinus). «Для икрометания входит в низовья рек, но высоко не поднимается. В озерах Лапландии, повидимому, встречается форма, не отличающаяся от морской. Икрометание осенью и зимой» [6]).

---

[1]) Крогиус и Крепс, 184—190
[2]) Берг, стр. 60.
[3]) Берг, стр. 40.
[4]) Крогиус и Крепс, стр. 184—190.
[5]) Лопари различают кумжу морскую и кумжу озерную или речную.
[6]) Берг, стр. 58, Книпович, стр. 67.

Сводная таблица

Таблица № 3

Число месяца		Перемена места обитания на примере одной семьи.	Периоды жизни в походном состоянии Ж.	Периоды жизни в походном состоянии М.	Сроки занятий лопарей охотой, рыболовством и проч.	Сроки Сиг	Сроки Х	Окунь	Оленеводство. Жизнь оленя	Оленеводство. Числа месяца.	Оленеводческ. занятия	Сроки хода и нереста рыб. Голец	Кумжа	Палья	Семга	Сроки занятий лопарей охотой, рыболовством и проч.	Периоды жизни в походном состоянии М.	Периоды жизни в походном состоянии Ж.	Перемена места обитания на примере одной семьи		Число месяца
1—10 15 20—31	I	Зимний Семиостровский погост. 1 тупа 1—2 амбара (см. кочевой тракт семиостровских лопарей на рис. № 30, А.)			Охота капканами и с ружьем.				Леса	1—10 январь 20—31	Пастьба стад					Охота капканами и с ружьем.			Зимний Иокангский погост. 1 тупа. 1—2 амб. (избы) редко.	I	1—10 15 20—31
1—10 15 20—29	II				Дровозаготовки на Мурм. ж. д. или пром. тюленя.				Лесо-тундра	1—10 февраль 20—29						Промысел тюленя.				II	1—10 15 20—29
1—10 15 20—31	III								Стремление к северу У моря	1—10 март 20—31										III	1—10 15 20—31
1—10 15	IV	Весенние места. В.			Заготовка дров на осень.					1—10 апрель 20—30	Приготовления к отелу									IV	1—10 15 20—30
20—30 1—10 15 20—31	V	В тундре. Живут в станах. (см. рис. № 30, С.)			(беднота ловит сетью щуку, окуня).			4	Отел	1—10 май 20—31	Отел			5 3	3	Рыбу не ловят.				V	1—10 15 20—31
1—10 15 20—30	VI	Летний погост Варзино. 1 тупа 1—2 амбара, (см. рис. № 30, D.)			Время охоты на нерпу: гарвы на семгу; постр. забора; Лов семги забором. Забор убирают.				У моря	1—10 июнь 20—30	От оленей свободны	5			5	Гарвы на семгу и сети на кумжу. Строили забор. Забор готов. Лов семги забором. Гарвы на кумжу, семгу. Забор убирают. Семгу не ловят. Беднота ловит сетями сига.	Время охоты на нерпу. Лов трески.		1 избушка-тупа 1—2 амбар. Летний Иокангский погост.	VI	1—10 15 20—30
1—10 15 20—31	VII								У моря	1—10 июль 20—31		4								VII	1—10 15 20—31
1—01 15 20—31	VII	Осенние места. 1 тупа или вежа. (см. рис. № 30, Е.)			Лов сетями и гарвами: кумжи, гольца, пальи, сига.				Отход от берега в тундры	1—10 август 20—31	Охота на чопорок	4	4	5	5						VIII	1—10 15 20—31
1—10 15 20—30	IX								Течка и случка	1—10 сентябрь 20—30	Имание быков				1 3					IX	1—10 15 20—30
1—10										1—10 октябрь 20—31					2 3					X	1—10 15 20—31
15 20—31	X	Весенние места (предзимние). 1 тупа. (см. рис. № 30, В.)			Подледный лов сига сетями и охота капканами.				Остаднение	1—10 ноябрь 20—30	Имание оленей	2									1—10
1—10 15 20—30	XI								Стремление к югу, к лесо-тундре	1—10 декабрь 20—31	Пастьба стад					Охота капканами.			Зимний Иокангский погост.	XI XII	15 20—30 1—10 15 20—31
1—10 15 20—3	XII	Зимний погост Семиостровский. А.			Тоже, без рыбной ловли.				Леса	1—10 январь 20—31											
			47 дней	152 дня													175 дней.	от 2—6 дней.			

= Периоды хода рыбы. = Пребывание мужчины в походных условиях.

«Голец, попадавшийся в течение лета на ярус и в сетки в довольно ограниченном количестве, к 1 сентября в большом количестве подходит к песчаным отмелям под устье р. Гольцовки, в 10 числах сентября производится лов нерестующего гольца под каменистыми коргами» [1]). В Л. Иокангском погосте голец ловится мало и редко, в бо̀льшем количестве берут его в озерах на Савихе. Ход его—«когда лед начинает вздуваться, т. е. в последних числах мая, и осенью после 14 октября». В Семиострове ловят его в зашейках озер, в августе.

Сиг, s̀appà (Coregonus lavaretus L). «Период хода сига в реки для икрометания еще более растянут, чем для кумжи, что может зависеть не только от разновременности наступления в разных реках оптимальных для него условий, но также и от того, что имандрский сиг не однороден по биологическим своим свойствам. «В течение суток ход сига приурочен к заходу солнца» [2]).

В Каменском и Семиостровском погостах лов сига кончается около 7 декабря, при чем самки ловятся еще с икрой.

У Летнего Иокангского погоста сига ловят весною, начиная с средних чисел мая, а осенью после 15 октября. После ледостава сиг промышляется в Семиостровском погосте, на озерах, подледным ловом.

Вот те отрывочные сведения, касающиеся особенностей жизни рыб, служащих лопарю в качестве пищи.

Предметом торговли является семга и в меньшей степени остальные виды рыб при чем последние идут только на внутренний рынок.

Для большей наглядности целесообразно нанести изложенные данные на специальную таблицу (№ 3), дабы сопоставить их с явлениями в жизни оленя и занятиями лопарей. В виду того, что не по всем погостам имеются достаточно подробные сведения, сравнительный материал удобнее привлечь для Семиостровского погоста, с одной стороны, и для Иокангского и Лумбовского—с другой. По укладу своему эти последние мало чем отличались друг от друга еще в 1926 года.

Так же, как и высшие животные, некоторые виды рыб по временам года мигрируют и в определенные сроки появляются в известных местах; так семга из поколения в поколение приходит в одни и те же реки, в которых она жила мальком. В определенные же сроки рыба нерестует. Периоды хода и нереста в жизни рыбы характерны тем, что она скопляется в наибольшем количестве.

Этим то моментом пользуются рыболовы и именно в это время занимаются ловом. Сопоставление данных по биологии промы-

---

[1]) Крогиус и Крепс, 184—190.
[2]) Крогиус и Крепс, 184—100

словых рыб со сроками передвижений лопарей, обнаруживает совпадения в датах, и, конечно они, не случайны.

Остановимся на этом вопросе несколько подробнее, пользуясь примером Семиостровского погоста. В мае начинается нерест окуня и щуки и заход в пресные воды весенней семги. Семиостровцы в это время живут в тундре. Женщины на озерах ловят окуня и щуку, а мужчины заняты отелом оленей. Так как весенней семги ловится мало, то лопари не выходят к устью реки, где промышляют семгу. Но кончается нерест окуня и щуки, и начинается заход летней семги и гольца, которые идут в большом количестве, и мы видим, что лопари переезжают в летнее семиостровское место. Здесь они ставят гарвы (сети на семгу), позднее начинают строить забор.

Около 1-го августа появляется семга осенняя, которой в устьях реки Варзиной ловится мало. В это же время заходит палья, кумжа морская, и начинается нерест этих рыб. В озерах скопляется сиг, а затем начинается период его нереста, и мы видим, что лопари опять меняют место своего обитания и переходят на новые места для ловли озерной рыбы.

Когда заход всех упомянутых рыб приближается к концу и продолжается лишь ход и нерест пресноводной рыбы сига, семиостровцы вновь переезжают на так наз. весеннее место и наконец, с окончанием хода и нереста сига, лопари покидают рыболовные места и уходят в леса.

Обрисованной картины достаточно для того, чтобы судить о строгой зависимости между образом жизни некоторых рыб и лопарей. Если бы мы имели более точные данные о жизни рыб в западной части полуострова, на примере Мотовского погоста можно было бы притти к заключению, что лопари буквально по пятам «гонятся за рыбой» (выражениеН. Харузина). Мотовские лопари по мере поднятия рыбы в верховья рек и озер меняют места 3 и 4 раза в течение осени.

Таким образом передвижения лопарей и места обитания по сезонам года находятся в прямой зависимости от мест и времени скопления рыбы. Ввиду продолжительности лова на местах этих строятся жилища.

Сопоставление рыболовческого и оленеводческого периодов в быту лопарей. При ознакомлении с таблицей бросается в глаза, что во весь период промысла проходных рыб лопари свободны от забот об олене. Он пасется на воле у берегов океана, а позднее в тундре. Занятие рыболовством осенью все же сопряжено с работами, связанными с оленеводством. С наступлением темных ночей приступают к подготовке зимнего оленеводческого периода: женщины чинят походное снаряжение. Мужчины делают и ремонтируют сани, сбрую, зимнюю

одежду и т. п. В августе мужское население уходит бить чопорок, позднее за быками, и наконец в октябре отправляются на имание оленей. В Иоканге только беднота и женщины уезжают на озера для промысла сига, щуки и др. рыбы. Семиостровцы же с августа уже живут около промышляемой рыбы, одновременно осуществляя соседство с оленем.

Рыболовный период у всех лопарей Летнего Наволока разбивается на несколько сроков, из которых выделяется очень краткий (1—2½ недели) период весеннего лова сетями—щуки, сига, кумжи и т. п. Затем наступает период лова семги—гарвами [1]).

Забором ловится главным образом семга у семиостровцев—летняя и межень, у иоканчан и лумбовцев—летняя межень и осенняя. Лопари первого погоста убирают забор ко 2 августа, иоканчане к 27 сентября. В начале августа на озерных тонях семиостровцы ловят гольца, кумжу, палью—гарвами и сетями, иокангские и лумбовские лопари, поставив гарвы 28 августа, около 21 сентября уже убирают их. После ледостава лопари переходят на ловлю сетями сига и щуки, применяя подледный способ лова. Лумбовские лопари, не имеющие озер, удят в устьях своей реки морскую рыбу—навагу.

Из сопоставления данных, нанесенных на таблицу, можно получить некоторое представление об охвате промыслами лопарей активного периода в жизни рыб. Периоды лова почти всецело охватывают периоды хода и нереста всех видов рыб, исключая семги. Частично от промысла ускользает сиг, нерестующий в декабре, так как лопари в это время живут уже в зимних местах, часть нерестующей щуки и окуня, и наконец совсем не ловится хариус; ход его совпадает с началом промысла семги; может быть поэтому попадается он только случайно, вместе со щукой.

Лов семги и влияние его на лопарей и образ их жизни. Особый интерес представляет использование лопарями хода и нереста семги. Ход ее в реку Иокангу длится с 1 июня по ноябрь, т. е. около пяти месяцев. Бывают годы, когда весенняя семга заходит в реку уже 24 мая. Периоды лова ее разбиваются на следующие сроки, при чем даты 12/VII, 2/VIII и 2/IX зафиксированы бытом.

В Иокангском погосте впервые появляющуюся семгу весною не ловят вовсе приблизительно до 14/VI, т. е. в течение ½—2 недель.

Весеннюю и летнюю ловят гарвами с 10/VI по 12/VII в течение 3—4 недель.

---

[1]) Гарва—ставная сеть, приспособленная для ловли семги.

Межень продолжают ловить гарвами и кроме того, с 12/VII ловят ее забором по 1/VIII, т. е. в течение 14 дней.

Осеннюю одновременно ловят забором и гарвами с 1/VIII по 2/IX в течение 1 месяца.

Осеннюю не ловят вовсе с 1/IX по 1/XI в течение 2 месяцев. Кроме того, во время высоких приливов, которых за рассматриваемый период бывает два, семга почти 10 дней не попадается в орудия лова, т. к. забор на поларшина закрывается водой, а между крыльями забора и берегом водное пространство увеличивается, и рыба идет мимо.

Следовательно, из 5½ месяцев обитания семги в пресных водах иоканчане ловят ее в течение 2 месяцев и 20 дней (в т. ч. забором 1 м. 14 дн.). Совершенно не ловят ни забором, ни гарвами около 3 месяцев.

Таким образом, иокангские лопари в течение двух месяцев предоставляют рыбе свободно входить в реки, подниматься в верховья их к нерестилищам и метать икру. Части волчаков, скатывающихся в июне и июле, также дается некоторая возможность достигнуть моря [1]).

Промысловый режим в Лумбовке и Семиострове выражен еще слабее. Так в последнем погосте гарвами промышляют всего недели три, забором—с 12/VII по 2/VIII; приблизительно так же идет лов и в Лумбовском погосте, где, кажется, забора вовсе не применяют.

Отказ от лова семги весной и осенью объясняется слишком быстрым течением реки, загрязнением вод тиной, мусором, плывущими осколками льда, а осенью «верховодками», т. е. дождевыми и речными водами, которые очень часто приносят обломки кустов, ускоряют течение и вызывают подъем воды. Все это вынуждает лопарей вынимать из воды гарвы.

Перед нерестом семга скопляется в реках в наибольшем количестве. Скоплением этим пользуются лопари и помимо забора

---

[1]) Лов семги в Иоканге и Поное имеет много общего, в Поное лишь несколько позже ставят забор и бывает так называемое „поездование". И понойцы и иоканчане в 1927 г., по их словам, не ставили забора, так как циркуляром было запрещено перегораживать реку от берега до берега, разрешалось занимать только 2/3 реки, с тем чтобы для прохода рыбы оставалась 1/3. Промышленники считают для себя невыгодным постройку забора на этих условиях. Они находят, что рыба и при заборе имеет возможность проходить в реку в течение указанных 2 месяцев. Излагая данные о сроках ловли семги, считаю нужным отметить, что приводятся они после неоднократно проверки показаний лопарей. Даты и числа дней лова и „нелова" не могут быть указаны точно, т. к. колеблются в ту или иную сторону, в зависимости от погоды и других причин. Во всяком случае сведения эти должны быть приняты во внимание. Бюджеты с. Поноя и пос. Иоканги в значительной степени слагаются из доходов от промысла семги. С изданием указанного циркуляра экономически благосостояние этих двух селений сильно понизилось. Быть может рациональнее будет разрешить с. Поною и п. Иоканге установку заборов, (ср. Гебель, Экскурсия на Поной).

ставят еще и гарвы. Но количество рыбы, заходящей в пресные воды, различно для каждой реки. Так, в Поное сразу после установки забора, рыбы скоплялось такое количество, что первый день лова давал от 500 до 700 пуд. [1]), а весь период лова до 3.000 п.

Такими рыбными богатствами ни р. Иоканга, ни р. Варзина, ни р. Качковка не отличаются. В погоне за максимумом добычи в короткий промежуток времени лопари Каменского, Сосновского и Лумбовского погостов, а с последними и некоторые иоканчане, под видом работников, лет 15—20 тому назад отправлялись (на карте лин. 14) в с. Поной на промысел семги. Если лумбовцы, по несколько устарелым сведениям Р. Якобсона, в течение одного месяца на своих тонях промышляли всего на сумму 872 руб., а в Понос в то же время и при том же количестве рабочих рук выручали 1.200 руб., то понятны станут побудительные причины этих «семужных походов», в которых лопари всем составом семей проделывали от 150 до 200 и более километров (Тропа: Каменский погост—с. Поной).

Роль промысла семги в кочевом оседании лопарей. По мнению Н. Харузина, лопари уже в конце XIII и начале XIV века платили определенную дань Новгороду [2]). Наиболее полные документальные данные относятся к 1574 году; из них видно, что наряду с данью датскому королю, «понойские и еконские лопари дают своего промысла, кто чем не ловит, десятую рыбу семгу»; «имали у них тое десятую рыбу лопские даньщики и отвозили в государеву казну в большой приход к Москве с данными деньгами вместе». Позднее—«емлют с них тое десятую рыбу Кольского острогу верные целовальники» [3]). Вплоть до самого последнего года существования в России старого строя семга служила предметом оплаты государственных налогов. Разные «верные целовальники» и купцы, скупая семгу, удерживали у лопарей причитающуюся сумму в счет налогов и от лица «своих» лопарей вносили ее в казначейство. Характерно это значение семги, как своеобразной денежной единицы. Удержалось оно в быту лопарей и по сие время. Лопари промышляют семгу главным образом ради денежного дохода от нее. Видимо, семужный промысел имел для лопарей исключительно экономическое значение и в денежном бюджете лопаря играл значительную роль. В быту современных лопарей семга употребляется в крайне ограниченных размерах. «На свою нужу» лопари не берут ее; лишь для праздников богатые люди оставляют не более пуда, тогда как озерной рыбы для

---

[1]) Семенов. Статистико-Географический Словарь; „Поной“ (по сведен. Данилевского; 1862).

[2]) Н. Харузин, Русские Лопари, стр. 34.

[3]) Выписка из писцовой книги Алая Михалкова 116, 117 и 119 г. приводится Н. Харузиным. Русские Лопари, стр. 451, § 155.

пропитания запасают несколько десятков пудов. Какова была норма потребления семги встарину, и являлась ли она обыденной пищей, сказать трудно. Характер денежности, присущий семге, вызывает в промышленниках ее те проявления алчности и жадности и вообще низменных страстей, которые сопутствуют деньгам. Характерна заметка, набросанная Г. Гебелем во время поездки его в Поной в 1909 г. [1]).

«В первых числах сентября, обыватели Поноя обоего пола и временно проживающие здесь лопари Лумбовского и Каменского погостов, которые пользуются правом осеннего лова семги в низовьях р. Поноя, стали группироваться в артели из 4 человек в каждой, при чем участники каждой составлявшейся артели старались всякими обещаниями и всеми силами заманить к себе ловцов, известных своим искусством, своей ловкостью, силой, знанием мельчайших подробностей рельефа дна в ямах русла реки.

Тут пущены были в ход все средства соблазна: водка, женская ласка, женские слезы, угрозы, обещания паев и т. п.».

Повидимому, семга и пушнина привели лопарей к непосредственному соприкосновению с иноплеменниками (taja) поморцами и «немцами» XIV [2]) и XVII века, благодаря которым в быт современных терских лопарей впервые начали проникать влияния капиталистических отношений того времени. Влияния эти не могли не сказаться на всем бытовом укладе лопарей. Однако только в документах XVI и XVII века можно почерпнуть кое-какие данные. Писцовая книга Алая Михалкова о современных терских лопарях дает почти единственный материал.

На странице 451 говорится: «ныне емлют ту десятую рыбу с тех (т. е. понойских) угодий, кольские же верные целовальники, а продают ту десятую рыбу и еконскую приезжим людям двиняном и каргопольцом, которые приезжают в погост Поной и в Екангу на ладьях для торговли, и те деньги те целовальники, что возьмут за десятую рыбу, отвозят в государеву казну» и т. д. Эта выдержка указывает, что еконские лопари бывали в устье Еконги летом, куда только летом могли приходить ладьи; что еконские лопари платили дань независимо от понойских лопарей, что даньщики за нею приезжали в Иокангу реку особо, что сюда же с торговыми целями приезжали двиняне и каргопольцы, что торговлю они

---

[1]) Г. Гебель. Экскурсия на Поной. И. А. О. Из. Русск. Сев. № 3 1909 г.

[2]) Ср. Гамель. Англичане в России, о меновой торговле с лопарями, стр. 109. Огородников. Мур. и Терск. бер. стр. 647—78. Платонов, С. Ф. Начало русских поселений на Мурмане, стр. 7. И. М. Калинин. Торговые сношения лопарей с русскими в половине XVII в. Из. Р. Г. О., т. LXI, в. I.

вели денежную. Принимая во внимание, что семгу в те времена промышляли так же, как и теперь, забором, а это требовало не менее полутора месяца пребывания на одном пункте, следует притти к заключению, что лов ее была одной из важнейших побудительных причин к кочевому оседанию иокангских лопарей, и что началось оно у морского берега, у устья реки, с основания именно летнего погоста, который в 1608 г., как таковой, еще не существовал. Видимо, иокангские лопари еще в начале XVII века вели кочевой образ жизни и жили в подвижных жилищах-вежах. Появление неподвижных веж в Летнем месте, вероятно, можно приурочить к 1600—1660 годам, когда у иоканчан наметилось более прочное оседание в устье реки. В это время они пожелали определить свои охотничьи и рыболовные угодья и возбудили с семиостровцами тяжбу, которая дошла даже до Москвы. Кончилась она размежеванием по р. Колышке у Савихи (на карте не нанесена). По указанию Огородникова, в 1664 г. Иоканга впервые упоминается уже в качестве погоста.

Несомненно, что влиянию семги или промысла ее следует приписать возникновение Лумбовского погоста, существование которого старики-лопари определяют до 300 лет, и Сосновского погоста, коренные жители которого приписывают ему более чем 250-летнюю давность.

Лов рыбы на озерах и значение его в быту лопарей. Если Алай Михалков, по меньшей мере, не слышал о погостах современных терских лопарей, а выражение «погост стоит» употребляется в применении только к Понойскому, то об остальных погостах, в частности Норенском (Семиостровский) он определенно говорит: «погост норенский стоит на леве озере» (оз. Леявр или Ляозеро), где, по словам современных лопарей, стоял их погост, а потом переместился; видимо, на одном из прежних мест его осталась семья, ныне обитающая на Ляозере. Перечисляя угодья Семиостровского погоста, Алай Михалков выражается о норенских лопарях так: «И ловят в тех речках и ручейках красную рыбу семгу заборы, а на озерах ловят белую рыбу про свою нужу . . . , да они же на лесу и на тундре зверь бьют и на море ввесну рыбу ловят, тем ся и кормят»; «а давали они преж сего с тех своих угодий в государеву казну дани» песцов и ролдуги; ни о «десятой рыбе семге», ни об «оброке за рыбную ловлю» ничего не говорится.

Отсюда можно заключить, что Семиостровский погост, повидимому, уже в 1608 г. имел неподвижные жилища—веж и, что располагались они в виде селения (погоста), стоявшаго на берегу озера («стоял на озере»); главным занятием была охота, подсобным же—лов белой рыбы и семги, промысел которых ничем не облагался.

Для нас важно, что семиостровцы занимались охотой, вообще не способствующей оседанию, а скорее противодействующей ему [1]). Длительный ход и нерест сига, лов которого ныне в Каменском погосте прекращается только в средних числах декабря, видимо, способствовал появлению поселка и прикрепил лопарей Норенского погоста к одному пункту. Таким образом, лов сига был побудительной причиной к оседанию лопарей, но не к оседлости, что следует различать.

Ознакомление с таблицей приводит нас к мнению, что оседаемость, несмотря на то, что проявилась она раньше, чем у терских лопарей, непохожа на ту оседаемость, которая привела поной-ских и сосновских лопарей к оседлости. Чтобы уяснить эту разницу, полезно обратить внимание на следующее.

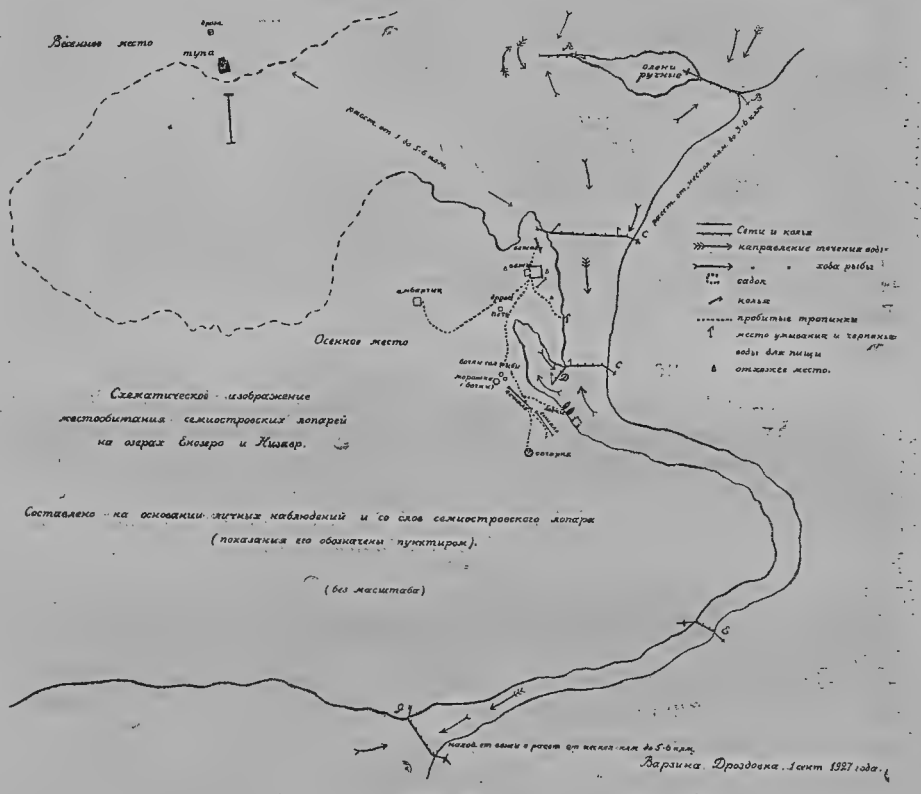
На таблице № 3 видно, что семиостровцы в течение года 6 раз меняют жилище, причем 5 из этих перемен сопряжены с переездами. Последовательность в переменах жилищ такова. В последних числах марта из зимнего места лопари, объединенные стадами, разъезжаются на «весенние места» (см. карту и фиг. 21). Живут тут в тупах. Занимаются главным образом, заготовками дров и т. п. домашними работами. В конце апреля — начале мая в подвижных жилищах-станах выезжают в тундру на отел (лин. 4). На весенних местах в амбарчиках оставляется все зимнее имущество, продовольственные запасы и одежда. В пути беднейшее население занимается ловом щуки и «воздушной рыбы» — куропатки. По окончании отела в конце мая, реже в начале июня все семиостровцы собираются в летнем месте — Варзине. Переезд этот совпадает с заходом в реку кумжи и ходом весенней, летней и меженной семги. В летнем месте немедленно же по приезде ставятся гарвы на кумжу и семгу. Затем так же, как и в Иоканге, строится забор.

С отходом оленей от берегов и началом хода сига, гольца и пальи, семиостровцы с первых чисел августа переезжают на «осенние места», расположеные при устьях и истоках рек у озер (у «зашейков»). Здесь живут в неподвижных вежах вплоть до времени, когда холод заставляет одевать зимнюю одежду, т. е. приблизительно до имания оленей (около 14 октября). Ледостав застает семиостровцев в тупах (на весенних местах), которые стоят на озерах (см. фиг. 21).

---

[1]) По всей вероятности, Норенские лопари добывали песца „пастью“, этим охотничьим изобретением, позволившим перейти от так называемого бродячего образа жизни к кочевому, когда в быту охотничьей народности начали намечаться определенные пункты добычи дичи. Несомненно также, что „пасть“ сыграла свою роль в определении охотничьих угодий.

Не у всех лопарей Семиострова есть на озерах по два неподвижных жилища. Тогда как у большей половины семиостровцев в настоящее время вместо веж построены уже тупы, у некоторых есть только вежи, а у иных и тех нет—живут в станах. Иногда тупа стоит тут же рядом с вежей (см. фиг. 8), в которой живут летом, а с наступлением холода переходят в тупу. Явление это временного порядка и, конечно, тупы в ближайшее время вытеснят



Фиг. 21.

вежу; это приведет либо к одной осенней тупе, либо к тупе осенней и тупе весенней, если место лова проходных рыб далеко отстоит от места подледнего лова сига на озере.

Отбыв имание, семиостровцы отправляются в летний погост за оставшимся имуществом. По возвращении приступают к подледному лову сига сетями и ловят его вплоть до отъезда в зимнее место. Раньше в этот погост въезжали уже во второй половине ноября, в последние же годы только после 19 декабря, т. е.

весенние места покидают перед самым концом нереста сига. Уезжая с озерных тоней в зимнее место, в амбарчиках весенних мест— оставляют часть хозяйственного и домашнего инвентаря (летнюю одежду, рыболовные снасти и т. п.).

Характерно, что вссеннее место (рыбное) покидают для переезда в лесное или лесотундровое. Судя по тому, что зимнее место расположено вдали от рыбного озера или речки, можно думать, что этот отрыв от рыбных промыслов диктуется оленеводческими интересами, так как все внимание семиостровский лопарь вынужден отдавать оленю во время зимнего выпаса, а позднее отхожему промыслу (дровозаготовкам на Мурманской жел. дороге), который без оленя немыслим.

Здесь уместно обратить внимание на то, что роль бывшего зимнего места на «Леве озере», теперь играет весеннее место. Об этом можно судить по тому, что весь рыболовный инвентарь на зиму оставляется в амбарчике у весеннего места, которое стоит на озере, а на лето тут же оставляют инвентарь зимнего периода— зимнюю одежду, ненужный летом оленеводческий инвентарь и т. п.

Перемены местообитаний озерного рыболова вызываются биологическими явлениями в жизни промышляемых им рыб, а именно заходом последних в реки и озера и нерестом. Из 8 переездов, совершаемых семиостровцами, три обусловлены рыбой, два— промыслом тюленя или дровозаготовками, остальные три вызваны оленеводческими интересами, из коих два совмещаются с занятием рыболовством. Между тем у иокангских лопарей наблюдается только два переезда и оба вызваны оленеводческими нуждами, при чем один из них приурочен к занятиям рыболовством (семгой).

Самодовлеющего значения, в силу малой доходности, промысел семги у семиостровцев не имел и не имеет сейчас. Это обстоятельство позволяет пренебрегать ходом осенней семги и отдаваться промыслу гольца и кумжи, дабы не порывать связи с оленем.

Промышленное значение семужного лова терских лопарей (кроме Каменского) удлиняет срок промысла семги, что производит некоторый отрыв иоканчан от оленя и вызывает осенью дальние и тяжелые походы на «имания», сопряженные в настоящее время с отрывом от семьи. У семиостровцев же семья сопутствует мужчине в большинстве сезонных передвижений.

Продолжительность рыболовных занятий на каждом пункте промысла (см. таблицу 3) вызвала к жизни появление постоянных или неподвижных жилищ, и появились они у семиостровцев раньше, нежели у иоканчан.

Нет оснований кочевое оседание семиостровских лопарей приурочивать к одному пункту, но минимум к трем, из коих рыболов-

ными сезонами вызваны: 1) летнее место—промыслом семги, а вставрину и трески; 2) осеннее место—ловом кумжи, гольца и сига; 3) весеннее (или предзимнее)—ловом сига; четвертое место, современный зимний Семиостровский погост, (перенесенный с другого места, по словам лопарей этого селения, лет 25 тому назад)—стоит вне рыболовных угодий населения [1]).

---

[1]) Интересно привести следующую выдержку из труда В. Серошевского—„Якуты". „В Колымском и Верхотурском округах я наблюдал более частые перекочевки, числом до 4-х в год, но они вызваны не столько нуждами скотоводства, сколько необходимостью рыбного промысла".

ГЛАВА VII.

Влияние леса на бытовой уклад лопарей.

В старых очерках лопарского быта можно встретить описание приготовления пищи с прибавлением луба сосны. В истолченом виде он примешивался к хлебу, рыбе и похлебке. Есть упоминание и о том, что лопари в пищу свою в качестве приправы подбавляли траву. Сведения эти относятся к западным лопарям. В Терской лопи пока не удалось наблюдать употребления в пищу иных местных растений, кроме дикого лука и ягод: морошки, воронихи, черники и др. Во всяком случае употребление растительной пищи не играет доминирующей роли в образе жизни лопарей и на их кочевых передвижениях не отражается. Питание их почти исключительно мясное и, если растительная пища и проникает или проникала прежде, до войны (яблоки, капуста, соленые огурцы, картофель), то только извне, что также не оказывало прямого влияния на кочевое состояние.

Совершенно иное значение имеет древесная растительность и в частности леса.

Употребление дерева встречается в качестве: а) строительного материала, б) поделочного и в) в качестве топлива.

а) Если в «вежное время» лопари имели возможность находить древесные материалы для построек только в лесу, и таким образом лес являлся для них притягательной силой, то в настоящее время это значение свое он потерял. С тех пор как Архангельск стал портом, экспортирующим лес, и корабли, нагруженные досками, бревнами и т. п. материалами, во время аварий выбрасывали груз в море, лопари получили возможность пользоваться «плавником», этим даром моря. В Иокангской губе, в Дроздовской и Лумбовской, в особенности в первой, скопляются большие запасы плавника: доски, шпалы, бревна, вагонка и т. п. изделия лесной промышленности. Здесь же попадаются части разбитых кораблей— двери, дверные ручки, рамы от морских круглых окон и т. п.

части, вплоть до мебели. Лопарь, которому предстоит постройка дома, год или два старательно собирает материалы и затем строится. Даже в зимних местах жилища в довольно большом количестве построены из плавника. Только церкви и незначительное количество избушек возведены из казенного леса. Таково положение дел в восточной части Кольского полуострова. В центральной же, в Ловозерском погосте, например, тупы строятся из казенного леса. Таким образом лес, как источник строительного материала, также не играет особой роли в кочевых передвижениях лопарей Летнего Наволока. Если бы они не приходили к морю, они пользовались бы лесом так, как пользуются теперь ижемцы или западные лопари.

б) Как источник поделочного материала, лес имеет уже большее значение. Из молодых елей выделываются полозья для саней, хореи и т. п. Встарину из болезненно развившихся корней березы лопари выделывали себе посуду. Теперь нужда в березе отпала, так как посуда заменена фабричными изделиями. Особую важность для терских лопарей представляют ольховые насаждения, так как из коры ольхи они приготовляют краску для ролдуг, т. е. замши.

Однако, все эти нужды могут быть удовлетворяемы кустарниками перелесков, которые встречаются и в тундре—«в заветрии», т. е. под защитой какой-нибудь горы от северных ветров и в долинах рек.

Таким образом лесная растительность, как поставщик поделочного материала, не является притягательной силой к зимним местам, тем более нельзя этого сказать относительно летних местообитаний у берегов океана.

в) Несмотря на то, что лопари могут найти достаточное количество топлива у моря, плавником в качестве дров они почти не пользуются, предпочитая производить дровозаготовки в лесах. Камельки, которые зимой пылают в тупах почти весь день, пожирают много дров. По моим, весьма неточным вычислениям, одна семья, живущая в тупе, сжигает около 1 оленьего воза, т. е. около 8 пуд. дров в сутки. Цифра эта красноречиво говорит, что заготовка дров требует у лопаря значительной затраты времени и труда. Если же добавить к этому, что лопари в настоящее время вынуждены возить дрова за 20—45 и 60 *км.* от погостов, то станет ясно, что дровозаготовки имеют свое значение в бытовом укладе лопаря и в распределении его трудового года по сезонам. По сведениям, мною собранным у лопарей, хороший хозяин сначала заготовляет дрова (ель, береза, можжевельник, ольха, реже сосна), а затем перевозит. Дровами запасаются по временам года и перед каждой длительной отлучкой мужчин. Так в апреле, по приезде в летнее место, мужчины заготовляют дрова на все лето. Летом, начиная с августа, только в случае нехватки запасы дров пополняют плавником, доставляя его в карбасах, т. е. лодках.

Зимою заготовка дров идет все время и начинается сразу по приезде в зимнее место. Заготовленные дрова ставятся позади тупы в скирду. Помимо того, пастухи возвращаясь из стада, не преминут привезти с собою хотя бы воз.

Интересны навыки лопарей в пользовании дровами в пути. Выезжая в дальнюю дорогу, они всегда берут с собою запас сухих дров для растопки костра. Я ни разу не видел, чтобы для дров рубили живое дерево: всегда выворачивали сухой можжевельник и только в крайнем случае, если невозможно его достать, рубили живую березу. Однажды, во время поездки в тундру, мне не удалось достать можжевельника, и я притащил несколько коряг сухой березы. Плоды моих трудов вызвали недовольство и насмешки. Дрова остались неиспользованными. Оказывается, березовым сушником никогда не пользуются: он дымит, горит плохо и не дает тепла,—как объяснили мне. Можжевельник же горит быстрее, дает яркое пламя и мало дыма.

Тогда же я узнал, что обычаем запрещается делать запасы дров для будущего возможного своего приезда к месту ночлега. Дрова же, оставшиеся неиспользованными, собирались в одно место для того, чтобы путник или кто-нибудь из присутствующих, которому случится заночевать здесь, мог найти себе топливо. Впрочем не каждый день и не всякий это делал. Большое недовольство вызывают ижемцы, которые пренебрегают лопарским правилом и, нарубая большие запасы сырого можжевельника, сваливают его в кучу в местах, где они предполагают быть на следующий год. Лопари жаловались мне, что можжевельник в тундре стал переводиться. Несмотря на явное преувеличение опасение за исчезновение можжевельника имеет свое основание, так как растет он очень медленно и, судя по местам бывших «лесов» и зарослей можжевельника, на которые мне указывали лопари, не восстанавливается (район Волты-выннь).

Подобное бережное отношение к растительности сказывается еще и в способе вырубания лесов. Лопари рубят лес на дрова не сплошь, а оставляют некоторые деревья неприкосновенными. Выше я уже отметил ели—маяки среди поросли березы и ивы. В районе Иоканги зимней они бросаются в глаза настолько резко, что Г. Крепс во время проезда своего мимо Иоканги, подметил это явление. Очень возможно, что эта выборочная система рубки леса находится в какой-нибудь связи с религиозными убеждениями лопарей, если не современных, то «досельных» и практиковалась людьми старого, уходящего поколения. Тем более это возможно, что южнее Лумбовского погоста где-то в лесу стоит дерево—сейт, ель [1]).

---

[1]) Местоположение его указать мне отказались и уверяли, что теперь в него не верują.

Несмотря на столь разумное отношение к лесу, влияние человека на леса—сказывается. Это видно хотя бы из того, что Зимний Иокангский погост, который стоит на теперешнем его месте лет 50 да столько же, вероятно, стоял в другом месте, в 3-х верстах к западу,—встарину, по словам стариков, был окружен лесом. Теперь лесов в округе нет. Холмы покрыты перелесками, пнями и отдельными высокими елями и очень редко соснами. Подобная картина характерна «верст на 45» к югу до левого берега Поноя и «верст на 15» к северу до Кейвы. З. Лумбовский погост стоит на своем месте не столь долго, но леса вокруг него также оказались вырубленными, однако в меньшей степени, так как Каневка, новое место Зимнего Лумбовского погоста, отстоящая от старого всего в 10 *км*, окружена лесом.

Отсюда понятно, почему лопари главнейшей причиной перемещения зимних погостов считают дрова, точнее дальность мест дровозаготовок от их зимних поселений.

ГЛАВА VIII.

Дом лопарей.

В настоящее время лопари живут не родами и даже не большими семьями. Привожу полный перечень фамилий лопарей Терского наволока: Антоновы, Бархатовы, Гавриловы, Галкины, Глухих, Горбунцовы, Даниловы, Дружниковы, Ермолины, Захаровы, Койбины, Куроптевы, Матрехины, Милентьевы, Назаровы, Павловы, Таруновы, Телышевы, Титовы, Фефиловы, Харлины, Шаршины, Юрьевы, Юшковы и Яковлевы. Для каждого из погостов характерны определенные фамилии; так для Семиострова—Захаровы и Яковлевы, для Каменского—Матрехины и Койбины, для Лумбовского — Дружниковы и Даниловы, для Сосновки—Матрехины, для Иоканги—Матрехины. Каменские лопари утверждают, что такие фамилии, как Даниловы, Титовы, Телышевы, Дружниковы, Куроптевы, Назаровы и вымершая фамилия Денисовых,—все произошли из рода Матрехиных. В настоящее время это наиболее распространенная фамилия среди лопарей Понойского района. Судя по одному мифу, лопари, носящие эту фамилию, считают своим родоначальником женщину. Не без иронии говорят они, желая скрыть свое убеждение, что «была — дескать — какая-то баба Матрена и наплодила большой род».

Кровные и родовые связи уже настолько разошлись, что браки в третьем колене родства случаются, тогда как еще в начале XIX в. даже в четвертом считались предосудительными. Родственные отношения густой сетью оплетают почти каждого лопаря.

Вскоре после женитьбы сына молодая семья отделяется от отцовской. Родительское имущество делится по количеству мужских душ на «паи», причем отцовский пай наследует младший сын. Дочерям выделяется только приданое. Таким образом имущество дома вновь народившейся семьи слагается из надела отделившегося сына и приданого невесты, поступающего в хозяйство.

Как только молодая семья вышла из-под родительского крова, она уже вполне самостоятельна во всей своей деятельности, в распорядке внутреннего обихода и в кочевых передвижениях. За нею остается лишь обязательство помогать родителям в старости, если они живут без помощников, но это не значит, что стариков принимают в сыновний дом; довольно часто дряхлые старики живут отдельно.

Жилище для новой семьи обычно строится вскоре после раздела. Конструкция, внутреннее устройство тупы и самый характер использования ее, как жилища, по существу недалеко ушли от чисто кочевого жилья—вежи. Правда, тут есть и кровати и стулья, но работают, будничают и даже обедают на полу, спят на тех же шкурах, укрываются теми же ровами, да и самые размеры жилой площади недалеко ушли от вежных норм. Несмотря на это, тупа несет в себе все данные для создания в будущем распорядка, свойственного оседлому образу жизни.

Так как брачный возраст для мужчины обычен в 21—22 года [1]), а для женщины в 17—18 лет, то зрелости своей семья достигает приблизительно к 40—45 летнему возрасту главы семейства. Обычно в это время семья состоит из отца и матери, старших сыновей или дочерей и ребенка школьного возраста.

Хозяйственные обязанности и труд в подобной семье распределяются следующим образом.

На главе дома, старшем мужчине, лежит общее руководство домостроительством. Он ведает всеми работами и заботами, связанными с постройкой и ремонтом жилищ; все оленеводческое дело—пастьба, уход за стадом и отдельным оленем, ремонт и обновление сбруи, саней и т. п. оленеводческой утвари лежит всецело на нем, так же, как и весь охотничий промысел. Семужный, торосовый и вообще всякий морской промысел и все, что с ним связано—ремонт старой и изготовление новой морской снасти (гарвы, лодки и т. п.)—все это его труд.

В озерном рыболовстве мужчина проявляет себя в оборудовании лодки, в плане расстановки сетей, в прорубании льда, в управлении лодкой. Заготовка и колка дров также исключительно мужской труд. Перевозка тяжестей, своевременная заготовка хлеба, мяса, и других продуктов первой необходимости, а также развоз и доставка их по местам обитания, увязывание упакованных женщиной вещей так же, как и вся процедура перекочевок, всецело лежат на ответственности мужчины.

Иначе говоря, в его руках сосредоточена вся хозяйственная деятельность по извлечению продуктов хозяйства в сыром, не обработанном виде, он дает их для переработки и выделки женщинам.

---

[1]) Более редки женихи 30-летнего возраста.

Только обработка дерева, кости и металлов целиком находится в его руках. Там, где нужны проявление инициативы, смекалки, затрата физической силы или выносливость,—там везде работает и руководит мужчина. Самый характер хозяйствования лопаря требует не обычной для нас, оседлых людей, подвижности (охота оленеводство, рыбная ловля): «не поедешь—не достанешь». В глазах лопаря передвижение и труд—одно и то же. Малая интенсивность этого типа труда несомненно сказывается в неспособности лопарей—мужчин к упорному труду оседло живущего человека. Для этого лопарю, оленеводу, охотнику и рыболову, не достает достаточно развитой воли: ему не на чем было ее культивировать. Взамен того лопари обладают редкой терпеливостью и выносливостью; воля их направлена на выработку максимума терпеливости во всяких невзгодах их превратной жизни. В этом отношении интересен один из приемов народной медицины: в момент наибольшей усталости после долгой ходьбы, когда ноги отказываются итти—в обычае крест-на-крест изрезать кожу на коленях. Лопарю свойственно прожить на охоте или в стаде две-три недели в невероятно тяжелых условиях—перетерпеть голод и усталость,—но зато сразу, в один день, схватить, как говорят,—«добыть» хороший куш. Этот куш может быть куницей, диким оленем, непомерно высокой ценой за свой труд и т. п. Можно считать, что этого же типа добыча и олени на имании их осенью, и чопорки и пыжики после отела. Несомненно, эта неразвитость воли лопаря-мужчины не способствует переходу его к оседлому образу жизни, где требуется более высокая степень напряжения воли. Отсюда понятно, почему лопарь еще не в силах вполне подчинить себе оленя и образ его жизни изменить согласно своим интересам. Лопарь-мужчина до сих пор тяготеет к сохранению и к развитию кочевого образа жизни.

На женщине лежит много мелких, но очень важных работ, ей приходится выносить на себе столь тяжелый промысел, как озерное рыболовство. Хозяйка дома чинит и шьет матерчатую, шерстяную и меховую одежду и обувь; по количеству времени затрачиваемого на эти занятия, они стоят на первом месте. Выделка мехов и замши, плетение и окраска сетей, окраска гарв, ежедневная и субботняя уборка жилья, двукратное в году мытье двух, трех и более жилищ, кухня и стирка белья, а порою и колка дров, уход за собаками и овцами,—все это лежит на женщине, к тому же в некоторых случаях она помогает мужчине в таких отраслях хозяйства, как охота, когда она в отсутствие мужа обходит или объезжает близлежащие капканы. Промысел куропатки исключительно женское и детское занятие. Без участия женщины в лопарских условиях совершенно немыслимо озерное рыболовство: тут женщина исполняет наиболее тяжелую часть труда—гребет, извле-

кает из сетей рыбу, колет лед и т. п. Казалось бы, что промысел куропатки и овцеводство дают какие-то признаки отдельного от мужского хозяйствования женщины, но то и другое играют лишь подсобную роль и направлены к развитию мужского промысла— оленеводства и совместного рыболовства. Кроме того, в обычно правовом отношении женщины не вправе распоряжаться какой-бы то ни было частью имущества или основных запасов дома. Даже изделия своих рук без ведома главы дома они не продают: торговые сношения семьи—прерогативы мужа [1]). Даже приданое ее фактически находится во владении мужа, только в случае развода право собственности на него вновь восстанавливается. В таком случае может возникнуть особая хозяйственная единица или хозяйство разведенной сольется с родительским домом.

По самому характеру своему труд лопарки нисколько не отличается от труда любой женщины из оседлого хозяйства соответствующей географической зоны; лопарка даже несколько перегружена работой. В силу этого и влияние женщины на бытовой уклад лопарей идет в разрез с деятельностью мужчины. Особенно это чувствуется в зажиточных семьях, где женщина имеет наибольшую возможность создавать домашний комфорт; это ведет к некоторой перегрузке инвентарем, что при переездах всею тяжестью ложится на плечи женщины. Но условия труда женщины в неподвижном жилище улучшаются. Связи с русскими, финнами и другими более культурными оседлыми народностями и в бытовом, и в экономическом отношении сильнее ощущаются женщиной, нежели мужчиной. Это создает в ней тяготение к оседлым формам быта.

Интересны идеалы жениха и невесты у современной лопарской молодежи. Жених ищет себе невесту «настоящую лопку», надо, чтобы она была мастерицей шить, «обрядна» и была «чистоткой», «чтобы в лопской жизни все знала». Мечтою же невесты и наибольшими симпатиями девушек пользуются русские парни, понойцы, финны, норвежцы. В данном случае мотивы симпатии кроются не только в чисто внешних качествах taja (не лопарей), но и в преимуществах оседлой жизни. Об этом не раз доводилось слышать от девиц и от их матерей. Несмотря на это, поэтизируется кочевой быт, а не оседлый.

Участие сыновей в домостроительстве весьма пассивно. До 12—13 лет мальчики учатся своим будущим занятиям только в процессе подражательных игр. На 15 году отцы вплотную принимаются за обучение подростков оленеводству, поручают им

---

[1]) Это не значит конечно, что женщина лично ничего не продает, очень часто именно женщины более инициативны в этом отношении, чем мужчины, но без ведома его ни одна вещь не выйдет из дома.

помощь в дровозаготовках и колке дров, дают их в помощь женщинам во время рыболовства. Под конец уже обучают постройке саней. Молодой человек, не умеющий сам делать сани,—плохой жених. Девочки лет с 7—8 становятся помощницами матерям, а к годам 17 они уже вполне готовы принять на себя самостоятельное ведение хозяйства. Большею частью инициатива в семейных разделах принадлежит молодухам.

Инвентарь лопарского дома. Обычно, войдя в помещение номада, сразу ощущаешь своеобразие жилища, отдельных предметов в нем и расположения их по жилью. Лопарская тупа этого ощущения не дает, или во всяком случае своеобразие быта лопарей не улавливается с тою легкостью, как это бывает в чуме самоеда или в юрте киргиза. Субъективные ощущения уже не достаточны. Если инвентарь лопарей до известной степени потерял свой, так сказать, первобытно-кочевой облик и сохраняется лишь в отдельных предметах обихода, то весьма характерен самый состав его, распределение по местам обитания и количество одних и тех же предметов, принадлежащих одному и тому же лицу или семейству—дому. В приводимом ниже списке инвентаря одного из беднейших лопарей Иокангского погоста все указанные выше явления не достаточно ярко выражены. Поэтому сверх того придется изложить результаты непосредственных наблюдений. Богатый лопарь свои запасы продовольствия распределяет на двух или трех пунктах обитания; достаток позволяет ему заводить часть домашней утвари и мебели в удвоенном количестве; обычно дублируются самовары, кухонная и чайная посуда, стенные украшения, часы, столы и стулья и некоторые инструменты (топор, лопата и др.). Не говоря о постройках, в увеличенных количествах фигурируют сети. Так у мотовских лопарей можно видеть в летнем месте рыболовный снаряд для морского промысла, на первом осеннем месте хранятся сети для озерного лова в количестве 15—20 штук, на втором такого же вида сети хранятся в количестве около 30 штук. На третьем снаряд не хранится, сюда перевозятся сети с первого и второго места, а по окончании рыболовного сезона они развозятся на свои прежние места.

Составляя приводимый ниже список, мы включали в него предметы только крайне необходимые, те, без которых не может обойтись лопарская семья. Чтобы не пропустить какого-нибудь названия, наличный инвентарь моего собеседника был сверен с перечисленными вещами. Отбрасывать почти ничего не пришлось, добавить же несколько предметов оказалось необходимым. Кроме того, чтобы придать списку, так сказать, общелопарский характер, я лично, включил в него два-три предмета — кережка, бочка для засола рыбы; у иоканчан бочки для засола семги принадлежат кооперативу, у моего «учителя» их вовсе не было. Цены на вещи обозна-

чены по указанию лопарей. Так как инвентарь моего учителя был очень ветхим, то общая стоимость его значительно ниже его рыночной стоимости. Я позволил себе повысить расценку зимней одежды, так как обычно она имеет довольно сохранный вид.

Чтобы оттенить значение и характер инвентаря в быту лопарей с точки зрения перемещаемости его, весь список разбит на несколько рубрик. В раздел абсолютно неподвижный вошло так сказать «недвижимое имущество», т. е. дом в летнем месте, и рыболовный снаряд, никогда отсюда не перевозимые.

В рубрику относительно неподвижных предметов помещен инвентарь, перемещаемый вместе с жилищем при изменении внешних условий обитания в данном месте (перемещение зимних погостов или веж на осенних местах). Надо сказать, что восемь предметов с лопарскими наименованиями с одинаковым успехом можно было бы отнести в рубрику специфически кочевого инвентаря, так как еще лет тридцать тому назад эта утварь всегда сопутствовала стану. В единичных случаях это можно наблюдать и по сие время. Наличие орудий промысла на тюленя свойственно только терским и семиостровским лопарям. В раздел специфически кочевого инвентаря вошли предметы, связанные с оленем и кочевками. Что касается зимней одежды, то ее можно было бы отнести в рубрику относительной неподвижности, так как у многих лопарей она хранится на осенних местах, но, принимая во внимание абсолютную необходимость этого типа одежды в кочевках, целесообразно поместить ее именно сюда, тем более что и возникновением своим она обязана древнему номадизму лопарей.

Примерный список инвентаря бедной лопарской семьи в пять человек.

Домашние животные:

Подвижный наравне с семьей—овца 5 р.

Абсолютно подвижный: стадо оленей: быков 3 шт. по 25 р.=75 р. Важенок 8 гол. по 20 р.=160 р. Лопанок 3 шт. по 10 р.=30 р. Хирвас 1 по 15 р.=15 р. Всего олени стоят 280 р. Собака 1 по 3 р.=3 р. Итого 283 р.

Жилища:

Абсолютно неподвижный: избушка 1 в летнем месте—100 р. 2 амбара там же по 10 р.=20 р. (запасы продовольствия).

Относительно неподвижный: Вежа на осеннем месте—20 р. Тупа в зимнем месте — 25 р. Амбар там же — 15 р. (запасы продовольствия).

Специфически кочевой: стан (мешочный) — 12 р.

Домашние вещи:

Абсолютно неподвижный: скамейка 1 = 30 к.; стол 1 = 1 р. 25 к.; лампадка 1 = 25 к. икона 1 = 1 р.

Относительно неподвижный: kapstak 1 = — р. 05 к.; ałłta 1 = — р. 05 к.; karr'ä 1 — р. 10 к.; jagen 1 = — р. 05 к.; avvl' 1 = — р. 20 к.; миска деревянная 1 = — р. 30 к.; kavos 1 = — р. 10 к.; tel'l'a 1 = — р. 20 к.; ровы 3 по 7 р. = 21 р.; постели 3 по 1 р. = 3 р.; котлов 2 по 3 р. = 6 р.; чайник 1 по 2 р. = 2 р.; самовар 1 по 10 р. = 10 р.; посуда чайная 1/2 дюж. = 1 р. 50 к.; ковш для воды = 1 р. 50 к.; ведро для воды 1 по 50 к. = = 50 к.; умывальник = 20 к.; лоханка = 30 к.; квашонка = 50 к.; лампа = 1 р.; ножей 3 по 20 к. = 60 к.; ложек 7 по 3 к. = 21 к.; утиральника 2 по 10 к. = 20 к.; подушки 3 по 1 р. = 3 р.; люлька = 2 р.

Подвижный наравне с семьей: одежда мужская—рубах верхних 2 по 30 к. = 60 к.; брюки 1 = 50 к.; рубах исподних 2 по 15 к. = 30 к.; кальсон 2 по 15 к. = 30 к.; платок на шею = = 50 к.; каньги 1 п. = = 50 к.; чулки шерстяные 2—3 п. = 1 р. 50 к.; койбицы = 50 к.; рукавицы = 1 р.; пиджак или пальто = 3 р.; шапка зимняя = 75 к.; шапка летняя = 75 к.; кисет = 10 к.; пояс = 20 к.

Одежда женская: койбицы = 2 р.; каньги = 50 к.; чулки шерстяные 2 п. = 4 р.; сарафанов 2 шт. = 2 р. 75 к.; кофты 2 шт. = 1 р.; юбок 2 шт. = 1 р.; рубах исподних 2 = 2 р.; лиф = = 20 к.; kätt = 30 к.; tor'h'k = 5 р.; самшурка = 10 р.; платок головной = 5 р.; платков головных 3 = 1 р.; передник 1 = 15 к.; пояс шерстяный 1 = 20 к.

Детская, на 3-х человек, те же предметы; общая стоимость около 43 р. 40 к.

Специфически кочевой: одежда мужская—малица с рубахой или печок 45 р.; яры—5 р.; липты—3 р.; пояс (tas'ma)—5 р.

Одежда женская: печок—50 р.; яры—5 р.; липты—3 р.; шапка зимняя для самшурки—9 р.

Дорожные вещи:

Специфически кочевой: кисы 3 шт. по 2 р. = 6 р.; сундучки (короба) 2 шт. по 1 р. = 2 р.; мешков 3 шт. по 50 к. = 1 р. 50 к.; task'e 2 шт. по 50 к. = 1 р.; сбруя выездная = 5 р.; сбруя рабочая 3 набора по 2 р. = 6 р.; сбруя женская = 10 р.; сани 5 шт. по 3 р. = 15 р.; хорея 2 по 10 к. = 20 к.; хигны 10 шт. по 25 к. = 2 р. 25 к.; панги к ним 10 шт. по 10 к. = 1 р.; имальница = 50 к.; кольца для саней 6 шт. по 10 к. = 60 к.; кережка = 3 р.

Инструмент:

Подвижный наравне с семьей: мужской: топор 1=50 к.; напарье=20 к.; молоток=2 р.; пила=50 к.; долото и стамеска=20 к.; напилок=10 к.; лопата=20 к.

Женский: ножик=30 к.; ножницы=30 к.; иголки 3 шт.=6 к.; наперсток 1=3 к.; короб=40 к.; скобель=50 к.; v'ikkas=50 к.; корыто чистое=1 р.; иглы вязальные 5 шт.=25 к.; веретено=5 к.; выкройки=10 к.; прялка=75 к.; корничек (nivel'cüh'k'e)=1 р.; зеркало=10 к.; чесалки шерсти 2=20 к.; тряпки разные=1 р.

Специфически кочевой: топор хозяина=1 р.; нож на поясе=1 р.; оселок=5 к.

Рыболовный инвентарь:

Абсолютно неподвижный: карбас (лодка не у всех имеется)=15 р.; гарвы 1 шт. по 10 р., 2 шт. по 5 р., 1 шт. по 6 р.—всего 26 р.; крючки=20 к.; сети 2 шт.=1 р. 50 к.; лески=30 к.; колья для гарв и сетей 8 шт. по 20 к.=1 р. 60 к.; бочка для рыбы=2 р.

Относительно неподвижный: лодка (на осеннем месте)=10 р.; сети 3 шт.=1 р. 60 к.; колья 8 шт.=1 р. 60 к.

Подвижный наравне с семьей: игла и kałdak=15 к.; прядина=2 р.

Охотничий и «торосовый» инвентарь:

Относительно неподвижный: капканы=2 р.; багор=1 р. гарпун=3 р.; лямка=75 к.

Подвижный наравне с семьей: ружье=10 р.; патроны=60 к.; патронташ=5 к.; пулелейка=10 к.

Весь инвентарь, перечисленный в списке, по указанным ценам стоит 890 р. 35 к., при чем стоимость инвентаря по рубрике «абсолютно неподвижный» выразится в сумме—169 р. 40 к., в рубрике «относительно неподвижный» 86 р. 05 к., в рубрике «подвижный наравне с семьей»—168 р. 55 к., в рубрике «специально кочевого» инвентаря—193 р. 35 к. и «абсолютно подвижное» имущество стоит 283 р.

Не вдаваясь в подробное описание отдельных предметов инвентаря, чем уместно будет заняться в другом месте, интересно обратить внимание на некоторую трансформацию таких предметов, как стан и кережка. Из категории жилища они переходят в категорию средств передвижения и обратно. Так в полотнища стана (salvas'ы) во время кочевки упаковывается и помещается имущество не только бедного, но и зажиточного лопаря. Если бы не было салвасов, взамен

их нужно было бы изобрести что-нибудь другое. Тот же салвас на вьючном олене употребляется, как потник под вьюк.

Кережка встарину, в теплую снежную погоду или в пургу, служила походным жилищем. Несколько кережек ставилось вертикально, по кругу, ребром к ребру. Внутри разводился огонь. Иногда все это сооружение снаружи чем-нибудь покрывалось или обматывалось салвасами.

Стоимость инвентаря зажиточного лопаря-оленевода надо считать во много раз большей. Главное возрастание скажется в рубрике абсолютно подвижной, так как оленье стадо разбогатевшего лопаря будет стоить не 200 р., а минимум 6—10.000 р. Сильно возрастет стоимость рыболовного снаряжения в рубриках абсолютно и относительно неподвижной, так как богатые лопари имеют по 30—50 гарв и около такого же количества сетей. Непропорционально стоимости стада увеличится стоимость оленеводческой утвари. Сравнительно меньше скажется возрастание стоимости предметов в рубрике «подвижный наравне с семьей», — увеличение будет заметно на количестве и ценности женской одежды, домашней утвари и очень мало поднимется по линии мужчины и его инструментов. Немного дороже будет стоить мебель жилища в летнем месте и лишь ввиде исключения самое жилище.

Указанное выше дублирование вещей и построек в лопарских условиях хозяйствования экономически целесообразно. Сравнительно небольшие стада оленей не дают возможности обзаводиться дорогостоящим чумом (хороший чум стоит около 1.500 р.), тогда как вторые тупы со всей их утварью обходятся гораздо дешевле, о чем можно судить и по приводимому списку. Обитание в тупах и удобнее и, пожалуй, здоровее, нежели в чуме.

Здесь обращу внимание, что приводимый инвентарь как бы отражает два центра тяжести, существующих в лопарском хозяйстве и располагающихся в крайне противоположных рубриках. Отсюда можно видеть, в каких направлениях в дальнейшем может пойти дифференциация лопарского хозяйства.

Список с достаточной ясностью указывает на значительную перемещаемость лопарского инвентаря, при чем некоторые предметы способствуют сохранению кочевых форм жизни, другие же тянут его к оседлости. Однако, даже наличие абсолютно неподвижных жилищ вовсе не противоречит номадизму. По выражению Д. Клеменца, «обособленность населенных пунктов, стойбищ, более тесная связь данной группы лиц с данной территорией—явление совершенно неизбежное при кочевании» [1]).

---

[1]) Д. Клеменц. Заметки о кочевом быте. Стр. 42.

ГЛАВА IX.

Особенности экономического быта.

(Продолжение).

Угодья лопарей. Несмотря на то, что по убеждению лопарей земля ничья,—«божья», как выражаются они в разговорах с русскими и в подражание им,—у них есть представление о «своих землях». У каждого погоста имеются угодья пастбищные, рыболовные, нерпичьи и охотничьи. Имеются лишь отрывочные сведения, однако не подлежащие на мой взгляд сомнению, что на «дикаря» имелись родовые и семейные угодья; на пушнину их, видимо, не существовало или имелись они в связи с «дикарем». Повидимому, охота в границах владений погоста принадлежала, как и сейчас принадлежит, всему сельскому обществу в цéлом. Разграничение это, судя по судебному процессу между иокангскими и семиостровскими лопарями в XVII в., уже строго соблюдалось, так как по воспоминаниям лопарей в то время были установлены межевые знаки, колья с «клеймами погоста», как они говорят. Повидимому, разграничения этого лопари придерживаются и сейчас. По словам их, охота идет по всей тундре и не всегда в границах угодий погостов. На вопрос о пунктах или границах промысла неизменно следует ответ: «кто, где поставил (т. е. капкан), то и ладно», «кто первый пришел, тот и ставит». Следовательно, размеры охотничьих угодий неопределенны.

Нерпичьи угодья занимают у лопарей береговую полосу в пределах береговых границ каждого погоста [1]), однако строгого

---

[1]) Здесь уместно внести уточнения в „этнографическую карту Мурманской губернии“ (изд. КИПС Акад. Наук СССР, № 12, 1926 г.), составленную по данным переписи 1897 г. С тех пор произошли изменения, на которые после специально проведенного обследования необходимо указать; так, неправильно помечена красным (цвет русских) прибрежная полоса у Восточной Лицы до р. Иоканги, а также м. Городецкий и Качковка,—как территория, находящаяся в постоянном хозяйственном владении русских За исключением м. Городецкого, где стоит маяк Городецкий и живут рус-

их соблюдения незаметно, так как каждый охотник промышляет там, где находит для себя удобным. Промысел тюленя носит тот же общественный признак, что и охота. В месте наибольшего скопления тюленей в восточной части Терского берега собственности на береговые участки не существует, лопари промышляют на любом месте, а русские у своей промысловой избы или там, где удобнее. Точно та же картина наблюдается и на морских рыбных промыслах и промысле куропаток.

Однако, сознание права на все виды этих угодий, и опять таки хозяина общественного, пробуждается немедленно, как только происходит внешнее вторжение в пределы обычаем установленных границ. Так, иоканчане считают, что тральщики, заходя в устье р. Иоканги, вторгаются в промысловые воды этого погоста и несправедливо обижают лопарей, как они выражаются, «не по закону делают» (т. е. тральщики) [1]). То же и относительно тюленя,—и русские и лопари, затрудняясь указать расстояние своих т. ск. тюленьих угодий, считают, что зверобойные суда, приближаясь близко к берегу, нарушают их права на море. Но, кажется, наибольшее возмущение вызывают ижемцы, которые до сих пор, несмотря на запрещение, промышляют крестоватиков (песцовые щенки). Лопари в этом промысле усматривают нарушение права собственности погостов на свои охотничьи угодья и кощунственное нарушение существующего у лопарей запрета губить норы.

Пастбищные угодья. Несколько иные отношения существуют в пользовании пастбищными угодиями. Так, на весенние, летние (береговые) и зимние пастбища существуют определенные границы. В пределах их лопари пользуются ягелем и блюдут его сохранность. Относительно летних пастбищ подтверждением может служить следующее: лопари семиостровские недовольны тем, что иокангские хозяева, выпуская оленей на левый берег Иоканги до Савихи, тем самым пользуются пастбищами не

ские, остальные берега находятся в пользовании лопарей, так как именно они, с берегов промышляют нерпу, в реках—проходную рыбу, на берегу ведут весенний и летний выпас оленей. В настоящее время русские здесь бывают очень редко. Обозначенных на карте КИПС'а поселений: Круглое, Корабельная, Лодыгино, Карпино, Савиха, Качковка, Девятое, Данилова-Потычь, Пурначь, Верхн. Лумбовский пог., Зимн. Лумбовский пог., Зимний Семиостровский теперь не существует. Относительно Северо-Западной части Кольского полуострова думается, что районы, обозначенные знаком „финны", следует значительно сузить и приблизить к берегу. Что касается территории освоенной ижемцами, то в силу особенностей их системы выпаса ее весьма трудно обозначить точно, что и отразилось на карте. Прилагаемая выше, на стр. 30, карта Кольского полуострова дает более верное представление о пространствах, занятых ижемцами под летние и зимние пастбища, но также не может претендовать на точность, так как ижемцы очень часто меняют места выпаса.

[1]) Между прочим именно этому заходу траловых судов в прибрежные воды лопари приписывают исчезновение у берегов знаменитой Мурманской камбалы, которую промышляли лопари Иоканги.

только своими, но и семиостровскими. Другой пример: иоканчане всеми мерами противятся проникновению ижемцев в прибрежную полосу тундры от р. Западной до р. Иоканги, хотя сами (временно) ею не пользуются по причине, излагаемой ниже.

Прибрежные острова, где пасутся ручные олени, считаются неотъемлемой собственностью близлежащего погоста.

Фиг. 22. В веже. Семиостровские лопари.

Чувство собственности на пастбища, расположенные во внутренних частях Летнего Наволока, сказывается в меньшей степени, и лопари, хотя и считают, что ижемцы, занявшие эти части тундры, пользуются ими незаконно, все же не противятся им так, как заня тию ижемцами прибрежной полосы или зимних площадей выпаса.

Границы зимних площадей выпаса были мне указаны более или менее точно. У Зим. Иоканги они находятся между р. Сухой и ручьем Жениховым, у лумбочан далее к востоку до р. Колмака и Рябоги.

Измеренные в весьма грубых цифрах, площади выпаса дают величины, указанные в табл. № 4.

Из таблицы, карты и вышеочерченных границ пастбищ видно, что, тогда как весенние, летние и осенние пастбища не имели строго очерченных границ,—зимние в 1927 году имели определенные районы выпаса, вследствие чего не вся площадь использовалась одновременно. Один лопарь объяснил мне, что остальными пастбищами пользуются в зависимости от их состояния, т. е. когда ягельники оказываются достаточно использованными, лопари меняют места выпаса, а покинутые оставляют для восстановления их. Подтверждением этого могут служить данные карты:— на территории пастбищных угодий расположены кинтища бывших погостов, вокруг которых в свое время выпасались стада [1]).

Предполагаю, что точно таким же способом используются и охраняются весенние и летние пастбища: несколько десятилетий олени пасутся (вольно) сначала, положим, за левым берегом Иоканги, потом за правым [2]). Из таблицы № 4 видно также, что площади выпаса, приходящиеся на одного оленя для разных погостов, в разное время года не одинаковы.

Рыболовные угодья переходят из рода в род, и в пользовании ими соблюдаются нормы обычного права. Рыболовными угодьями не все погосты в одинаковой мере обеспечены. Там, где преобладают озерные тони, промыслом семги и морской рыбы занимаются меньше, бедность же озерами понуждает лопарей заниматься морским рыбным промыслом.

По собранным сведениям, семиостровцы, из известных по карте 40 озер, рыбачат в 12; общая площадь их достигает 698 *кв. км*, что дает на одно хозяйство среднюю цифру 21,6 *кв. км*. Иоканчане владеют 25 озерами, из числа которых пользуются только 10, общей площадью 124,4 *кв. км*, т. е. 2,8 *кв. км* на двор. Лумбовские лопари, владеющие 2 озерами, ни одним не пользуются. Каменчане из многочисленных рыбных озер, расположенных в пределах их владений, занимаются эксплоатацией только озера Вулиявр, площадь которого равна 130 *кв. км*, что дает на двор 8,6 *кв. км*. Все летние погосты расположены в устьях рек, где население

---

[1]) Я не имел возможности подтвердить это объяснение сведениями от нескольких человек; очень возможно, что истощение ягельников совпадает с вырубанием вокруг погостов лесов, и таким образом они служат одной из причин перемещения зимних погостов.

[2]) Иоканчане еще 2—3 г. тому назад выпускали оленей на летней выпас на правый берег р. Иоканги.

Таблица № 4.

Таблица распределения пастбищных угодий Летнего Наволока по сезонам выпаса для лопарских погостов и с. Поной.

Составлена по данным Мурманского губстатбюро и прилагаемой карты.

Погосты	Семиостровский погост	Иоканьгский погост	Лумбовский погост и д. Каневка	С. Поной	Сосновский погост	Примечания
Количество оленей .	3.854 ол.	3.261 ол.	1.081 ол.	1.826 ол.	931 ол.	[1]) В сумме площадей выпаса по Йоканге цифра 2.040 уменьшена пропорционально количеству оленей.
Среднее количество оленей на двор [2]) .	133,0	72,5	для лопарей 29,0	23,4	55,0	[2]) Среднее количество оленей на двор вычислено по данным 1926 г. По новейшим данным величины эти несомненно возросли, например для с. Поноя она возросла приблизительно в 2 раза.
Площади весеннего и предлетнего выпаса (с прибрежной полосой)	—	81 кв. км	75 кв. км	42 кв. км	438	
Площадь летнего и осеннего выпаса . .	2.040 кв. км		378 кв. км	202 кв. км		
Площадь фактического выпаса в зиму 1927 г.	—	372 кв. км	246 кв. км	242 кв. км		
Кегоры: острова .	12 кв. км	4 кв. км	13 кв. км	—	—	
Кегоры у погостов (линия 6)	—	—	—	—	—	
Площадь выпаса . .	—	1.390 [1])	712	486	438	

промышляет семгу; только лумбовские лопари, помимо своей реки, выезжают на промысел семги на Качковку, более семужную реку.

Помимо озерной рыбы и семги, иоканчане и лумбовские лопари занимаются еще промыслом морской рыбы, но в настоящее время ограничиваются только ловом трески и пикши, а лумбовцы берут еще навагу и камбалу. Для промысла этих рыб выезжают в море, но далее 10 *км* от берега не заходят. Промысел морской рыбы играет подсобную роль и не отражается в быту лопарей, хотя и есть надежда, что в скором будущем он разовьется до размеров, когда можно будет говорить о лопарях, как о промышленниках поморского типа.

Доходы лопарей от рыболовных и охотничьих угодий. О доходах, извлекаемых лопарями от своих рыболовных и охотничьих угодий, можно судить по сведениям, заимствованным из разных источников, не в одинаковой мере точных. Наиболее наглядны в этом отношении несколько устарелые данные Р. Якобсона, относящиеся к 1909—1912 гг.

Таблица 5.

Статьи дохода	Сосновский		Лумбовский		Каменский		Иокангский	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
1. От добычи морского зверя . . .	70	—	400	—	—	—	—	—
2. „ „ лесного „ . . .	250	—	150	—	700	—	400	—
3. „ „ рыбы в Поное . . .	1.120	—	630	—	820	—	—	—
4. „ сдачи в аренду тоней . . .	—	—	57	—	—	—	—	—
5. „ добычи рыбы в своих угодьях.	595	—	100	—	160	—	3.500	—
Всего на погост . . .	2.035	—	1.337	—	1.680	—	3.900	—
В среднем на душу по каждому из погостов	75	20	61	85	48	—	46	50
Общественные расходы на душу мужск. пола	—	—	4	17	—	—	—	—
Общественные расходы на весь погост, считая 20 душ мужского пола	—	—	83	40	—	—	—	—

Более общие сведения можно почерпнуть из отчета Иоканг-ского Потребительского Общества о заготовительно-сбытовой работе в течение первых девяти месяцев 1926 г., где суммы указаны в продажной цене кооператива.

Таблица 6.

Наименование с.-х. продуктов и сырья	Остатки к началу года на		Заготовлено за год на		Остатки к концу года на		Выбыло за год на	
	Сумму		Сумму		Сумму		Сумму	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
Семга	29	35	5.746	91	727	05	5.820	39
Мясо оленье	68	53	—	—	—	—	68	53
Шкуры оленьи	185	44	617	96	9	65	716	50
Куропатки	—	43	227	49	—	—	236	60
Пушнина	71	—	800	27	79	50	908	—
	354	75	7.392	63	816	20	7.750	02

Кроме того, агентом Каргосторга забрано было в том же году пушнины на сумму 3.500 р. Таким образом лопари Иоканги, Лумбовского и незначительной части Семиостровского и Каменского погостов только от кооператива и одного госторга получили около 10.000 р.

По сведениям, полученным позднее, Иокангский кооператив за первые семь месяцев 1927 г. купил у местного населения семги, шкур и сала тюленя на сумму 2.099 р. 57 к.; в ноябре Териберский кооператив закупил в Иоканге оленьего мяса на сумму 2.700 р. В 1928 г. судя по годовому отчету, было заготовлено разных товаров (пушнина, рыба, тюлень, мясо) на сумму 21.917 р. 05 к., обороты кооператива достигли суммы 195.797 р. 17 к., причем была погашена вся задолженность. Чистой прибыли получено 1.944 р. 25 к. Таблица № 6 взята из отчетов кооператива за 1926 г.

Доходы лопарей от оленеводства. Если цифры доходов от пушного и рыболовного промыслов поддаются учету, то доходы от оленеводства без специального исследования выявить весьма трудно, тем более, что статистических данных по всем видам оленеводческого хозяйства не имеется.

О благосостоянии оленеводческих хозяйств обычно судят по количеству оленей на двор. Не имея возможности выразить его для лопарей Летнего Наволока в денежных знаках, приведу данные Мурманского Губстатбюро к началу 1927 года в количествах оленей на двор, как это обычно делается для оценки оленеводческого хозяйства.

Всего оленей в пределах Летнего Наволока, исключая принадлежащих гражданам Кузоменской волости (с. Варзуги и др.), числится 20.996 голов, из них лопарям принадлежит—9.428 гол., ижемцам—7.044 гол., русским—3.217 гол., самоедам—1.307 гол. [1]).

Из общей суммы оленей по лопарской системе выпаса пасется около 7.115 оленей лопарских и около 1.558 русских оленей, принадлежащих жителям Терского берега. Распределение оленей по погостам и среднее количество оленей на хозяйство видно из таблицы № 4.

Если иметь в виду, что стадо в 300 гол. при подлержке охотой уже полностью обеспечивает семью в 5 человек, т. е. одевает, кормит и само увеличивается, то в стремлении к этой норме хозяин вынужден изыскивать себе средства существования в других занятиях. Предыдущая таблица ясно свидетельствует, что лопари далеко еще не достигли уровня, обеспечивающего благосостояние. Для сведения бюджета они вынуждены прибегать к рыболовству, охоте и торосовому промыслу.

Надо заметить, что среди лопарей Летнего Наволока преобладают оленеводы со стадами, не превышающими 300 гол. Для иллюстрации зажиточности лопарей, по признаку количества оленей приведу статистические данные Мурманского Губстатбюро по Иокангскому погосту, где стадовладельцев можно разделить на следующие категории:

Количество хозяйств, владеющих:

менее	. . . . .			50 ол.—	30 хоз.
от	. . . . .	50 до	100 » —	6	»
»	. . . . .	100 »	20 » —	3	»
»	. . . . .	200 »	300 » —	4	»
количество невыясненных хозяйств				—	2 »
			Всего . . .		45 хоз.

Для Лумбовского погоста эти отношения будут понижены, а в Семиострове повышены, так как в первом наиболее крупный оленевод имеет всего около 150 оленей, а во втором около 1.500. Чтобы указать доходы, получаемые лопарями от оленеводства,

---

[1]) По данным Мурманского Окрстатбюро „Внегородское население Мурманского округа по данным приполярной переписи 1926 г.“ (рукопись)

Таблица 7.

Доходы лопарей всего Мурманского округа по данным Мурм. окр. Ст. Бюро.

Число лопарских хозяйств в округе	ОЛЕНЕВОДСТВО					Промысел морского зверя		Промысел охотничий		Разные денежные заработки		Рыболовство		Условный доход на одно хозяйство в среднем
	Число учтенных оленеводческих хозяйств	Всего оленей по губернии	Число хозяйств с учтен. оленевод. продукцией.	У них оленей	Стоимость оленеводческой продукции в рублях	Число хоз. с продукцией	Всего добыто морского зверя на сумму	Число хозяйств с учетом охотничьей продукции	Добыто охотничьей продукции на сумму	Число хозяйств с отхожим заработком	Общая сумма доходов от заработков	Число хоз., занимавшихся рыболовством	Всего добыто рыбы на сумму	
371	349	21.940	258	18.812	47.197	44	7.814	144	16.103	225	60.937	344	80.796	—
Средние величины на одно хозяйство.														
—	—	—	—	—	187 р. 25 к.	—	177 р. 59 к.	—	112 р. 50 к	—	270 р. 83 к.	—	234 р. 87 к.	983 р. 04 к.
					76%								24%	

следовало бы привести сведения о количестве продаваемых оленей, об оленеводческой продукции, поставляемой на внешний и внутренний рынок и употребляемой в свое хозяйство, о стоимости разъездов на оленях на разные промыслы и подсобные заработки и т. п. Поскольку данных этих для района восточной части Кольского полуострова нет, воспользуюсь единственными сведениями В. К. Алымова [1]) «о бюджете тундрового хозяйства» Мурманского округа для 1925—26 г.г. и данными Мурманского Губстатбюро для всей Мурманской губернии для 1926 г.

На основании бюджетных описаний двух лопарских хозяйств, двух ижемских и одного самоедского, при среднем количестве оленей—92 гол., В. К. Алымов приводит данные, которые свидетельствуют, что в начале года олени в оленеводческом хозяйстве со средним капиталом в 3.176,2 р. составляют сумму в 2.044,2 р. или 60,3%. В конце года при капитале в 3.434,9 р.—2.196,4 р. или 63,9%.

Что касается доходов, то в другой таблице той же работы он приводит весьма подробные подразделения статей доходов, на основании которых можно установить, что около 77,1% всех доходов получается, благодаря наличию в хозяйстве оленя.

Сам автор, не учитывая некоторые статьи, говорит: «Как видим, при помощи оленя получаются две трети дохода хозяйства».

Материалы, собранные Губстатбюро позднее, во время полярной переписи по Мурманскому округу, дают основание не только подтвердить наблюдение В. К. Алымова, но подчеркнуть еще большее значение оленеводства в хозяйственном быту лопарей. Согласно приводимой ниже таблице № 7 считаю нужным подчеркнуть, что по крайней мере ¾ доходов лопарей обеспечивается оленем [2]). Считаю возможным это отношение увеличить по тем соображениям, что в сумме 80.796 р., получаемых лопарями, включены доходы от промысла и озерной рыбы, и семги, и морской. В виду того, что озерное рыболовство, как было указано в предыдущих главах, также находится в связи с оленем, — 24% рыболовного дохода, так сказать безоленного, понизятся. На это могут возразить, что разные денежные заработки (сумма 60.937) не всецело обусловлены оленем. Если это и так, то заработки лопарей без оленя настолько незначительны, что вряд-ли можно с ними считаться.

---

[1]) Алымов, В. К. Лопари Кольского п-о. Доклады и сообщения Мурм О-ва Краеведения, в. I. 1927 г., стр. 20—21.

[2]) Таблицами №№ 5, 6 и 7, пользуюсь не в качестве материала для статистико-экономической характеристики хозяйства лопарей, а в виде иллюстрации производительных сил края, роли лопарей в их эксплоатации и влияния их на экономический быт лопарей. Только поэтому, не имея других данных, позволяю себе составить столь отвлеченную таблицу, как № 7 (средние величины на хозяйство).

К сожалению, данных для проверки этого положения в материалах Мурманского Губстат бюро, которыми я располагаю, не имеется.

Если воспользоваться несколько устарелыми данными Р. Якобсона (см. табл. 5, стр. 114), относящимися к нашему району, можно притти к заключению об еще большем значении оленя в хозяйстве лопаря. Так лопари Лумбовского погоста всего получали дохода 1.337 р., из них 1.180 р. являлись доходами от промысла морского и лесного зверя и рыбы в Поное (семга), т. е. 90,7% всех доходов были обеспечены возможностью передвижения на олене или с его помощью. Столь высокий % объясним не столько ориентировочным характером сведений Р. Якобсона, сколько тем, что деятельность лопарей была в большей степени сосредоточена на указанных промыслах, чем теперь. В «вежное время», когда на домашнем олене лопарь буквально всем домом перемещался в районы охоты (главным образом на дикаря) и к местам промысла пресноводных и морских рыб, значение оленя в хозяйственном быту лопаря было абсолютным, не смотря на неразрывную связь оленеводства с рыболовством.

С течением времени в силу уменьшения дикаря и пушнины и изменения внешних экономических отношений края это абсолютное значение оленя также изменилось. Вместо целесообразных в охотничьем быту стад в 25—45 домашних оленей появились стада в 300—500 голов и даже больше, на ряду с этим в иных районах сохранились прежние нормы, вследствие чего возросло значение рыболовства. В связи с упадком появилась новая форма оленеводческого хозяйства в виде стадного оленеводства с минимальным количеством оленей в 300 голов. Личные наблюдения и статистические данные В. К. Алымова [1]) убеждают, что чем крепче оленеводческая часть хозяйства лопаря, тем большее значение приобретает олень. Занятие рыболовством этих хозяйств сводится к минимуму, поскольку рыба дает сбережение оленей, и поскольку лов ее совместим с оленеводством. В среде бедноты до последнего времени рыболовство до известной степени являлось средством к сбережению оленей или покупке новых [2]). Принимая все это во внимание, хотелось бы назвать рыболовство лопарей оленеводческим рыболовством.

---

[1]) Алымов В. К. Доклады и сообщения, вып. II, стр. 45 и 47.

[2]) В последнее время намечается стремление некоторой части бедноты и середняков заняться морским рыбным промыслом. Весьма важно поддержать эту тенденцию оказанием своевременной помощи, снабжая лопарские общества рыболовной снастью, моторными ботами и кредитом. Кое-что в этом отношении делается, однако есть опасения, что и у нас часть лопарей так же обнищает, как о том пишут С. Сергель и И. Росберг относительно зарубежных лопарей.

Каковы же различия в кочевых передвижениях хозяйственных единиц с преобладанием оленеводства или рыболовства?

Казалось бы, что группа оленеводов с преобладанием рыболовных занятий, в силу географических условий, с которыми сопряжено рыболовство, будет по бытовому укладу своему резко отличаться от оленеводов по преимуществу. Различие это есть и сказывается довольно резко. Например, Каменский погост имеет довольно значительные стада оленей, но перемещаться из зимнего к прежнему летнему Каменскому заставляют его не оленеводческие нужды, а рыболовные занятия. Некоторые каменчане (2 обедневших семьи) совмещают оленеводство и рыболовство с разведением картофеля, но садят его в очень малом количестве.

Иокангский погост, отличающийся типичным лопарским оленеводческим укладом быта, с его зимней и летней стоянками, включает в себя значительную группу бедноты, которая помимо морского рыбного лова занимается и озерным, однако кочует и распределение года по сезонам имеет чисто оленеводческое. В данном случае вопрос из области взаимоотношений человека и ландшафта переходит в плоскость общественных отношений между оленеводами [1]). Наконец, богатейший оленеводческий пункт—Семиостровский погост,—где оленю в последнее время уделяется очень много внимания, являет собой пример бытового уклада типичных озерных рыболовов, с их 4 местообитаниями и трудовым распределением года, всецело обусловленным биологическими особенностями промышляемых ими рыб. Н. Харузин, применяя поддерживаемую им классификацию, имел полное право назвать семиостровцев рыболовами. Но они рыболовы, постольку, поскольку являются оленеводами. Интересы оленеводства и интересы рыболовства, в силу гибкости оленного хозяйства, поддающегося увязке с рыболовным укладом быта, создали устойчивую форму бытового уклада семиостровцев, которая характерна не только для них, но и для западных лопарей и, например, для остяков.

Отсюда следует, что брать только занятие кочевой народности в качестве основного критерия ее состояния, как это делает Н. Харузин [1]), нет достаточных оснований, так как нет возможности отщепить одни черты бытового уклада, обусловленные тем или иным занятием, от других.

---

[1]) Подробности см. В. Чарнолускнй „Заметки о пастбе и организации стад у лопарей“. Кольский сборник. Изд. Акад. Наук СССР 1930 г. Материалы К. Э. И. № 23.

[2]) Н. Харузин.—Русские лопари стр. 97, 103.

ГЛАВА X.

Бытовая обстановка передвижений.

Казалось бы, что с тех пор, как лопари перешли от кочевого быта «вежного времени» к тому, в котором живут сейчас, поездки упростились: отпала необходимость перевозить «дом» и все, что связано с этим понятием—семью, хозяйственный инвентарь, запасы продовольствия, постоянное жилище и т. п. На деле же произошло не упрощение, а усложнение бытовых форм—появляется два, четыре и даже шесть домов, как это встречается у некоторых мотовских лопарей, появляется разнообразие видов жилищ, отрыв мужчины от семьи и т. п. Осложнение это сказалось и на передвижениях—виды его дифференцировались, т. е. появились специальные выезды на охоту, на «имание оленей», «на торос» и т. д. Между тем во времена передвижения с вежей все эти виды отдельных выездов, порою очень далеких, были включены в единый круг кочевого передвижения дома.

Если в передвижениях лопарей всем домом (с вежей) лопарь-мужчина находил максимум «комфорта» в семейной обстановке, то с появлением неподвижных жилищ он лишился и того минимума «удобств», которыми обладал в веже. Женщина же, вообще семья, с появлением туп приобрела максимум «комфорта», возможного при современном культурном уровне лопарей.

Постоянные передвижения, которые вызываются данными ландшафта и бытовыми навыками, с течением времени выработали или сохранили те необходимые условия, в которых мыслимо передвижение в полярной стране. Возможность передвижений обеспечивается тем минимумом необходимых в дороге вещей (тем походным состоянием), к которому прибегают лопари, отправляясь в путь.

В зависимости от того, каков характер передвижения и какова его цель, применяется тот или иной тип снаряжения, вследствие чего и бытовая обстановка до известной степени приобретает соответствующий вид.

В пределах Летнего Наволока можно установить четыре типа снаряжения, применяемых смотря по времени года, цели поездки и составу участников ее.

Пешие передвижения. Наиболее примитивен тип снаряжения в пеших передвижениях. Пешком ходят на расстоянии дневного перехода. Тропы от Варзинского погоста на озерные тони семиостровцев, от летнего Иокангского погоста в выселок на Иокангском озере—на Святоносовский и Городецкий маяки, по берегам—на промысел нерпы, от пог. Сосновского на Бабозеро, по борегу от селения в селение—Лумбовка — Иоканга — Савиха, Сосновка—Снежница и т. д.—вот пути, по которым идет пешее движение. Поводами для подобных переходов служит необходимость продать добытую на промысле рыбу, запастись продуктами в лавочке и наконец на праздники в гости и т. п.

Несколько иное значение имели тропы Варзуга—Поной—Иоканга—Гаврилово и далее до Колы; по ним еще до войны шло нищенство, а еще раньше того и русские сказители, о чем помнит 75-летний старик из Лумбовского погоста, который и передавал эту подробность.

Лопари отличные ходоки; они идут мелкими, довольно быстрыми шажками, а некоторые почти в пробежку. Отдыхают редко. Так отличный ходок и знаток своего края, один из семиостровских лопарей, проделывает в день километров 45, не приседая. Быть может хвастая, он уверял, что километров 70—80 может «выстоять», т. е. пройти в день это расстояние и только тогда почувствует настоящую усталость. По его мнению, для отдыха не нужно садиться, а лучше одну-две версты итти медленно. Это правило можно распространить на всех лопарей. О высокой пешеходной выносливости можно судить уже из того факта, что одна лумбовская старушка, которая ежегодно ходит в гости в Иокангу, расстояние в 60 *км* проделывает менее чем в сутки. Если зачесть даже 6 часов отдыха и ночлега, то окажется, что она идет в среднем со скоростью от 3 до 4 *км* в час. Для старого человека—это не мало, особенно если принять во внимание длину перехода и то обстоятельство, что на плечах у нее всегда находятся какие-нибудь вещи.

Снаряжение, в котором лопарь отправляется в путь, несложно: 1. Одежда—обычная, будничная, носимая летом. 2. Мешок (kask puŋ^{k}), продетый через голову на плечи; голова просовывается в особую дырку, для нее прорезанную. 3. Сушник (koškĕ mĭrr) — посох и растопка одновременно. 4. Нож, который имеют при себе мужчины и женщины. 5. Спички заменившие огниво (tołł k$_{c}$adta). 6. Тобурки—непромокаемая обувь из просмоленой кожи нерпы. 7. Компас—не всегда, т. к. ходят по хорошо известным тропам.

При пеших переходах лопари избегают ночевок в тундре, если же случается заночевать, то располагаются на сухом ягеле, среди камней или с подветренной стороны большого камня. Ночуют всегда с костром. Настрогав от сушника стружек, складывают их плотной грудкой и зажигают снизу, сверху придерживая рукой. Когда лучинки разгорятся, накладывают поверх ерника. Если вблизи найдется пень или сухой обрубок дерева, разводят огонь под ним, у корня. Покидая место ночлега, летом очень старательно гасят даже угли.

Видимо, лопарь, хорошо знающий тропу, мало уделяет внимания тому, правильно ли он идет. Общее направление для него достаточно, и по дорогам, которые описаны выше, идет он с легкостью, с какою мы ходим по нашим проселкам. Все его мысли заняты не столько распознаванием пути, сколько наблюдениями над тундрой. Его интересует: где сейчас олени, где свалился камень с taββё и т. п. В разговорах соблюдают осторожность, дабы не сказать или не сделать чего-нибудь такого, что может повредить в пути.

Я наблюдал, как проводник мой, заметив вдали стадо, с радостью подозвал его особым зовом, похожим на крик самца осенью. Олени приблизились и остановились невдалеке от нас. Лопарь торжествующе посмотрел на меня, как бы подчеркивая то дружелюбие, с которым олени отозвались на его крик. Подойдя ближе к оленям, он ознакомился с «лоскутом», хозяйственно заметил, чьи тут олени и сколько среди них важенок с телятами и без телят, и чьи именно эти важенки, и в каком направлении эта часть стада движется. Все это, придя домой, он поведает «народу».

О знании и обостренной наблюдательности лопарей можно судить по случаю, рассказанному мне человеком, хорошо знающим лопарей. Человек этот шел с одним из них на озерные тони. Лопарь не видел своего брата уже несколько дней и вдруг заявил своему спутнику, что брат два дня назад пошел к ижемцу в чум. Он заключил это по обломку спичечной коробки, валявшейся на дороге. Почему? Оказывается, розовая коробочка была только у брата. Спички были не русские, он купил их у норвежца. Прошел он два дня назад до дождя. Это было ясно потому, что коробку забрызгало дождем и вдавило в мох. Так как в дальнейшем пути никаких следов на дороге он не заметил, то и решил, что брат пошел именно в чум, куда он давно уже собирался сходить за шкурой издохшего оленя. В конце пути лопарь неожиданно заявил, что брат его уже дома. Оказывается, он заметил, что собака с особой внимательностью обнюхивала какую-то кочку. Осмотрев, лопарь нашел ее примятой, а во мху несколько шерстинок оленьей шкуры; значит, брат тут курил. Когда пришли они в вежу, брат действительно был дома.

Передвижение и снаряжение с вьючным оленем. Если на короткие дневные переходы лопари не берут с собой почти никаких вещей, кроме того, что нужно перенести, и краюхи хлеба, «рыбника» (пирог с рыбой) или нескольких кусков сахара для подкрепления сил в дороге, то длительные пешие переходы, каковы переходы за чопорками, на Акеманай из Иоканги, у семиостровцев—осенний переход на озерные тони, у каменчан, лумбовцев и

Фиг. 23. Олень под ташкой.

отчасти иоканчан—к Поною на семгу, представляют уже значительную сложность. Дальние переходы сопряжены с переносом вещей, продовольствия, имущества и даже грудных детей, как это имеет место у семиостровцев и до войны было у каменчан, когда они всем составом семьи приходили в Поной. Ясно, что даже силами всей семьи подобные переходы были бы невозможны, если бы лопарь не привлек себе на помощь оленя и не воспользовался им, как вьючным животным. Уже самое участие оленя в походах усложняет и увеличивает количество предметов, входящих в снаряжение. Несмотря на это, оно отличается крайней портативностью и доставляет путнику минимум комфорта, необходимого в пути.

Вот типовой список снаряжения, в котором отправляется лопарь с вьючным оленем. Он может пополняться и оленями, и вещами в зависимости от того, идет лопарь с семьей или на охоту

за чопорками, или с какой нибудь иной целью. Изменения будут происходить в количественном отношении, но не в видовом.

1. Олень ручной или островной. 2. Salvas—парусиновое, брезентовое или мешочное полотнище в сложенном виде, накладываемое на спину оленя в качестве потника. 3. t̊il'l'a—«постеля», оленья шкура, покрывающая потник. 4. rowwa—рова—спальный мешок; в поход для легкости берут старую с вытертой шерстью. 5. «ташка» — оленье вьючное седло. 6. W̊iss или lafk — кисы или мешки для перевозки вещей и груза, от количества которого и зависит число кис и мешков. Само собой разумеется—чем больше людей, участвующих в походе, тем больше груза, тем больше оленей. 8. Котелок или миска для пищи. 9. Деревянная чашка—она же ложка и кружка для чая. 10. l'aškam n̊irr'ă—имальница для лова оленей. 11. lamč—хигны, веревки для привязывания оленей, по одной на оленя. 12. Koškĕ m̊irr—сушник 13. nijpa—нож. 14. akš—топор. 15. Запасные чулки. 16. Игла и нитки. 17. Компас.

Продукты, считая на 10 дней: штук 25 ризок (лопарский хлеб), чаю $^1/_8$, сахара 1 ф., махорки — осьмушек 5—6, спички, и в качестве угощения от жены кладут 1 — 2 рыбника k̊ill'erh'k'e. Запас продовольствия всегда берут с излишком.

Груз, налагаемый на оленя, не должен превышать полутора пудов. Только на короткие расстояния вьючат до 4 пудов, однако рискуют потерять оленя, как рабочую силу.

Путник обут в тобурки и одет в обычный домашний костюм, через левое плечо петлей перекинута хигна, завязанная позади узлом. Олень идет сзади, привязанный за шею. Идет он довольно медленно, и потому лопарь, сильно склоняясь вперед, как бы тащит его.

На ночлеге, место для которого избирается у высокого камня с вертикальной или вогнутой стороной (об этих камнях упоминалось выше на стр. 51), лопарь снимает с оленя все походное имущество. Животное ставит в стороне к камню, подобно тому, как привязывают важенок, а затем приступает к сооружению стана. У камня на подостланную ѐру или ягель кладется мехом вверх шкура, а поверх нее рова. Нарезают стружек от сушника и складывают на месте очага. После этого сушник утверждают в землю одним концом, а другим упирают в вершину камня. Все это покрывают салвасом, края которого на земле и на камне закрепляются наложением осколков камней. Киса служит в качестве подушки. В зависимости от погоды огонь раскладывают либо снаружи стана, либо внутри его, у камня.

Если лопарь опасается волков или вообще так или иначе боится потерять оленя, он привязывает его к ноге и таким образом караулит свое добро даже во сне.

Несмотря на медлительность оленьего шага, вследствие чего приходится тащить оленя за собой, итти без груза самому все-таки легче и скорее; кроме того, и самочувствие путника лучше, «веселее идешь, быдто вдвоем»—потому-то лопари особенно любят ходить с оленем под ташкой.

Ночью и в сумерки переходы несколько опасны. Олень пуглив, малейший шум—взлет птицы или какой-нибудь неожиданный звук могут испугать его так, что, метнувшись в сторону, он зашибет хозяина и растеряет вещи. Во избежание подобных случаев лопари, идя рядом, поют песни или посвистывают.

С оленем под ташкой лопари ходят за чопорками, за быками перед иманием оленей, на охоту за нерпой или осенью на охоту за дикарем или за продуктами в ближайшие становища, где есть лавочка; так каменчане ходят в Варзугу, семиостровцы в Летнюю Иокангу или в Восточную Лицу, если погода не позволяет ехать морем.

Только личный опыт в путешествии с вьючным оленем по болотам, тундрам и лесам Лапландии может дать представление о том облегчении пути, которое приносит домашний олень. Описание всей тягости жизни в борьбе с «трудной землей» требует руки художника. Только в дороге, в непосредственном общении с оленем, когда не только он тебе, но и ты ему помогаешь преодолеть снега, трясины и двенадцатимильные болота, начинаешь органически ощущать что олень для лопаря не только средство передвижения, но гораздо большее,—средство к жизни. Становится понятным, почему лопари именно с вьючным оленем связывают свою судьбу «по гроб живота» и говорят о нем, как о близком им человеке. Только этим оленям они доверяют переноску детей в люльке, подвешенной на ташке.

На ташках же совершается у семиостровцев переход из летнего погоста на осенние места. В летнем месте оставляется все имущество и главные запасы продовольствия, а на озерные тони переходят налегке. Берут только самое необходимое для жизни в веже. Все это вьючат на нескольких ручных быков. Грудные дети в люльках тоже перевозятся на олене. Так как сразу весь инвентарь вежного обихода не удается взять с собой, то позднее мужчины ходят один или два раза обратно с целью пополнить продукты или захватить недостающие вещи. Походы эти семиостровцы совмещают с охотой на чопорок.

Несмотря на то, что лопари пользуются оленями, как вьючными животными, и грузят на них до 4 пудов, что превышает средний вес лопаря, мне ни разу не удалось ни видеть, ни слы-

шать об олене, как о верховом животном. Лопари не отрицают возможности ездить на нем верхом, но считают этот способ езды вредным для животного так же, как и пользование летом запряжкой в сани. Лопарский олень отличается горячностью и порывистостью и, будучи летом впряжен в сани, он или надрывается или изнашивает себя так, что не в силах накопить достаточное количество «осеннего жира». Но на оленях ижемской породы, которыми лопари уже обзавелись, семиостровцы, например, начали ездить. Одна-две семьи переезжают на тони именно этим способом.

Передвижение на санях. Тип снаряжения. По составу дорожного снаряжения поездки на санях, которые терские лопари совершают только в снежное время, приближаются к снаряжению предыдущего типа, но все же несколько отличаются; а именно: 1. Постель. 2. Салвас—1 большой или 2 малых. 3. Цангов[1]) 5 и более, до 10. 4. Рова старая. 5. Топор. 6. Сушники. 7. Веревка упаковочная. 8. Винтовка. 9. Киса с продовольствием и принадлежности для охоты. 10. гвоздь» (для чего он берется не совсем понятно, т. к. имеется шило; быть может из религиозных побуждений?). 10. Капканы. 11. Компас. Снаряжение оленя: 1. Оленей три или четыре. 2. Упряжь для них. 3. Сани. 4. Имальница. 5. Хигны. 6. Хорей. Всего 17 предметов. Этот тип снаряжения применяется при зимних поездках на охоту, длящихся несколько недель, на дальние поездки за дровами, при отправке оленей в Варзугу.

На однодневные и вообще близкие поездки за дровами, по «привадам» (т. е. по капканам), в качестве ямщика, в стадо по каким-нибудь делам, но не на караул стад и, наконец, во время деловых поездок в соседние селения применяется упрощенное снаряжение по следующему образцу: 1. «Постеля»,—на санях, шерстью вниз. 2. Киса с продуктами и принадлежностями. 3. Винтовка. 4. Топор. 5. Запряжка оленей: Сани грузовые или стадные. 6. Хигны не всегда.

Упомянутый выше инвентарь укладывается и упаковывается так, что сани, опрокинувшись, не потребуют переупаковки, а такие предметы, как топор и винтовку, в случае надобности всегда можно скоро и без труда достать.

В виду того, что во время ночлега огонь разводится внутри куоксы, место выбирают станное, так как костер на готовом алаше (очаге) меньше дымит. Перед тем как установить стан, вокруг очага до самой почвы, до мохового покрова, расчищают снег; на мох настилают хворост, а поверх кладут уже постель, рову, кису

---

[1]) Цанги или стойки—жердочки, которые служат остовом стана. Цанги покрываются несколькими салвасами.

под голову, винтовку и остальные вещи. Над всем этим укрепляются цанги, покрываемые затем салвасами. Оленей либо оставляют в упряжи, либо ставят на хигны. В таких условиях лопарь находит себе вполне достаточный отдых.

Однако в пургу, когда свирепствующий ветер не только не позволяет развести огонь, но и поставить стан, лопарю приходится искать убежища в естественных условиях. В таких случаях, захватив с собой продукты, забиваются между высоким камнем и сугро-

Фиг. 24. Домик на санях par'x't-san'.

бом, окапываются кругом снегом, а с подветренной стороны поддерживают от заноса отверстие для воздуха и наблюдений за погодой.

В снаряжении подобного типа совершаются поездки за дровами главным образом на охоту, по направлениям, не имеющим не только дорог, но и никаких признаков их. Маршруты этих поездок очень неопределенны, т. ч. указать можно только районы. Так за песцами лопари всех погостов и зимних мест ездят главным образом на Кейву, в лесотундровую полосу — за лисой и росомахой, в леса за Поной — за куницей и белкой.

Передвижения и тип снаряжения при групповых поездках. Подобный же тип снаряжения лежит в основе поездок на караул стад, на имание оленей и на торосовый про-

мысел. В Семиострове и в Пулозере для караула стада употребляют раг'xtsan'n' (см. фиг. 24). Особенностью этих выездов является их общественный характер. Так — составные части стана везут члены группы, называемой «командой» и возглавляемой одним из богатых оленеводов села, который иногда в составе команды имеет работников. Подобная структура выезда накладывает свой отпечаток на снаряжение и на общую обстановку путешествия (см. табл. 8).

Таблица 8.

Тип снаряжения при общественных и групповых выездах.

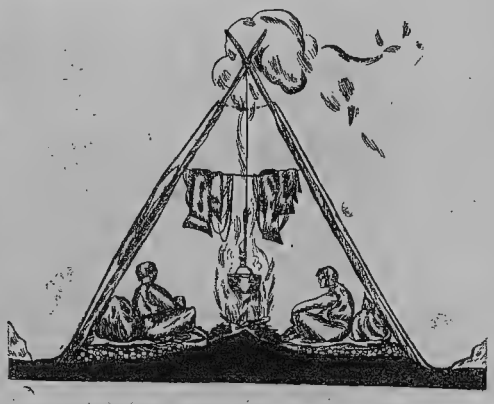
Предметы индивидуального снаряжения.	Предметы общего пользования.	Предметы, которыми хозяин снабжает работника.
Салвас	Цанги по 3—4 на чел.	Салвас (общий, или обязательн., хозяин снабж. работника).
„Постеля“	Чайник.	
Киса	Котелок.	
Мешок для продуктов		
Топор	Топор.	
Нож		
Кружка		
Ровы		Рова (общая или отдельно у каждого своя).
Компас		
Имальница		
Собака		Собака (обязательно хозяйская).
Олени		Олени (хозяйские).
Упряжь		Упряжь (хозяйская).
Сани		Сани (по уговору).
Запас сухих дров	Запас сухих дров.	
Продукты		Продукты (обычно хозяйские (по уговору).
Одежда зимняя		
1 смена белья		
На торос, кроме того, берут: 2 пары яров (меховая обувь), запасную теплую одежду		

Список предметов, помещенных в первой графе, вмещает вещи личного обихода, на них простирается право личной собственности. Каждый из членов команды в интересах общего удобства обязан иметь с собой все перечисленные предметы. Пользование ими другим лицом требует разрешения или вызывается крайней необходимостью. Если же и случится, что кто-либо не имеет их, то подобное отклонение от нормы служит признаком нищенского состояния, или это будет гость, случайный человек.

В средней графе помещены вещи, которые берет только часть участников, о чем уславливаются во время упаковки саней.

И, наконец, в последней графе помещены предметы, которыми хозяин, нанявший работника, снабжает его обязательно или в зависимости от уговора.

Запас сухих дров и топор необходимо иметь каждому. Пользуются ими все, как общественным достоянием.



Фиг. 25. Внутренность стана.— Рис. В. Корнилова.

На шесть человек команды берется два чайника, два котла и от 18 до 24 цанг (вместо 60), которые везут не только владельцы их, но и остальные члены команды. Ровы берутся на двух товарищей одна.

Запас продуктов каждый человек из членов артели берет только для себя, исключая хозяина.

На месяц берут следующее количество продуктов: хлеба свежего, сухарей и ризок 1 — 1 1/2 п. или 1 мешок, сахару колот. 2 ф. и больше, чаю 1/4—1/2 ф., махорки 1 1/2—2 ф., спичек 2 пачки, печенье разное, приготовленное из муки, соли 2 ф., мясом запасаются только при походах на торосовый промысел; в этом случае каждый берет по 1/2 туши взрослого оленя или одного живого на двух, богатые лопари до войны запасались значительным количеством водки (1/2—1 ведра).

Хлеб перевозится в простых мешках, мясо привязывается снаружи, ничем не прикрываемое, остальные предметы хранятся в кисе.

При групповых выездах стан по своим размерам уже настолько устойчив, что является надежным убежищем от ветра. Быть может поэтому о случаях заноса или гибели групп лопарей в тундре

под снегом не может быть и речи. Впрочем в качестве курьеза мне рассказывали случай, когда стан сорвало ветром, а путников и вещи моментально занесло снегом. Однако, жилище было восстановлено. Эта безопасность кочеваний обеспечивается не столько совершенством стана, как походного жилища, сколько путевыми навыками лопарей, внутренней их организацией и уменьем по приметам предугадывать погоду и во-время принимать соответствующие меры, т. е. возвращаться в погост или разбивать стан.

В установке стана, в снабжении водой и ровами обязаны принимать участие все на равных началах. Забавно было видеть, как мой хозяин шопотом учил меня правилам общежития в стане. Каждый вносит свою долю труда по своему внутреннему побуждению. Кто за что взялся — доводит до конца. Каждый ведет счет своему участию в общем труде, дабы, воспользовавшись удобным случаем, в разговоре подчеркнуть, точнее, проверить или подсчитать свои заслуги перед товарищами, как бы предоставить себя на суд общественного мнения.

Избрав место для стоянки и очистив его от снега обязательно общими силами, принимаются за установку стана, в которой принимают участие не все, а только половина путников. Другая половина уезжает или уходит за водой, за дровами, колет их и т. д. Кто нибудь один из совместо спящих в рове приносит ее и постилает для себя и товарища хворосту, расстилает постель, складывает на нее вещи и рову. Затем втроем расставляют стан, покрывая его салвасами так, чтобы собственник каждого полотнища сидел именно под своим куском. Покончив со станом, отправляются к оленям и, только приведя их в порядок, собираются «домой», в свою «оадашку» (стан).

Общее расположение людей и их вещей внутри стана таково, что свободного места почти не остается. В центре находится алаш (tolzijĕ), по сторонам—спальные места ($l_{\circ}$ajta). При составе команды в 6 человек, по двое располагаются справа и слева от входа и двое у стены, противоположной входу ($p_{\circ}$ašš st'en'n'a), при чем место это считается почетным. Здесь помещается глава команды и сюда же приглашаются гости. Между почетным местом и алашем находится чистое место (lpi̊s или l̥̊ŏps), связанное с почитанием оленя. Тут ставится посуда, на щепочках кладут хлеб и мясо, ножи и чашки. У двери, за очагом, место не чистое, предназначенное для мытья посуды, умывания рук и т. п.; тут же вправо от двери хранятся дрова.

Закончив работы по уборке оленей, все торопятся к огню— испить чаю и отдохнуть. Еще мокрые от пота, стаскивают с себя на улице печок или малицу, впихивают ее внутрь стана и за нею уже лезут сами. Аккуратно, никого не толкнув, усаживаются на свое место, поджимают под себя ноги, сложенные крест-на-крест.

Занимать чужое место, хотя бы временно, по меньшей мере невежливо и прежде всего неудобно, так как каждое лишнее передвижение внутри «станушки» доставляет соседям большое беспокойство. Забравшись внутрь, сейчас же принимаются снимать с себя мокрую обувь, а зачастую и одежду. Все это развешивается над

Фиг. 26. В гостях.

головой на участке своего салваса, при чем малицу просовывают между полотном и цапгами. На веревках, протянутых над огнем, развешивается мокрая или замерзшая сбруя, хигны, веревки и т. п. вещи. Свободного воздушного пространства почти не остается; все занято хомутами, лямками, ярами, малицами, носками и т. д. Дым опускается низко, дышать становится трудно. Надо припасть к земле, чтобы подышать чистым воздухом.

Но такая обстановка не повседневна. В сухие, морозные дни чистый нагретый огнем воздух держит дым на сравнительно большой высоте.

Все сидят вокруг огня, устремив на него глаза. Вскоре становится так жарко, что пот начинает струиться с лица, рук и груди, а по спине бегают морозные мурашки. Ледяным объятием охватывает каждое дуновение ветра. Из соседнего стана приходят гости, и, просунув голову и туловище до живота внутрь «стана», лежа, жарятся на огне, тогда как остальная часть тела подвергается 20—25° морозу. Лежат так часами, беспрерывно и оживленно болтая. Все мельчайшие впечатления дня, деловые соображения детальнейшим образом обсуждаются по несколько раз на разные лады. Сказки, рассказы, воспоминания, игра в карты в дни нетяжелой работы и близкий приветливый огонь делают обстановку в стану уютной. С нею очень скоро сживаешься. Недаром лопари с большой любовью отзываются о своей «*оадашке*» и с неприязнью говорят о чуме, как о холодном и неприветливом доме.

Однако, жизнь в «станушке» не легка; в своем роде это тяжелый труд, испытание, которое современные лопари ощущают, как непомерную тягость. Это ощущение их станет еще понятнее, если ознакомиться с дневным укладом жизни в стану, с питанием и гигиеническими условиями существования в нем.

Кто-нибудь, обычно одно и то же лицо, ранее всех пробуждающееся, разводит утром огонь и затем будит спящих. Валяться не разрешается даже больным. Большинство, освежившись на улице после сна, моются разогретой водой или снегом (очень любят мыться мылом). Молодежь тщательно вымывается перед посещением ижемского чума, где есть девицы, или русских в Поное. Некоторые лопари не моются совсем, так что под конец путешествия копоть от дыма и пот, смешиваясь, наслаиваются черным, густым налетом грязи.

Пока греется чайник, приводят в порядок сбрую, разминают или зашивают высохшую одежду, а затем приступают к чаепитию, длительному и обильному. Иные выпивают по 12 и более «пекарак» (pekkarak), нормой же считается 8 или 9. Пекарак — маленькая деревянная чашечка, употребляемая только в стану, вмещает она немного более $^3/_4$ стакана. Теперь предпочитают эмалированные кружки. Чай пьют в прикуску с сахаром и заедают сухарями. Как только сварится мясо, сразу же после чаю приступают к обеду. Его меню не сложно и состоит из вареного мяса и навара (lim). Слой жира, плавающий поверх бульона, собирают в мисочку, солят и макают в него куски мяса, которое прихлебывают супом и закусывают ризкой или сухарем. Окончив обед, без промедления приступают к чаю и пьют его не меньше, чем до обеда. Покончив с пищей, принимаются за очистку саней от намерзшего льда, запря-

гают оленей и снаряжаются в поход или на работу. По времени это совпадает с появлением солнца на горизонте или ранее того.

И лов во время имания оленей, и бой морского зверя, и самая езда по тундре сопряжены с крайним утомлением и риском. Работа на «торосовом» (тюленьем) промысле проходит в напряженной обстановке охоты на зверя, в очень опасных условиях беспрестанно движущегося льда — это требует знания, опыта, боль-

Фиг. 27. Кочевка.

шой сноровки и крайнего напряжения нервов. Нужны острая наблюдательность и неослабное внимание к малейшим движениям льда, изменениям морского течения и ветров, чтобы не быть унесенным льдиной или не провалиться в воду.

Ловля же оленей сопряжена с неустанной беготней и борьбой с ними. Надо отдать справедливость лопарям: никакой лености, проволочки или излишней медлительности во время имания оленей я не заметил — работали с неожиданной для меня быстротой, упорством и расчетом времени.

Между тем в погосте, в месте оседлой жизни, юркие и старательные в тундре лопари вновь обращались в медлительных и беспечных людей, какими их знают русские соседи и посторонние наблюдатели. Можно подумать, что олень и морской зверь заражают их каким-то микробом кипучей деятельности. Хочется думать,

что пресловутая леность лопарей аналогична нашей русской черте — в короткий срок дать высокое напряжение сил, а затем понизить тонус почти до бездействия.

Поздно вечером, когда солнце сядет, и работать уже невозможно, возвращаются «домой». Если непогода или метель настолько сильны, что стан теряется во мгле, приехавший первым спешит развести огонь и выставляет в дымовое отверстие (réhpnas) горящую головешку. Отставшие по свету находят правильный путь. Голодные, холодные и мокрые вваливаются в жилье и, раздевшись, в ожидании ужина поджаривают у костра сырое мясо. Едят его красным, только слегка потемневшим, нарезая тонкими ломтиками, не соля, и без хлеба. Сладковатое и мягкое, оно вкусно и очень сытно. Глотают не с жадностью, а с каким-то деловитым спокойствием. Случается, что ужин ограничивается чаем, поджаренным мясом и вновь чаем, а бывает и так, что обходятся вовсе без мяса и ложатся спать, туго налив желудок чаем с сухарями. Во время моей поездки на иманье оленей, длившейся около месяца, один из членов команды дважды пропустил свою очередь и не дал причитавшегося с него мяса. То-ли благодаря моему присутствию, то ли команда была дружная, но никаких ссор, даже разговоров не возникло, и дело кончилось, «чикумбакушками», т. е. остались голодными. Дело в том, что мясо и чай на всю команду готовятся в одном котле и чайнике. По очереди каждый колет оленя или дает мясо на дневное пропитание группы; та же очередь существует с заварками чаю, но случается, что иной член команды либо не имеет, либо скупится заколоть оленя в свой черед. Так как общая масса лопарей не богата, а скупость вообще им свойственна, то команда, не желая кормить за свой счет неисправного товарища, исключает его из своего состава.

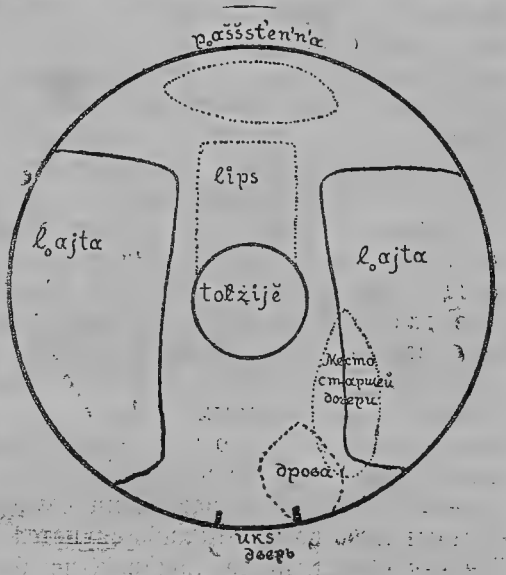
Спят подвое в одной рове; вместо подушек под головы кладут кисы. На ночь молодое поколение разувается и снимает одежду вплоть до жилета. Некоторые старики раздеваются догола, иные же остаются и в жилете и в каньгах. Не взирая ни на какой мороз, голову оставляют обнаженной даже ночью, когда температура в станушке вряд ли чем отличается от наружной. Осень 1927 г. отличалась крепкими морозами в 20 — 25°, и всетаки я видел, что все, кроме одного больного, спали с открытой головой.

Неудивительно, что в конце поездки девять спутников из двух станов имели следующий вид: глаза у всех были воспалены, веки и мешки под глазами опухли, все лица слегка оплыли, а у одного как бы налились водой; он почти не мог смотреть. Все жаловались на притупление зрения. На себе я это заметил особенно резко. Трое кашляли. Один возвратился с дороги больным, один еще в самом начале пути упал и сломал себе ребро, другой зашиб грудь и ногу, так что хромал всю дорогу.

Возвратились в погост усталыми в нервном, раздражительном состоянии; все без исключения сильно похудели и побледнели, не взирая на то, что кожа казалась слегка загоревшей.

Точно в таком же состоянии возвращаются лопари и с торосового промысла, но с той разницей, что ежегодно кто-нибудь из промышленников-звероловов погибает во льдах или в море [1]).

Такова приблизительно обстановка, в которой мужское население Иокангского и Лумбовского погостов проводит весь период «имания» и торосового промысла, которые в общей сложности длятся около 3 месяцев.



Фиг. 28. План стана.

Переезды сельским обществом. Весною, возвратясь с тюленьего промысла, а осенью дней через пять после прибытия мужчин с «имания» лопари окончательно распределяют оленей по стадам своих «хозяев» [2]) и затем, стадо за стадом, в течение двух—трех дней покидают летние или зимние места.

Таким образом переезжают не всем составом селения одновременно, но по обществам, группирующимся вокруг стад «оленьщиков». Маршруты движения стад и райд (rajδa, т. е. несколько запряжек, связанных вместе), нераздельны. Вольно идущие олени, сани с грузом и хозяевами часто смешиваются на одном пути. Поезд в дороге растягивается иногда на несколько верст: впереди едет «опас» (i̯ŏpaś), мужчина зрелых лет, хорошо знающий тундру. За ним движется стадо, гонимое мужской молодежью. За стадом идут райды, в начале каждой из них мужчина, глава дома, едет на санях, нагруженных станом. За ним следует жена, дочери и прочие члены семьи. Ко всем женским саням привязаны сзади сани

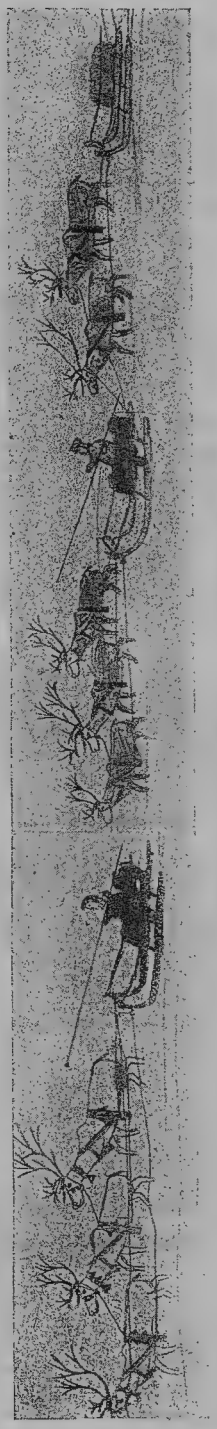
[1]) Заслуживает удивления, почему промышленники на зверобойных судах страхуются, а промышленники береговые, работающие в неимоверно более опасных и тягостных условиях, оставляются на произвол судьбы. Трудно себе представить, чтобы мурманская общественность не знала о гибели зверобоев на торосах. Статистика ежегодно регистрирует смертные случаи, а продукция промысла поступает в одно и то же учреждение.

[2]) Окончательное разбивание стад между владельцами погоста происходит на местах, обозначенных на карте лин. 6.

с домашним скарбом и хозяйственным имуществом, которое, по замечанию И. Тури, упаковано в особом порядке. Инвентарь из зимних, осенних и летних становищ забирается не весь, о чем уже упоминалось выше.

Переход совершается в зависимости от состояния погоды: в Лумбовке в 2-3 дня, в Иоканге — 3-4, в Семиостровске в 12 дней. Весною семиостровцы идут от весенних мест около месяца вплоть до начала отела и только после окончания его переезжают в летнее место. Среднюю скорость передвижения погостов можно считать равной 4 — 5 *км.* в час. Мало-оленные лопари вынуждены запрягать тельных важенок в сани с грузом, они отстают от своих стад и, чтобы не утомлять маток, делают частые дневки и вообще идут медленнее, чем остальные сограждане. Вследствие этого переезд погоста растягивается на одну — две недели. Иные бедняки выезжают из погоста раньше срока, дабы присоединиться к погосту в пути. Потерю времени в этих переездах лопари возмещают охотой на куропаток и пушнину (осенью).

Для ночевок останавливаются на постоянных, т. н. ночлежных местах, разбивают стан и располагаются, как было описано выше, с той лишь разницей, что недавно еще соблюдался обычай разведения огня старшим мужчиной в семье (а если женщина nojta или nïõjta, то могла и она); размещаются в несколько ином порядке, а именно: хозяин с хозяйкой ложатся на правую сторону, взрослые сыновья на левой стороне, дочери налево у двери, «поближе к дровам» (фиг. 28). Кроме того, есть еще одно отличие: тогда как осенью погост переезжает днем, весною — едут ночью. Объясняется это тем, что в марте — апреле солнце греет уже настолько, что снег размягчается — оленям трудно итти, а яркий свет и блеск снега вызывает болезнь глаз (повидимому, конъюнктивит) — большинство мужчин заболевает так



Фиг. 29. Райда. Детский рисунок.

называемым «подбоем». Во избежание этого передвигаются ночью, по насту, днем же отдыхают. Расставляют стан только на половину. Открытая его сторона обращена к солнцу.

«Досельные» иокангские и лумбовские старухи с иронией отзываются о женском участии в походе. Они говорят, да и сами мужчины посмеиваются, что лопские бабы «вовсе обрусели и дела своего не справляют [1]): всё мужчины делают, а те только спят, на солнце греются да песни поют». Если эти насмешки сильно преуменьшают роль женщины в походе, то все же можно не сомневаться, что лопарские женщины упомянутых погостов уже отвыкают от вежного или станного житья.

В заключение приведу краткие сведения о количестве времени, которое лопари мужчины и женщины проводят в условиях походного состояния (см. табл. 9). Выше уже было обращено внимание, что лопарский год имеет несколько промысловых сезонов, которые характеризуются различной степенью подвижности. Так летом наблюдается

Таблица 9.

	Семиостровский погост.		Иокангский и Лумбовский погост.		Каменский погост.	
	Мужч.	Семья.	Мужч.	Семья.	Мужч.	Семья.
Охота до рождественских праздников	33	—	45	—	50	—
„ после крещения до отъезда на „торос“	17	—	17	—	—	—
Дровозаготовки на М. ж. д.	22	— ?	—	—	—	—
Охота на чопорок	20	—	21	—	— ?	—
Имание быков	—	—	14	—	—	—
„ оленей	15—20	—	25	—	21	—
Отел	35	35	30	—	— ?	—
Переезды погостом	12	12	3—6	3—6	17	17
Рыбные промыслы	—	—	— ?	—	163	163
„Торосовый“ промысел	—	—	25	—	—	—
Всего	159	47	183	6	251	180

[1]) Перед этими словами употребляется выражение, с точки зрения лопарей очень меткое, но не цензурное.

почти полный покой, но уже с августа начинаются передвижения. В настоящей главе были выделены типы снаряжений, применяемых в этих передвижениях, теперь приведу общую сводку о количестве дней, которые лопари Летнего наволока проводят в условиях, приближающихся к первобытному времяпровождению, т. е. жизни в веже. Сведения эти даются по материалам к календарю терских лопарей; они еще недостаточно полны и точны, но общее представление дают все же верное.

Для семиостровцев не включено здесь время, которое проводят они на рыболовных тонях в вежах. Жизнь в неподвижной веже неизмеримо здоровее, нежели в стану. Из таблицы довольно ясно видно, как много времени проводит лопарь мужчина в отрыве от семьи, дома и гигиенических условий, отсутствие которых несомненно сказывается на их здоровье. Врачем Лопарской экспедиции Ф. Г. Ивановым-Дятловым было обращено внимание на сравнительно слабое здоровье мужчин по сравнению с женщинами; думается, что одну из причин этой разницы можно искать именно в условиях жизни в тупе, в веже и в стану.

Несмотря на ежегодно совершаемые двукратные переезды, в условиях тяжелой жизни в стану, лопари и лопарки, главным образом молодые, с любовью вспоминают те немногие дни, когда они живут в тундре всей семьей. Особую радость дает солнце, обогревающее открытую половину стана. Для пожилых женщин среднего и зажиточного состояния, которым приходится много перевозить имущества,—кочевки уже в тягость, и готовятся они к ним с неприязнью. О переездах из погоста в погост сложено несколько песен; мною записана только одна.

ГЛАВА XI.

Определение кочевого состояния лопарей.

Сравнение признаков кочевого быта лопарей с общей схемой номадизма и его признаков. Обитание лопарей в естественных условиях полярного ландшафта, постоянное соприкосновение с полярными животными, необходимость в силу географической среды совершать постоянные и дальние передвижения выработали и в физическом и в психическом облике его качества, свойственные кочевнику—особое знание жизни тундры, быта полярных животных, умелую и точную приспособляемость к внешним условиям и умелое и бережное использование до предела всякого скудного знака, который ему предоставляет природа в его борьбе за жизнь.

Анализ влияния ландшафта на быт лопаря вскрывает, что не все элементы его имеют равное значение, и тогда как влияние одних из них влечет к оседанию лопарей, другие сохраняют тенденцию к подвижности их в пределах своей территории. Перемещения совершаются по сезонам, обусловленным теми или иными явлениями в жизни полярных животных и ихтиофауны. Таким образом космические явления и климат непосредственного воздействия на быт лопаря не оказывают. Воздействие это проявляется косвенно так же, как лишь косвенно влияет травянистый и мховый растительный покров обитаемой лопарями страны на их быт. Только древесная растительность, служа топливным фондом, является одной из главнейших и прямых причин, вынуждающих лопарей к перемещению их зимних обиталищ.

Орудия охоты на животных, будучи расставляемы на определенных местах, повели к выявлению границ охотничьих угодий и таким образом к ограничению кочевых территорий. Однако, положение это для лопарей Летнего Наволока находится в зависимости от расположения рыболовных угодий и условий добычи рыбы.

Из явлений ландшафта, наиболее влекущих лопарей к оседанию, на первом месте следует поставить ихтиофауну. Самое расположение озер и рек заставляет прикрепляться к ним на время добывания рыбы. Вследствие разных сроков хода рыбы и разновременного скопления ее в наибольшем количестве определились постоянные обитания, на которые распространилось чувство родовой собственности.

Влиянию сига и семги в оседании лопарей следует приписать особое значение. Семга, в качестве платежного средства, наряду с пушниной, впервые привела лопарей в соприкосновение с иноземцами и создала товарные и денежные с ними отношения, что имело своим последствием привязанность лопарей к летним местам обитания.

Сиг отличается наиболее длительным периодом хода и нереста и составляет главную рыбную пищу лопарей. Длительному лову его следует приписать то, что лопари семиостровские начали ранее осаживаться, нежели терские,—так сказать семужники.

Таково же влияние и гренландского тюленя, промысел которого развился после XVI в., главным образом в XIX в. Влияние его сказалось преимущественно на лопарях Сосновского и Лумбовского погостов.

В области оленеводства также есть явления, играющие роль факторов, способствуюших прикреплению лопарей к определенным пунктам, а именно период группировки оленей в стада перед перевалом кейвы. Собирание оленей для пастьбы как раз в этот период задерживало и лопарей, вследствие чего было время, когда в местах «имания» оленей стояли неподвижные вежи.

«Оленьи острова» — где лопари в «комарное время» держат ручных оленей, также имеют косвенное значение в прикреплении лопарей к летним местам.

Наконец, в самых кочевых передвижениях кроются причины, определяющие постоянство и определенность кочевых трактов, а также привязанность их к некоторым пунктам. Это необходимость весною и осенью сменять зимнюю одежду на летнюю и обратно и освобождать себя от несезонного хозяйственного инвентаря [1]).

Факторами, обусловливающими перемещаемость лопарей, являются: в области ихтиофауны — разновременность захода и нереста рыб в реках и озерах, срокам которых соответствует несколько перемещений лопарей.

---

[1]) У «явных кочевников», самоедов, необходимость этого особенно резко сказывается. В некоторых местах своего кочевого тракта они «захоронют» в землю запасы пищи, в других вполне определенных пунктах тундры или в русских, на пути лежащих селениях оставляют не только хозяйственный инвентарь, но и зимнее снаряжение чума и т. п.

Охота на дикого северного оленя, который кочует по определенным направлениям, влекла лопаря-охотника к югу, в леса. Склонность домашнего оленя к юго-северным перемещениям влекла лопаря-пастуха на север, к берегу моря, где он промышлял семгу, и обратно к югу, где охотился за «дикарями».

Экономическая целесообразность сочетания оленеводческих интересов с рыболовными, а также та исключительно важная помощь, которую олень оказывает лопарям в преодолении пространства, в частности расстояний между промысловыми местами обитания,—создают тот стержень, на котором вращается жизнь лопаря-кочевника.

Сопоставление материалов, изложенных в предыдущих главах, и отсутствие в лопарском языке слова, хотя бы совпадающего с нашими понятиями «село», «деревня», и «погост» и т. п., приводит к убеждению, что лопарские погосты не есть селения оседлого типа — деревни, села, хутора или русского «погоста» и т. п., свойственные оседлым народностям, но своеобразные сезонные места обитания с постоянными жилищами, где обитатели живут не всем домом в целом, как это имеется, например, у русских крестьян-земледельцев или у фермеров-скотоводов в Англии и Америке. Лопарский «дом»—двудомен, четырехдомен и далее, т. е. дом во всем разнообразии слагающих его элементов не умещается под одной кровлей одновременно. Женщины, дети и значительная доля сезонного хозяйственного инвентаря находятся под соответствующей сезону кровлей. Мужчина же живет большую часть года в своем подвижном жилье — стане. Хозяйственный инвентарь в зависимости от времени его применения находится на соответствующем месте. Два, три или четыре жилища, возводимых на соответствующих промысловых местообитаниях, дают семье кров в разное время года, характеризуют явление многожилищности, для которого свойственно последовательное прохождение семьи кочевника через ряд жилищ.

Деятельность лопарского дома, как хозяйственной единицы, в настоящее время протекает в пределах определенных для каждого погоста территорий; однако явление это, повидимому, возникло под влиянием русских в позднейшее время. Встарину, еще в XIX в. на пастбищные угодья никаких границ не существовало, границы же на охотничьи угодья, которые были установлены в XVII в., в настоящее время либо забыты, либо утаиваются. Во всяком случае право охоты на пушного зверя принадлежит всякому в пределах, смежных с границами. Нормы обычного права ограничивают рыболовные угодья, о чем можно судить хотя бы по наследственности озерных рыболовных тоней. Таким образом, кроме озерных рыболовных владений, на все остальные, в том числе и семужные, простирается принцип общественного владения.

Вне зависимости от норм обычного права перекочевки совершаются в пределах совершенно определенных пространств, которые для выпаса стад оленей и перемещения их с юга на север и обратно играют роль постоянного района кочевок.

Во вступлении нами выдвинуты признаки, по коим можно судить о кочевом состоянии того или иного народа. Было обращено внимание и на то, что явления бытового уклада лопарей имеют точки совпадения с указанными признаками, вследствие чего есть основание считать лопарей кочевниками.

Не ограничиваясь указанным сопоставлением, попытаемся определить кочевое состояние лопарей с точки зрения этнической подвижности.

Дифференциация подвижности лопарей. Изложенный до сего времени материал и данные карты о передвижениях лопарей позволяют выдвинуть основной критерий в определении кочевого состояния лопарей. В этом отношении весьма существенны подвижность и количество времени, проводимого семьей или домом лопаря в походном состоянии, в том состоянии, в котором лопари проводили большую часть жизни в период, предшествовавший появлению неподвижных жилищ,—период, который, несомненно, был кочевым, когда сложились основные черты «досельной» лопарской культуры. В «вежное время» лопари кочевали круглый год с остановками на местах, имевших то или иное значение. Здесь у них стояли «амбарчики». Побудительными причинами к передвижениям являлись сезонность охоты на дикаря и так же, как и теперь,—рыболовство, охота и заботы о домашнем олене. Передвижения совершались домом (подвижной вежей), следовательно, «праудедки» жили под одной кровлей. Кроме того, у мужчин несомненно было свое охотничье жилище—$_0$adaj, которое имело много общего с палаткой, описанной во втором типе снаряжения, и с современным станом или куоксой. Хозяйство мужчины и женщины было, как и теперь, нераздельно. Семья сопровождала мужчин во всех их передвижениях. Самый маршрут передвижений можно представить как замкнутую линию, по которой на оленях перемещалось подвижное жилище—вежа.

В настоящее время и в предшествующий ему период под влиянием усилившихся экономических и культурных воздействий со стороны соседних народов, главным образом, русских, навыки и запросы лопарей развились и осложнились. В середине прошлого столетия к лопарям начали проникать чай, сахар, самовары, табак [1]), жестяные иконки; обогатилась одежда, увеличились стада домашних оленей. В сознании лопарей произошел сдвиг. Сами лопари при-

---

[1]) Еще А. Кельсиев отмечает, что в Лумбовском погосте никто не курит.

писывают этот культурный сдвиг развитию торосового промысла, который доставил им денежные излишки. В результате в 50-х и 60-х годах XIX века начали появляться тупы.

Вследствие всего этого бытовой уклад лопарей претерпел изменения, что и сказалось на передвижениях, которые дифференцировались так же, как и единый прежде вид жилища. Тогда как вежа была и до сих пор является жилищем семьи во всем ее составе, стан бытует, по преимуществу, как мужское жилище, в котором лопарь перевозит семью и хозяйство от одного промыслового места к другому. В настоящее время вежа, как подвижное и неподвижное жилище, вырождается и бытует лишь как временное обиталище.

Кочевой тракт. Как справедливо отмечает Г. Гебель, — «Лопарь типичный кочевник. На различных местах района кочевок лопаря у него построены жилища, избы и вежи, в которых он проводит известное время года» [1]). Уже достаточно приводилось данных для того, чтобы судить, в какой тесной зависимости от кочевок северного оленя, находятся передвижения лопарей в меридиональном направлении. Таким образом кочевой тракт включает в себя элементы оленеводческого влияния на бытовой уклад лопаря.

Влияние ихтиофауны также отражается на кочевом тракте; это видно из того, что в Семиостровском погосте или, например, в Мотовском, где развито озерное рыболовство, кочевой тракт отклоняется в сторону, раздробляется в зависимости от расположения тоней, преодолевание его занимает несколько месяцев, совершается с разной быстротой и т. д. Если же озерное рыболовство отсутствует, кочевой тракт является кратчайшим расстоянием между зимними и летними местами, и переезд совершается в кратчайший срок.

Наконец, семья также накладывает свой отпечаток, так как на всем протяжении кочевого тракта или по концам его расположены неподвижные жилища, между которыми в подвижных жилищах лопари живут во время кочевых переездов всем домом. В виду того, что количество постоянных местообитаний с неподвижными жилищами характеризует бытовой уклад и приблизительно указывает на количество времени, употребляемого на преодоление кочевого тракта, допустимо изобразить его графически в виде отрезка линии с отмеченным на ней количеством местообитаний. Самый внешний вид этой линии будет говорить о характере бытового уклада той или иной группы лопарей или отдельной семьи, как единицы хозяйства.

Обращаясь к карте и к рис. 30, на котором кочевые тракты нескольких групп лопарей выделены, произведем детальное иссле-

[1]) Г. Гебель. Наша северо-западная окраина Лапландия. „Русское Судоходство" 1905 г. Янв., стр. III.

Титовка
Пески
ос. место Сежакина
остановка
остановка
оз. Кожявр
зимн. Мотовский пог.
остановка
III ос. место Агиевых
I ос. место Агиевых
оз. Нялозеро
II ос. место Агиевых
оз. Тулбявр
оз. Коддеявр
В. Лица
место отела
оз. Кожявр
II ос. м. Лукина
зимн. Мотовский пог.
I осен. м. Лукина
оз. Кеттельявр
Варзино
летн. Семиостровский пог.
отел
осенн. место Б
весенн. место В
оз. Бнявр
оз. Низявр
осенние и весенние места на озерах
верховье р. Иоканги
зим. Семиостровский пог.
летн. Иокангский пог.
Вахты выкв
Ворна Варака
зимн. Иокангский пог.
пути стад
Сосновский п.
Горло Белого моря
Пути за семгой и тюленем
Условные знаки:
погосты, промысловые места, остановки
проселочные дороги и пути к осенним местам
промысловые пути.

Фиг. 30.

дование их для каждой из групп. С этой целью остановим внимание на линиях, основными признаками которых является перемещение по ним семьи, части хозяйственного инвентаря и подвижного жилища.

При ознакомлении с кочевыми направлениями или путями по каждому из погостов бросается в глаза, что у иоканчан и лумбовцев—оленеводов и морских рыболовов они отличаются прямизной, отклонения же вызваны условиями рельефа, речной сетью и расположением старых погостов [1]).

Графически кочевой тракт этих погостов можно изобразить прямой вертикалью, соединяющей два жилища—зимнее и летнее. Кочевые тракты этих погостов включают в себя только оленьи пути передвижения. Общее протяжение дороги между зимними и летними погостами местные жители определяют в 120 верст (по карте около 104 *км*) для Лумбовского погоста около 76 *км* (по местному определению 90 верст); на преодолевание этого расстояния затрачивается от 3 до 6 дней.

Иной характер носят кочевые линии семиостровцев (см. карту) Начать с того, что у них три направления по количеству стад. [2]); кончаются они не в погостах, а несколько в стороне от них, и конечным пунктом их в летнем месте являются места отела. Линии 5-й, характерной для двух предыдущих погостов, у семиостровцев нет. Не менее характерно, что стадные линии южного направления начинаются не в летнем погосте, а от осенних мест—от мест имания оленей. Кстати сказать, эта же картина наблюдается и у мотовских лопарей. По линии 4-й, по которой движутся стада семиостровцев весной, т. е. с юга на север, идет и кочевое движение лопарей. Таким образом кочевой тракт весной разделяется на три. Далее к западу раздробление кочевых трактов сказывается еще сильнее. У мотовских и кильдинских лопарей каждая семья имеет свой тракт.

Пути передвижения, связанные с рыболовством (лин. 14), будучи обусловлены географическим расположением озер, притягивают к себе линию зимних передвижений стад. То обстоятельство, что весенний и осенний выпасы (лин. 1 и 2) происходят у рыболовных тоней, является еще одним доказательством значения оленеводства, даже при преобладании рыболовных интересов, что характерно для семиостровских лопарей.

---

[1]) Для иоканчан и жителей Лумбовского и Мотовского погостов кочевые линии и дорога нанесены сравнительно правильно; для Семиостровского же погоста более или менее правильны только дороги, кочевые же линии нанесены лишь схематически. При существующих картах достигнуть точности невозможно.

[2]) Напомним, что у иокангских лопарей тоже три стада.

И, наконец, главнейшим признаком, отличающим семиостровскую кочевую линию от иокангской, является тот, что на всем ее протяжении неподвижные жилища расположены не только по концам кривой, но и в средней ее части; так у семиостровцев мы видим по два дома, расположенных в средней части кочевого тракта. Лет 50 тому назад иоканчане тоже имели осенние места и жили двумя селениями (в Варна-Вараке и Валты-Вынь); таким образом у них было три местообитания при четырех «селениях».

Кочевую линию семиостровцев невозможно изобразить с той легкостью, как это удалось сделать для Лумбовского и Иокангского погостов. Прежде всего линий этих—три. Отличаются они кривизной, обусловленной не столько географическими условиями, сколько бытовыми особенностями оленеводства и рыболовства.

На преодоление кочевых расстояний семиостровцы в одни и те же сроки затрачивают по 32 дня при кочевом тракте в среднем в 109 *км*, с 4 жилищами на всем его протяжении. Последовательно к каждому из этих жилищ лопарь со всем домом двигается зимой, весной, летом и осенью. Как говорит Н. Харузин, «рыболов намечает места, где в разное время года скопляется наибольшее количество добычи, и к известному времени переходит на насиженные уже места. Таких мест может быть, в зависимости от условий, и два, и четыре, и более; но они определенны... дикарь становится кочевником».

Для большей наглядности наиболее характерные кочевые тропы или дороги представлю в виде графических изображений, соответственно уменьшенных, и с местами обитания, отмеченными квадратиками. Сравнивая изображения на рис. 30 с прилагаемой картой или картой кочевки самоедов Канина полуострова и некоторыми замечаниями А. И. Якобия[1]), например, можно заметить, что у некоторых кочевников кочевые линии сливаются с кочевым трактом (самоеды, западные лопари, например, у фамилии Агиевых из Мотовского погоста), тогда как у терских и семиостровских лопарей к кочевому тракту присоединяются или отделяются от него стадные (линии на карте 1, 2, 3, 5, 7), рыболовные (на карте — . — . — . — .) и т. п. пути передвижения. Если суммировать все передвижения лопарской семьи или отдельных членов ее или общества, мы получим цифру всего кочевого расстояния кочевника. На рис. 30, оно представлено и сплошными и прерывистыми линиями (см. Мотовский погост). Кочевое расстояние следует отличать от кочевого тракта. Различие сказывается прежде всего в том, что кочевое расстояние включает в себя и пути передвижения мужчин (за оленем главным образом) и женщин на озера для рыбной ловли, и совместные их переезды для тех или иных хозяйственных

[1]) Якобий, А. Каниинская тундра, стр, 28. См. прилож. 1.

нужд, и дороги, по которым передвигается дом лопаря-кочевника, кочевой же тракт есть дорога с расположенными на ней местами обитания, зафиксированными бытом остановочными местами и т. п., иначе говоря кочевой тракт есть культурно-историческое явление, которое имеет совершенно определенную величину. Она может изменяться под влиянием изменившихся бытовых и культурных явлений в жизни кочевника. Кочевой тракт измерим, тогда как кочевое расстояние колеблется не только в течение ряда лет, но и ежегодно в зависимости от внешних условий жизни в данном году. На том же рисунке кочевые тракты представлены сплошными линиями — «проселочные дороги и пути к осенним местам».

Условный знак кочевника. В интересах дальнейшего изложения, условно, в виде цифр представлена единица кочевого передвижения — дом кочевника, который как бы передвигается по кочевому тракту. Внешне изображение это будет иметь следующий вид: для семиостровца напр., $\frac{4\ (1)}{109}$, где цифра 4 указывает количество неподвижных жилищ, единица в скобках — количество подвижных жилищ и цифра 109 — длина кочевого тракта.

Отмечу два обстоятельства: 1) величина скорости не вводится, так как она почти одинакова для всех кочевников - оленеводов и только усложняла бы кочевой знак; 2) в нижеприводимых знаках никакого математического содержания не предполагается. В чтении знак обозначает, что у семиостровцев на кочевом тракте в 109 *км* расположено 4 местообитания, а передвижения совершаются в одном подвижном жилище.

Таким образом лопарь Иокангского погоста получит знак $\frac{2\ (1)}{104}$, Лумбовского $\frac{2\ (1)}{76}$.

Кочевнику типа самоеда, не имеющего неподвижного жилища, есть полное основание придать знак $\frac{0\ (2)}{500}$, где цифра 2 указывает на количество подвижных жилищ. Дело в том, что у самоедов количество чумов измеряется по количеству покрышек (нюков), из которых одна зимняя, а другая летняя. Деревянный остов в счет не идет.

Лопарь вежного времени получит выражение $\frac{0\ (2)}{300}$.

Возьмем еще поной ского пастуха самоеда, который круглый год живет при стаде в чуме, летом — в летнем, зимой — в зимнем, т. е. имеет два подвижных жилища $\frac{0\ (2)}{222}$. Возьмем оленеводческую семью одного из ижемцев селения Ивановки. Она имеет одну неподвижную избу - пятистенку, хозяйственные постройки, двор, инвентарь типа оседлого хозяйства, инвентарь оленеводческого кочевого хозяйства и подвижное жилище — чум, зимний и летний,

в которых пастух проводит $^2/_3$ года со своей семьей, тогда как старшее поколение хозяйничает дома, где есть коровы, хозяйственные постройки и т. д. Его обозначение будет $\frac{1\ (2)}{175}$. Возьмем еще каменского лопаря. Каменчане среднего достатка на лето отдают оленей на выпас ижемцам, сами же, живя в вежах на озере, промышляют рыбу, зимой семья живет в тупе, а пастух выезжает на пастьбу оленей. Весной переезд из зимнего места в летнее продолжается около 2 и более недель. Знак каменчанина $\frac{2\ (1)}{12}$.

Наконец сосновский лопарь, живущий оседло одним домом, имеющий стадо оленей, но сам его не пасущий, так как отдает на выпас ижемцу-пастуху за плату,—будет иметь одно неподвижное жилище и одно подвижное, которым он пользуется главным образом во время морских переходов, кочевое же расстояние будет = 0.

Расположив все эти величины в нисходящем порядке, по признаку неподвижных жилищ, получим некоторый ряд:

Семиостровцы	Иоканчане	Лумбовцы	Каменчане.	Ижемцы	Сосновцы	Лопарь «вежного времени»	Самоед с. Поной
$\frac{4\ (1)\ \text{или}\ 3\ (1)}{109}$	$\frac{2\ (1)}{104}$	$\frac{2\ (1)}{76}$	$\frac{1\ (1)}{12}$	$\frac{1\ (2)}{175}$	$\frac{1\ (1)}{0}$	$\frac{0\ (2)}{300}$	$\frac{0\ (2)}{222}$

На первый взгляд целой картины или развития ряда не получается. Причина проступает довольно ясно. Располагая знаки в нисходящем порядке по признаку количества неподвижных жилищ, было упущено из вида, что жилища являются как бы производной величиной от количества местопребываний по сезонам, и что местообитания эти обусловлены добыванием пищи. Между тем в ряд включен ижемец, который на стоянках своих, если и промышляет рыбу, то только «на варево», и промысел рыбы не прикрепляет его к месту. Тут же мы поставили и самоеда, который, наряду с пастушеством, занимается и рыболовством и чум свой ставит в местах, где летом он может рыбачить, а зимой охотничать. Так же поступают его сородичи в Канинской и Тиманской земле, если стада невелики. Наоборот, в хозяйстве крупного оленевода Тиманской или Канинской земли рыболовство никакой роли не играет, и остановки его с рыболовством ни в коей мере не связаны, точно так же, как у ижемцев Кольского полуострова. Все они—довольно крупные или просто крупные оленеводы и, не будучи заинтересованы в рыбе, они не стремятся особенно к устьям рек или к озерам и организованным рыболовством не

Таблица 10.

НАИМЕНОВАНИЕ СЕЛЕНИЯ	Ряды	Крупный оленевод. полуостр. Канина (самоед).	15—16 века	1926—27 гг.	1928 г.				1927 г.	Около 1880 г.	1860—70 г.	1927 г.	1926 г.	17—18 век	19 век	Около 1907 г.	1926—27 г.	1927 г.	Условное обозначение полного оседлого состояния.	1927	
			Лопарь «вежного времени».	Пастух села Поной (самоед).	Группы лопарей Мотовского погоста.				Лопарь Семиостровского погоста	Лопарь бывшего Куроптевского погоста	Лопарь Иокангского погоста		Лопарь Лумбовского погоста	Лопарь Покойского погоста (Пурнач.—Поной)	Лопарь Сосновского погоста	Лопарь Каменского погоста		Лопарь Сосновского погоста		Ижемец селения Ивановка.	Русский из д. Варзуга.
					Чапоров	Лукины	Агиевы	Стакановы													
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
Количество неподвижных жилищ	I	—	—	—	7	5	6	5	3—4	3	3	2	2	2 ?	2 1	2	2	1	1	1	3
Знаки кочевников	II	4 (2) / >500	10 (2) / 300	7 (2) / 222	8 (1) / 131	7 (1) / 77	6 (1) / 114	5 (1) / 77	4 (1) / 109	3 (1) / 118	3 (1) / 104	2 (1) / 104	2 (1) / 76	2 (1) / 40	2 (1) / 20	2 (1) / 12 или 3 (1) / 170	1 (1) / 12	1 (1) / 0	0	I 9 (2) / 175	I >10 (2) / >100
Весь путь кочевки в километрах (кочевое расстояние)	—	1.000	300—400	222	177	106	164	154	200—220	200—220	218	218	152	80	40	24 или 340	24	—	—	340	
Количество дней походного состояния для семьи . .	III	365	365	365	13 (27)	23	12	11	47	?	8	6	5—6	?	?	?	около 21	0	0	около 275	
Количество дней походного состояния для мужчины.	IV	365	365	365	около 125	около 147	около 126	около 126	около 159	?	около 150	около 183	около 183	?	?	?	около ?	около 60	?	около 300	
Из общего количества дней походного состояния мужчины затрачивается им в течение года:																					
1) на охоту	V	?	?	?	—	?	—	—	50	?	?	62	62	—	—	—	—	около 60			
2) промыслы морского зверя и отхожие заработки	VI	—	—	—	—	—	—	—	22—45	?	?	25—45	20—30	—	—	—	—	около			
3) оленеводство, принимая во внимание, что каждый мужчина караулит стада в очередь с другими	VII	более 182	?	более 182	более 126	более 147	более 126	более 126	более 75	?	?	около 90	?	?	?	?	?	?	—	более 182	
Количество дней, затрачиваемых на переезд из зимнего погоста в летний.	VIII	—	—	—	3	2	3	3	12	—	8	6	5—6	1—2	2	?	21	—	—	—	

занимаются, уделяя все свое внимание оленю [1]). Но места долгого обитания у них есть. Можно указать минимальное количество их от 4 до 12 (смотри приложение к табл. № 10).

Делаю это отступление с целью показать, что расположены знаки случайно, а составлять ряд следует не по количеству жилищ, но по признакам количества местообитаний и подвижных жилищ. Если принять эту поправку, то оленевода-ижемца придется выразить не в прежнем его виде, а в виде $I\frac{?\ (2)}{175}$, где римская цифра I знаменует один неподвижный дом-избу, как показатель одного постоянного местообитания, оседлости в полном смысле слова. На место знака—? следовало бы поставить количество чумовых мест — тяндеров, но по вышеизложенной причине ставлю приблизительную цифру 9. Следовательно знак ижемца будет $I\frac{9\ (2)}{175}$. Выражением для знака крупного оленевода типа самоеда будет $>\frac{4\ (2)}{500}$ (смотри примеч. к табл. 10-й), лопаря вежного времени $\frac{10\ (2)}{300}$, а понойского пастуха $\frac{7\ (2)}{222}$.

Цифры 4, 10, 7, 9 обозначают не количество неподвижных жилищ, а количество мест обитания, цифры 500, 300, 175, 222 указаны приблизительно.

Внеся указанную поправку и обозначив оседлого жителя за «0», а полного кочевника, типа крупного оленевода-самоеда за «100»,—развернем ряд несколько шире. С этой целью привлечены данные для погостов, уже не существующих, каковы Куроптевский, бывшие лопарские погосты Поной, Пурнач и другие. Полученный ряд сопоставим с количеством дней, проводимых в походном состоянии семьей и мужчиной.

Достаточно общего взгляда, чтобы убедиться в некоторой последовательности изменения цифр. Ввиду того, что не все они достаточно точны, да и самое количество примеров ограничено всего 20-ю, закрадывается сомнение, не кажущаяся ли это зависимость в расположении чисел и не случайно ли расположились они в последовательно развивающиеся ряды. В нашем распоряжении нет материала для получения более точной картины; приходится ограничиваться тем, что есть.

Значительно больший интерес представляют знаки кочевников в сопоставлении друг с другом (ряд I и II). Они дают основания предполагать, что между числом обитаний и размерами кочевого тракта существует зависимость, а именно с увеличением кочевого тракта возрастает и число местообитаний; но нужно иметь ввиду, что

---

[1]) Отчасти этим можно объяснить то обстоятельство, что большинство ижемцев и в Печорском крае и на Кольском полуострове не выходит к берегам океана и не имеет тяготения кочевать около водных бассейнов.

расстояния в километрах очень приблизительны, так как по выражению лопарей «чорт их мерил, да веревку оборвал». Выражение это применимо и к измерениям по карте.

Кроме того, размеры кочевого тракта очень часто зависят от расположения мест обитания по площади, и бывает, что кочевой тракт сливается с кочевым расстоянием.

Быть может, при дальнейших исследованиях выяснится, что оперировать можно только с кочевым расстоянием; в таком случае заманчивость таблицы 10-й в ряду втором нарушится и приобретет какой-нибудь иной вид; например, стоит только в рубриках, начиная с 8-й, удвоить цифры кочевого тракта—и цельность ряда сейчас же исчезнет.

Помимо указанного, в рядах II и III встречаются нарушения в развитии рядов. Их дают Семиостровский и Каменский погосты. Что касается первого, то несоразмерность цифры «47» по сравнению с соседним, объясняется тем, что семиостровцы от зимнего погоста в подвижных жилищах (станах) передвигаются вслед за оленем к берегу океана в течение 30—35 дней. Если эту цифру отделить от общей цифры дней походного состояния, получатся числа 12 или 17, которые не так уж сильно нарушают ряд.

Относительно древнейшего Терского погоста, Каменского, следует заметить, что имеющиеся о нем сведения очень скудны, бытовой уклад его своеобразен, и знак каменского лопаря стоит в ряду других особняком [1]).

Согласованность наблюдается в развитии рядов II и III, а именно чем больше мест обитания и чем длиннее кочевой тракт, тем больше времени семья или «дом» находятся в условиях походного состояния, между тем как мужчина меньше времени живет в отрыве от семьи и обратно.

При рассмотрении рядов II и III следует обратить внимание на то, что в подавляющем большинстве случаев количеству мест обитания соответствует количество неподвижных жилищ. Отклонения же в рубриках (4 и 5) встречаются ближе к знакам полных кочевников. Наблюдения эти не указывают ли на то, что можно говорить во-первых о существовании зависимости между числом местообитаний и количеством жилищ в лопарской форме кочевого быта, во-вторых, о том, что судя по расхождению между числом жилищ и жилых мест, именно в рубриках, сопредельных между полным самоедским кочеванием и лопарским, существует какой-то предел в количестве неподвижных жилищ в кочевом тракте, после которого кочевание между неподвижными жилищами и постройка их оказываются нецелесообразными.

---

[1]) Подробнее смотри в приложениях к табл. 10-й.

Принимая во внимание все вышеизложенное и выводы, сделанные благодаря таблице № 10, невольно приходишь к заключению, что приводимые цифры, которые численно выражают показателей кочевности с приобщением к ним других показателей (скорость движения, участие семьи в кочевках и т. п.) в конце концов дадут возможность определить степень кочевого состояния. В настоящее время разрешать этот вопрос преждевременно. Нет для этого достаточного материала, и самые условия для извлечения точных данных слишком неблагоприятны: нет точных карт, нет достаточно точных, специально собранных сведений о бюджете времени и календаре кочевника.

Данные таблицы приводят еще к одному весьма существенному наблюдению. Без труда можно заметить, что формулы для современных лопарей (19-го и 20-го века) расположились одна за другой в один непрерывный ряд, тогда как «лопарь вежного времени» поместился между формальными кочевниками-самоедами. Думается, что явление это не случайно и указывает на две соседствующие формы кочевого быта, а именно на полно-кочевую самоедского типа (включающую «вежное кочевание» лопарей), не имеющую ни одного неподвижного жилища, и на лопарскую со многими жилищами.

Ввиду того, что не только лопари кочуют между своими неподвижными жилищами, но и у остяков, якутов и других народностей встречается эта форма, можно определить лопарей Летнего Наволока, как многожилищных или, пользуясь более благозвучным сочетанием слов, «многодомных» кочевников оленеводов при меридиональном кочевом тракте от 76 до 109 километров, начиная от 67° северной широты. При этом многодомная форма кочевания, помимо общих признаков кочевности, характеризуется многообразием промысловых занятий, наличием двух типов жилищ—подвижных и неподвижных, воздвигаемых в количестве двух и более на родовых и общественного пользования угодьях, которые связаны кочевым трактом. Комплекс причин, вызывающих подвижность, заключается главным образом в биологических особенностях домашнего животного и промышляемых рыб. Продукция промыслов идет почти исключительно в непосредственное потребление кочевника. Кочевой тракт характеризуется сравнительно незначительным расстоянием и расположением на нем сезонных мест обитания. Для лопарей характерно хотя бы одно сезонное место, где группа кочевников живет общественно. Исходным пунктом кочевания можно считать либо летнее место, либо зимнее. Графическое изображение кочевого тракта имеет вид прямой, кривой и замкнутой линии. Изгибы ее обусловлены не столько географическими факторами, сколько хозяйственной деятельностью кочевника.

Из других форм кочевания, о которых шла речь—самоедское, также меридиональное, характеризуется главным образом, пасту-

шеством и охотою. Комплекс причин, обусловливающих подвижность,—биологические особенности северного оленя и добываемых на охоте животных. Самоедам свойствен один тип подвижного жилища, которое передвигается по кочевым трактам родового или общественного пользования. Пастушеством обусловлены и сезонные места обитания, при чем наибольшее значение имеют только летние и зимние, которые и являются крайними пунктами кочевок. Общественно в одном населенном пункте кочевники этого типа не живут. Исходный пункт кочевания не поддается определению.

Однако будет ошибочным представление, что все лопари являются многодомными кочевниками, т. к. иного порядка явления дают лопари, например Сосновского или Каменского погостов. Насколько Сосновка—определенно оседлое селение, можно судить по тому, что лопари здесь строят прочные избы и сами пастьбой своих оленей не занимаются [1]). Все свое рабочее время они употребляют на рыболовство, охоту за пушниной и морским зверем. Понемногу начинают они обзаводиться коровами, расчищают луга и таким образом постепенно приобретают земельную площадь, непосредственно примыкающую к жилищу, т. е. приходят к оседлому скотоводству, а, в связи с ним, к земледелию.

Бывает, что лопари совершенно порывают непосредственную связь с оленем, тогда они выпадают из кочевого уклада быта, коим живут их сородичи, и принимают образ жизни, свойственный новой географической, биогеографической и этнической среде, в которую они переходят. Для примера можно привести две или три семьи лопарей, живущих в Териберке в качестве работников (1927 г.). Другой пример. Один из Кильдинских лопарей, занимаясь извозом, завел большое стадо оленей. Но роль их свел только к извозу и продаже оленеводческой продукции. Достаток позволил ему обзавестись одним «русским» домом. Образ жизни его во многом подобен образу жизни оседлых русских из Поноя.

Некоторые лопари обратились к полукочевому образу жизни, свойственному ижемцам. Быть может в дальнейшем удастся обнаружить переход к полуоседлому типу. Наконец, следует упомянуть о лопарях, утративших оленей. Безоленный лопарь—в кочевом быту нежизненная хозяйственная единица. Глава такого хозяйства обращается в батрака. В лопарских селениях в чистом своем виде подобное явление встречается как нищенство, или как призреваемое обществом или государством отдельное лицо или семья.

---

[1]) За исключением одной семьи, где сын учится пасти оленей у ижемцев.

Однако, указание на эти бытовые смещения не предполагает последовательной смены одной формы быта другою. Здесь возникает много вопросов, рассмотрение которых требует дальнейшего собирания материала.

Исследование пришло к концу, и надо сознаться, что в процессе работы не раз возникало сомнение,—допустимо ли, на основании немногочисленных объектов наблюдения на ограниченном участке земли, в географическом отношении весьма своеобразном, приступить к общему и далеко еще не ясному вопросу о номадизме, кочевом быте, кочевом состоянии и т. п. Непосредственные наблюдения, отдельные замечания, разбросанные в трудах различных авторов, данные, заключенные в прилагаемой карте кочевок, и материалы экспедиции толкали автора, порой помимо воли, к тому изложению материала и выводам, к которым сводится работа. Было бы большой неосмотрительностью и смелостью придавать решающее значение предлагаемому определению. Пока не будет привлечен обширный сравнительный материал, методически собранный и разработанный, невозможно будет говорить о применении того или иного точного определения.

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Приложение 1.

Примечания к таблице 10-ой.

Пояснения к знакам кочевников.

$\frac{>4\ (2)}{500}$ 1922 г. Крупный оленевод-самоед полуострова Канина. В качестве иллюстрации приведу интересную выдержку из работы проф. А. И. Якобия: «Канинская тундра,» стр. 28: «Ход кочевки Амеса в 1890 г., считая время днями назад: 14 июля—Мезгин, 8 дней тоже за 1 версту, 2 дня Пидерчелга, неудобно, чумы пришли и ушли. 1 день — р. Полюкюде — много комаров; 1 день Темптобезе — много комаров и жарко, речка Мадга (Московина по карте), где стоит весновка за 3 в. от устья; 3 дня у Мадга повыше, несколько дней еще повыше; 5 дней еще повыше у левого берега; 1 день на средине Камня, травы мало, еще слишком рано весной; 3 дня у р. Местной на правом берегу; 3 дня пониже, 3 дня еще пониже, 5 дней—еще пониже; 3 недели телились важенки, сюда пришли ходом с верховьев р. Хуты, где стояли долго (больше месяца). Около Благовещенья зимовали в верховьях Вижаса. Сказать вперед как будет кочевка летом—верно нельзя:—где простор будет (Амес)».

Как видно, Канинские самоеды во время кочевок только с весны на лето имеют более 16 остановок. Мест, где стояли долго, или «мест обитания» можно наметить 4—5 или еще больше, до 12-ти, беру минимум—4, а именно: 1) место отела, 2) летом на местах летнего выпаса, 3) осенью—у устья рек, где идет наважий промысел и самоеды занимаются извозом, доставляя рыбу к русским селениям и к пароходу. 4) Зимнее место—зимний выпас оленей. Ввиду того, что у самоедов количество мест обитания значительно превышает 4, ставлю знак $>$ Самоеды имеют один тип подвижного жилища—чум зимний и летний. Кочевой тракт суммарно определен по 25—верстной карте Ген. Штаба. Отмечу, что кочевой тракт у самоедов почти совпадает со стадной линией, о чем можно судить хотя бы по цитате Якобия.

$\frac{10\ (1)}{300}$ (XV — XVI в.в.). Лопарь «вежного времени». Количество мест обитания выяснить трудно, т. к. иногда вежи досельного лопаря стояли на месте по году; хозяин никуда с нею не ходил; жил неподвижно, а затем опять начинал перемещаться. Остановки, которые он мог делать, предположительно указывали мне или я сам дополнил следующим образом: 1. Место отела. 2. Промысел семги. 3. Промысел рыбы весной на озерах. 4. «Имание оленей». 5. Промыслы рыбы на I-м месте. 6. Промысел рыбы на II-м месте, подобно современным мотовским лопарям. 7. Общественный сбор

в одном пункте для религиозного отправления, около Рождества или Крещения. 8. Река Поной и озера — рыболовство. 9, 10, 11 и 12— остановки для охоты на дикого оленя и выпаса домашнего. 13. Обмен пушнины в Варзуге или Поное. 14. Тюлений промысел. 15. Промыслы куропаток или рыбы у р. Ачерок. Из общего числа этих остановок, которых вероятно было больше, я исключаю 8, 9, 10, 11 и 12, как наиболее неопределенные, случайные и не приуроченные к определенному пунку. Остальные места могут быть названы местами обитания. Ставлю два подвижных жилища—вежа и ₀adaj (стан, куокса) См. II тип походного снаряжения.

Кочевой тракт указан весьма приближенно, по прямому расстоянию Мурманский берег—Терский берег.

$\frac{7_{(2)}}{222}$ 1926—27 гг. Пастух села Поной (самоед). Имеющиеся сведения говорят, что остановки его обусловлены расположением водоемов, охотой и рыбной ловлей; оставляю их без сокращения в количестве, обозначенном на прилагаемой карте.

Подвижных жилищ два—летний и зимний чум. Кочевой тракт измерен по карте; предполагаю, что общность кочевого тракта и стадных линий менее выражены, нежели у самоедов Канина п-ова.

$\frac{3_{(1)}}{118}$ около 1880 г. Лопарь бывшего Куроптевского погоста. Места обитания: 1. Зимнее—на карте бывший зимний Куроптевский погост — зимний выпас оленей. 2. Акеманай—лов рыбы: кумжи, гольца и имание оленей. 3. Летний Иокангский погост — отел важенок и лов семги. Кочевой тракт измерен по прилагаемой карте.

$\frac{4_{(1)}}{109}$ 1927 г. Лопарь Семиостровского погоста. Места обитания: 1. Летнее место Варзино. 2. Осеннее место. Енозеро и Низявр или Верхнеиокангские озера. 3. Весенние места на этих же озерах. 4. Места отела. Ввиду того, что у большинства весеннее и осеннее место объединены, ставлю 4 места обитания. Подвижное жилище — стан. Кочевой тракт измерен по маршрутам стад и взят средний для трех.

$\frac{3_{(1)}}{104}$ 1860—70 г. Лопарь Иокангского погоста.

$\frac{2_{(1)}}{104}$ 1927 г. » » »

Лопарь Лумбовского погоста.

$\frac{2_{(1)}}{76}$ 1926—27 г.г. Местообитания для всех трех знаков показаны воспоминаниям иокангских стариков и по личным наблюдениям. В середине XIX ст. между зимним и летним местами находились осенние места для имания оленей—Волты выннь и Ворна Варака. Кочевой тракт измерен во всех 3-х случаях по прилагаемой карте. Подвижное жилище стан.

$\frac{2\ (1)}{40}$ XVII—XVIII в. Лопарь Понойского погоста (Поной—Пурнач). Показание делается со слов одного из лумбовских стариков. Подтверждением могут служить примечание Н. Харузина на стр. 39 и работы, на которые он ссылается.

$\frac{1\ (1)}{12}$ 1927 г. Лопарь Каменского погоста. Сведения, имеющиеся о Каменском погосте, говорят за отсутствие в нем какого либо единообразия бытового уклада. Здесь можно встретить крупных оленеводов, занимающихся рыболовством, не пасущих стада самостоятельно, т. к. отдают их в пастьбу ижемцам; только зимой они пасут оленей. Две семьи лопарей возделывают землю и сеют картофель; часть каменчан переселилась в Ивановку и обзаводится рогатым скотом. Все это говорит за то, что от Каменского погоста не останется живых следов, как это случилось с б. Зимн. Лумбовским погостом. В виду этого переходного состояния каменчан и неизвестности, какую устойчивую форму примет их хозяйство, можно было бы изолировать этот погост из приведенной таблицы. Можно предположить, что под влиянием соседей, жителей сел. Ивановки, они перейдут к образу жизни ижемцев.

$\frac{3\ (1)}{170}$ ок. 1907 г. Тоже—три местообитания—Каменский зимний, Каменский летний и вежа или стан или гостеприимный дом в Поное. Подвижное жилище одно—стан. Кочевой тракт обозначен начиная от Каменского зимнего до Поноя.

I $\frac{9\ (2)}{175}$ Ижемец селения Ивановка 1927 г. Местообитания—оседлое одно. Кольские ижемцы кочуют несколько иначе, нежели Мезенские и Печерские, а именно: на пастибищах они избирают несколько мест—т'яндеров, где живут года по два; у лопарей и у самоедов это остановочные места. Количество их разно для каждого чума, бывает 4—12 в зависимости от того, как далеко от дома ходит стадо.

$\frac{8\ (1)}{131}$ 1927 г. Лопари Мотовского погоста (см. рис. 30) и др. Для этой группы лопарей — кочевников приведу возможно более подробные данные, при чем следует заметить, что размеры кочевого тракта измерены по 10-верстной карте Ген. Штаба в *км.*, но за точность ручаться нельзя, т. к. нанесение на карту мест обитания произведено на глаз. Количество дней, проводимых в походном состоянии в зависимости от разных условий, может колебаться в сторону увеличения на 1 — 2 дня, быть может у Чапоровых дня на 2. В один кочевой день может быть преодолено расстояние и в 7 и в 25 верст. Самая процедура переезда, независимо от расстояния, занимает один день. Очень часто на приведение в порядок жилища и всего перевезенного имущества уходит не только вторая половина дня переезда, но и один или два следующих. На осенних местах Мотовские лопари живут группами родственников, группами же они переезжают с места на место. В одном жилище помещается от одной до трех семей. Ниже приводятся данные о распредлении жилищ по местам обитания. Кочевые расстояния взяты без учета размеров промысловых разъездов.

Группы лопарей.	Чапороки	Стоканоны	Аттеевы . . .	Лукины (выходцы из погоста Кильдин).
Название местообитания.	3. Лица. Титовский остров.			
Типы жилищ. и избы—дома.	Тупы и избушки.			
Нормальное число жилищ на 1 семью.	1	1	1	1
Число километров и дней в походн. условиях. Килом.	3	3	3	3
Дней.	1	1	1	1
Название местообитания.	„Пески“.			
Типы жилищ.	Тупы.			
Нормальное число жилищ на 1 семью.	1	1	1	1
Число километров и дней в походн. условиях. Килом.	134	173	164	251—2
Дней.	2	4	4	
Название местообитания.	I осенние места.			
Типы жилищ.	Вежа.	Тупы.	Вежа.	
Нормальное число жилищ на 1 семью.	1	1	1	1
Число километров и дней в походн. условиях. Килом.	110	119	112	112
Дней.	1	1	1	1
Название местообитаний.	II осенние места.			
Типы жилищ.	Тупы.			
Нормальное число жилищ на 1 семью.	1	1	1	1
Число километров и дней в походн. условиях. Килом.	114	1—→	110	112
Дней.	1		1	1
Название местообитания.	III осенние места.			
Типы жилищ.	Тупы.			
Нормальное число жилищ на 1 семью.	1	1	1	1
Число километров и дней в походн. условиях. Килом.	118	15	12	12
Дней.	1	1	1	1
Название местообитания.	IV осеннее место.			
Типы жилищ.	Тупа.			
Нормальное число жилищ на 1 семью.	1	1	1	1
Число километров и дней в походн. условиях. Килом.	111	19	15	12
Дней.	1	1	1	1
Название местообитания.	V осеннее место.			
Типы жилищ.	Стан.			
Нормальное число жилищ на 1 семью.	—			
Число километров и дней в походн. условиях. Килом.	37	19	15	12
Дней.	2	1	1	1
Название местообитаний.	Зимний Мотовский погост.			
Типы жилищ.	Тупы и избушки.			
Нормальное число жилищ на 1 семью.	147	147	147	126
Число километров и дней в походн. условиях. Килом.	3	3	3	1—2
Дней.				
Название местообитания.	„Пески“.			На месте отела 14 дней.
Типы жилищ.	Тупы.			Стан.
Нормальное число жилищ на 1 семью.	3	3	3	19
Число километров и дней в походн. условиях. Килом.	1	1	1	14+1
Дней.				
Название местообитания.	3. Лица. Титовский остров.			

Весна и лето с конца Апреля до средины Сентября.

Осень с середины Сентября до середины Ноября.

Зима с середины Ноября до середины Декабря.

Зима с середины Декабря до середины Апреля.

Весна с конца Апреля.

Лопари.

11

Таблица 11.

Лукины около Малоурского озера и Чапоровы на 5-м месте живут в станах, количество дней (для первых 14, для вторых 27), проводимых на этих местах в условиях походного состояния, взяты в скобки, т. к. не каждый год выезжают на эти места и не всегда живут семьями. На Малоурское выезжают главным образом мужчины для имания оленей, а к Мемехявр (5-е место Чапоровых) женщины с девушками, старухами и подростками для лова рыбы.

Сводка сведений по таблице № II.

	Количество неподвижн. жилищ.	Число местообитаний.	Перемены мест.	Походное состояние в днях.	Кочевое расст. в км.
Чапоровы	7	8	9	13 (27)	177
Стокановы	5	5	6	11	164
Агиевы	6	6	7	12	154
Лукины	5	6	7	22 (14)	106

Сведения о расстояниях между тонями (не местами обитания) можно почерпнуть у Н. Дергачева: «Русская Лапландия». Те же данные приводит и Н. Харузин: «Русские лопари», стр. 117.

Приложение 2.

Протокол заседания Понойского Волсъезда 2-го января 1924 г., извлеченный из книги протоколов Волисполкома за 1924 г.

Слушали:

7. Об ограждении интересов местного населения от пришлых оленеводов ижемцев.

Докладчики с мест—депутаты Сельсоветов заявляют, что оленеводы ижемцы Печорского уезда за последние годы, не спрашивая разрешения местного населения, приходят со своими стадами оленей и кочуют по всей волости Понойской на тех же кегорах—участках земли, где пасутся стада оленей и местного населения. От соприкосновения стад со стадами возникают между владельцами недоразумения, которые впоследствии могут перейти в открытые восстания, так как замечается, что олени местных жителей, смешиваясь с пришлыми стадами, в редких случаях возвращаются из последних полностью владельцам, что дает повод предполагать об умышленном похищении оленей; кроме того, стада пришлых ижемцев до основания истребляют подножный корм—ягель в тех местах, где летуют, т. е. держат во время лета много оленей, так необходимый местному населению для своих стад. Если такое истребление подножного корма—ягеля и похищение оленей продолжится и впредь несколько лет подряд, местному населению и оленеводству грозит полное разорение, так как олени для населения в нашей местности при 100 верстных разъездах промежуточных станций заменяют и лошадей и железную дорогу.

Постановили:

Признавая заявления с мест вполне основательными и, кроме того, принимая во внимание, что пришлые оленеводы ижемцы нанося вред и ущерб местному населению, в то же время не несут никаких натуральных и денежных повинностей наравне с населением, а проживают, как прежние помещики, со своими тысячными стадами в свое удовольствие, поручить вновь избранному составу ВИК'а войти с ходатайством перед подлежащими учреждениями об выселении пришлого элемента из пределов Понойской волости в места их приписки.

(Исход. № 10).

Перечень

лопарских и русско-лопарских слов и выражений, употребляемых в тексте.

А алаш (р. л.) — место для очага в стану или веже, стр. 127, 131.

ajna — „Морской заяц“, Phoca barbata“? стр. 78—79.

akš — топор. стр. 125.

al̕l̕ta или al’l’ta—поварежка для вынимания вареной рыбы из котла, стр. 106.

awt warruhtĕ altă (л.), стр. 69.

avvl,—„Ванька“ (р.-л.) крюк для подвешивания котлов в стану, веже и в камельке, 106.

Б бить чопорок — охотиться за чопорками, (р. л.), стр. 68, 87.

будничать—проводить время повседневно, в обыденной домашней обстановке, стр. 101.

В варака—лес, гора покрытая лесом (р. л.), стр. 54.

варзужане—жители с. Варзуги, стр. 38, 40.

„Воздушная рыба“ „летучая рыба“—так, в качестве пищи лопари определяют куропатку. Срав. Пошман—Опис. Арх. губ., т. I, лопари, стр. 92. Нем.—Данч. Лоп. и Лапл. стр. 78.

вежа (л. р.) (k_0aδta) — подвижная и неподвижная стр. 24, 26, 39, 40, 43, 45, 68, 80, 91, 93, 101, 105, 121, 139—149.

вежное время (р. л.) стр. 43, 119, 121.

волчак, стр. стр. 83.

vel’htad (л.)—сниматься с места вежей или станом, по русско - самоедски - ижемски—емдать.

ворга (р. л.) дорога, большая дорога,

v̊ikkas—скобель, стр. 106.

W̊iss, киса (р. л.) стр. 125.

вязка см. хигна.

выпас, стр. 40, 60, 67, 74, 76, 110.

Г Гарва—сеть на семгу, стр. 86, 87, 88, 101, 108.

Голец (rawtă) стр. 22, 35, 81—95.

гурий (р. л.)—слово, обычно употребляемое применительно к грудке камней, 65.

dånil-ïεjva—Данилова гора, стр. 16.

Д „Держать стадо на руках“ (р. л.) стр. 65.

Двиняне — русские, живущие на р. Сев. Двине, стр. 38, 90.

досельные старики (р. л.). 51.

досельный (р. л.) старого времени человек, вещь, стр. 26, 98, 138, 143.

дикарь (р. л.) (kon’n’ta)—дикий северный олень, стр. 26, 59, 60, 101, 109, 119, 126.

дом dōm, стр. 44, 45, 192, 197.

вдосель—в былое время, встарину.

дымокуры (р. л.), стр. 66,

Е ерсеи — незамерзающие места в болоте, стр. 58.

ерник, ера—мелкие кустаники стелющиеся по земле, стр. 123, 125.

З Заветрие (р. л.) в укрытии от ветра, стр. 97.

Закрой — крупная, лучшего сорта семга, стр. 82.

зашеек (р. л.) стр. 71, 85, 92.

зимник (р. л.) стр. 34, 53, 55, 56.

знаткой (р. л.) — многознающий, наблюдательный человек, умеющий разбираться в местности, иногда употребляют вместо слова понятливый—tiežes’ sam’ĕlaj—„знаткой лопарь“.

И izbuškĕ—изба, стр. 44.

имальница (р. л.) аркан., витой из кожи тюленя, служит для поимки оленей.—106, 125—129.

имание (р. л.) — период времени в году, когда ловят отпущенных на лето

оленей, а также процесс поимки оленей, стр. 60, 68, 70, 72, 76, 87, 92, 93, 94, 103, 121, 126, 134, 140.

К Kāδniark (л.) телячий наволок, заблудившийся наволок, стр. 13.

Каргопольцы — жители гор. Каргополь, (р. л.) стр. 90.

Kavos—минатюрный кивот для бронзовых образков, стр. 106.

карбас—лодка морская или речная, но более крупная, нежели лопарская лодка, стр. 97, 107.

kask puŋ^{k} — мешок для вещей с отверстием для головы, стр. 122.

каньги — лопарская обувь. Каньги одеваются на шерстяной чулок. Для большого тепла и сухости внутрь кладут сена; приближаются к размерам штиблет. Шьются из выделанной кожи или белых камусов (праздничная обувь) стр. 106, 135.

K'ȧjna—дорога, стр. 47.

Kintiš sijt—Каменский пог, стр. 36.

кегора (р. л.) čigr — можно сравнивать со значением р. сл. — угодье, ухожаи,—участки, где пасутся олени, стр. 113.

Kinžnikke—каменский погост, стр. 36.

Кережка — лопарские сани в виде лодочки, стр. 104—108.

Кинтище—заброшенный участок земли, заросший травой после долговременного обитания на нем человека, стр. 26, 36, 38, 112.

Kint — плевел ползучий (Triticum repens, L). Первозданная трава, стр. 37.

kask puŋ^{k}—мешок, стр. 122, 113.

комарное время, „комар“, стр. 66.

кортам (р. л.), 73.

корничек (nivel'cüh'k'e)—(р. л.)—шкатулочка сплетенная из корней сосны, употребляется для хранения швейных принадлежностей женщины, стр. 107.

койбицы — рукавицы меховые, стр. 106.

кочевое оседание, стр. 34.

курева—снег гонимый ветром по поверхности снежного покрова, стр. 48.

$k_0$adta или kiδdta—вежа, стр. 43, 122.

кумжа—kuwč, стр. 22, 35, 81—87, 92—95.

камелек—камин, стр. 44, 45, 97.

karr'a—доска слегка вогнутая для накладывания на нее мяса для еды. 106.

kapštak—плоская ложка с дырочками для вынимания из котла рыбы, 106.

katt—женские панталоны, 106.

kaldak—„пялка“ (р.) рогулька, употребляемая для вязания сетей. 107.

Kĭll'erhke—рыбник, стр. 125.

киса—сумка, сшитая из кожи тюленя и оленьей замши. Употребляется для хранения и перевозки вещей. Обычно украшается разных цветовз амшей или лоскутками меха, стр. 106, 125, 130, 135.

куокса, kuvas—стр. 42, 43, 80, 127, 143.

koškĕ mirr—сушник, стр. 122, 125.

Л lafk—вьючный мешок для вещей, отверстие его стягивается с помощью бичевки и двух деревяных или костяных пластинок, стр. 125.

lamč—хигна веревка для привязывания оленей, стр. 125.

l'aškam nirr'ă—имальница, стр. 125.

$l_0$ajta—спальные места справа и слева от входа в вежу или стан, 131.

лопанка—олений теленок, самка от 6 месяца до года, стр. 105.

lim—суп, стр. 133.

липты—меховые чулки одеваемые на шерстяные носки. По верх липтов одевают пимы, меховые сапоги, стр. 106.

lemm—сарай для оленей, стр. 66.

„Лопское бытье“—liopske giδdij, стр. 70.

лоскут (р. л.) čieze pajh'k'e—небольшая группа оленей, оторвавшаяся от стада, стр. 62, 66—69, 123.

Лопский рубеж, стр. 13.

луда (р. л.)—камень в море, выдающийся или скрывающийся в море вследствие приливов. Подводный камень, стр. 66.

lips или liδps — чистое место в стану в веже ограничено двумя обрезками дерева. Между ними кладется пища, дикарье мясо, чистые вещи, продукты и т. п. предметы. Садиться на это место нельзя, стр. 131.

Limbas—Лумбовский пог., стр. 38.

М modčis nunna—„красивый носок“. Место отдыха семиостровцев во время кочевки, стр. 54,

межень—семга идущая в реку летом худший сорт семги, стр. 83, 87, 88.

meri virr'a'—морской зверь, стр. 78.

мырка—морда оленя, стр. 62.

Н Наволок—узкая часть суши, вдающаяся в море, озеро, в реку и т. д., понятие более неопределенное, нежели полуостров.

напарье—сверло русское (бурав, коловорот и т. п.), стр. 106.

непроходимое болото tippe sien'n a

нерпа (р. л.) rokk, стр. 52, 78, 122.
nijpa—нож, стр. 125.
nijdi kerrĝaj (девушки пляшут) Плеяды, стр. 48.
nivel'čúh'k'e — см. корничек, стр. 107.
nîr'r'h't n$_{i}$ar'rikĕ — летний наволок, стр. 13.
nojta или nîõjta (л.) нойда (р. л.), колдун, (не шаман), стр. 137.
nukkaš—щука, стр. 83.

О $_{o}$adaj (спалка)—стан, стр. 42.
оадашка — (л. р.) — ласкательное от слова $_{o}$adaj, стр. 131, 133.
огниво—toll̂ k$_{o}$adta стр. 122.
оленьщик (р. л.) — оленевод, хорошо знающий стадо, иногда как собственник большого стада оленей, см. стадчик, стр. 54.
ormij—сежалый, от слова сидеть; сежалое место, сежалый носок и т. п., стр. 54.
опас —îõpas', впереди едущий или идущий в пути —человек пробивающий дорогу; на свадьбе—человек шествующий впереди молодых и принимающий на себя порчу и „огонь", стр. 66.
опружиться — упасть опрокинуться, стр. 58.
осённый жир, стр. 67, 127.
оседание кочевое, стр. 34.
островные быки — sîõ'a jeŕŕike.
$_{o}$adzi sije — станное место, привал, стр. 53.
$_{o}$ara zaľum—привал, стр. 53.

П P$_{o}$aššˇ steńńa — чистая, в смысле священная, „красная стена", противоположна входу в вежу или стан; в старинных вежах (подвижных) имелась в этой стене p$_{o}$aššˇ uks, через которую мужчина клал мясо „дикаря", стр. 131.
панга (р. л.)—часть уздечки или обротья состоящая из двух костяшек, из которых одна, в виде пестика, будучи просунута в отверстие другой, свободно в ней вращается. К пестику привязывается хигна, стр. 106.
пасть (р. л.), стр. 77.
p'ala šur jiks — большая медведица, стр. 46.
par'x't-san'—дом-сани, стр. 51, 128.
pal'ges'—дорога, стр. 47.
par'x't—дом, стр. 73.
пахта—обрыв скалы или ущелья, стр. 48, 53.
pekkarak — деревянная чашка, употребляется в дороге для чая и супа, стр. 133.
переход к оседлости, стр. 34.
печок (р. л.)—p'eck—зимняя одежда лопарей (мех наружу), стр. 68, 106, 131.
поездование (р. л.), стр. 51.
подбой (р. л.) острый конъюнктивит глаз, бывает весной во время яркого блеска снега под солнечными лучами, стр. 138.
пурка—рог оленя, выдающийся вперед перед мордой оленя, стр. 62.
покрученики — поморы, подрядившиеся на работу на время трескового промысла, стр. 52.
привада (р. л.) приманка в капкане и пасти, стр. 77.
праудедки — maderatča и maderjenna прадеды, стр. 26, 143.
пыжик—vîss'a, теленок до 3-х месяцев, стр.
pîõnn'ä — р. Поной, по смыслу: „в глубь", „на дно воды", стр. 39.

Р райда (р. л.) rajδa—от двух до пяти саней, запряженных оленями и связанных вместе, называются райдой (самоедск. арюш), стр. 136.
rawta—голец, стр. 84.
r'ehpnas—дымовое отверстие в веже или в стану.
rîske (р. л.)—лопарский хлеб, стр. 125, 133.
rowwa—спальный мешок, стр. 101, 125—135.
ролдуга —замша, стр. 97.
rîõta—дорога, стр. 47.
рыбник—пирог с рыбой, стр 124, 125.

С Saľvaš, стр. 42, 107, 125—129.
самшурка—женский головной убор, стр. 106.
сани — избушка (parxt saan' стр. 51.
сиг (săppă), стр. 85, 141.
скобель—vîkkas, стр. 107.
суметы (р. л.) снега šajm, стр. 48.
s$_{i}$vmîrr—деревянная ось, на которой подвешен на цепи или веревке котел в веже.
стан—$_{o}$adaj, стр. 42, 125, 131 — 139, 144.
стадчик (р. л.)—богатый оленевод, стр. 54.
суповые доски, стр. 43.
сухая вода (р. л.) отлив морской воды.
сушник (р. л.) kaškĕ mîrr растопка, посох, стр. 122, 125, 127.
Sîõl^{h}$_{o}$ajv, стр. 68.

Т tāja, δāja — иноземец, не лопарь, стр. 90, 103.
tarrija sarnŏ, kojh't koški mirr parhča, стр. 31.
t'apan îõjva—степанова гора, стр. 16.

tas'ma—украшенный медными бляхами мужской пояс, стр. 106.
taš̌k'e—вьючное седло, стр. 57, 106, 125, 126,
tаββe—дорожный знак, стр. 54, 123.
tàrrija—терский лопарь, стр. 31.
тинда—см. межень, стр. 83.
tippe sienna, стр. 49.
tihtij̊—засечка.
тобурки—непромокаемая обувь из просмоленной кожи нерпы, стр. 79, 122, 125.
tołzije—см. алаш. стр. 131.
toll̊ k$_0$adta—огниво, стр. 122.
тундра, čarra, стр. 43.
торосовое время, стр. 40, 78, 80.
тобурки (р. л.) — непромокаемая обувь, стр. 79.
тяндер, стр. 72, 76, 152.
tor'h'k—женская зимняя и осенняя одежда.
tů̊l'l'a—постеля т. е. шкура оленя служащая подстилкою во время она, стр. 106, 125, 129.

У урдовать (р. л.) — охотничать, от слова urrta—высота, стр. 80.

Х хага—пир (?).
хирвас (р. л.) олень самец, производитель, стр. 68, 69.
хигна—веревка с уздой для оленя, стр. 66, 106, 125—128, 132.
хорей—длинный, тонкий шест для понукания оленей, стр. 57, 58, 97, 127.

Ц c'a$_0$^{k} —цанга (р. л.) стойка (р. л.) тонкий шест в стану; 16—18 стоек составленные вместе образуют остов стана, стр. 42.
c'ekkas—дорога, проложенная по первому следу, стр. 47.

Ч čakč̌ p̊ijta—осенный жар оленя стр. 67.
čakč̌ sijt—осеннее место, стр. 43.
čarva—щука, стр. 83.
čl̊eža pajh'k'e—см. лоскут.
чимбуры (р. л.) стр. 17, 47.
чикумбакушки, (р. л.) стр. 135.
чистотка—женщина которая содержит свой дом в чистоте, стр. 103.
чопорка (р. л.) — čer̊r'k' четырехмесячный теленок олень, стр. 76, 87, 103.

Ш šur urrtà—большая высота, высокие места в тундре,—в смысле плоскогорья (приблизительно), а также название Кейвы между З. и Л. Иоканг-ским пог., стр. 17.
шуга—лед, покрывающий дно рек перед их замерзанием, стр. 83.

Ы =i̊. ʔor̊'jil' tas'ta—полярная звезда, стр. 48.
i̊or̊as' см. опас, стр. 136.

Я javrě keže parh'tij—по смыслу—избушки на конце озера. Выселок, где живут на Иокангском озере 1 старик и 2 старухи, стр. 37, 55.
jeski̊m sijt — остановочное место, стр. 34.
jagen—мутовка, стр. 106.
jeski̊m pajh'k'—остановочное место, стр. 53.
Iowkoaj или Iowkuj —Иоканга река, стр. 37.
яры—зимняя обувь лопарей, сапоги из оленьяго меха, стр. 106, 129, 133.
ягель—jagel', стр.

Литература.

1. Алымов, В. К. — Лопари Кольского полуострова. Доклады и сообщения Мурманск. О-ва Краев. в. I. и II, 1926—1927 г.г. Мурманск.

2. Алымов, В. К. — Места обитаний и кочеваний лопарей, ижемцев и самоедов Мурманской губернии в 1924 г. Рук., арх. КИПС'а Ак. Наук СССР.

3. Анучин, Д. Н. — Номады. Энциклопедическ. словарь т. 40. 1897 г.

4. Арнольд, И. — Семга. Изд. Желрыбы 1926 г.

5. Берг, Л. С. — Рыбы пресных вод России. Гиз. 2 изд. 1923 г.

6. Брэм, А. — Олень дикий северный. Жизнь животных. т. I, изд. „Просвещ." 1909 г.

7. Брэм, А. — Тундра, растительность и животный мир. 1905 г.

8. Jean Bruhnes. — La géographie humaine. Paris. 1925. v. I.

9. Арх. Вениамин. — Канинские и Тиманские самоеды.

10. Внегородское население Мурманского округа; его занятия, хозяйство и т. д. по предварительным данным приполярной переписи Мурм. Губстатбюро 1926—27 г.г. (рукопись).

11. Гамель, Г. — Англичане в России в XVI и XVII в. Зап. Ак. Наук, т. VIII, 1865 г.

12. Гёбель, Г. — Наша Северо-Западная окраина—Лапландия. Русск. Судоходство 1904—1905 г.г.

13. Гёбель, Г. — Экскурсия на Поной. И. А. О. Из. Русск. Сев. 1904 г. № 3.

14. Arvid. Genetz. — Kuollan Lappin murteiden sanakirja ynnä Kielennäytteita. Bdrag till Kännedom of finlands natur och Folk 1871. Helsingfors.

15. Григорьев, А. А. — Номады. Энциклопедич. словарь (новый) Брокгауз и Ефрон т. 28. 1916 г.

16. Дергачев. Н. — Русская Лапландия. Арх. 1877 г.

17. Дерюгин, К. — Фауна Кольского залива и условия ее существ. Записки Акад. Наук по Физ. Мат. отд., т. XXXIV, № 1.

18. Добротворский, М. — Пища северного оленя. Вест. Об. Вет. № 12. 1902 г.

19. Жилинский, А. — Крайний север Европейской России Арх. губ., Пгр. 1919 г.

20. Зибер, Н. — Очерки первобытной культуры, изд. Солдатенкова 1883 г.

21. Золотарев, Д. А. — Лопарская Экспедиция, изд. РГО. 1927 г.

22. Золотарев, Д. А.—Корьские Лопари. Труды Лоперской Экспедиции Русского Географического Общества, по антропологии лопарей и великороссов Корьского полуострова. Изд. Акад. Наук. СССР. Материалы КЭИ. вып. 9. Серия Северная. Лгр. 1928 г.

23. Золотарев, Д. А. — Этнический состав населения Сев-Зап. области и Карельской АССР. Изд. Акад. Наук СССР. Труды КИПС, № 12, Лгр. 1926 г.

24. Известия Архангельского Общества Из. Русского Севера.

25. Керцелли, С. В. — По большеземльской тундре с кочевниками. Арх. 1911 г.

26. Керцелли, С. В. — Опыт классификации оленеводства М. 1921 г.

27. Kihlman, A. O. — Bericht einer naturwissenschaftlichen Reise durch Russische Lappland im Jahre 1889. Fennia III № 6.

28. Клеменц, Д. А. — Заметки о кочевом быте. „Сибирские вопросы". СПБ. 1908 г. №№ 49—52.

29. Книпович, К. М. — Определитель рыб морей Баренцева, Белого и Карского. Труды Института по изучению Севера, в. 27. М. 1926 г.

30. Книпович, К. М. — Определительные таблицы морских и проходных рыб Европ. Ледов. океана и Морей Белого и Карского, труды Института по Изучению Севера, в. 31, М. 1926 г.

31. Крепс, Г. М. — Путешествие в Лапландию в марте 1923 г. Работы Мурм. Биологической станции т. I. 1925 г.

32. Крогиус, Ф. В. и Крепс, Г. М. — Краткая характеристика рыбн. пром. на оз. Имандра. „III-ий год колонизационной деятельности Мурманской железной дороги" 1927 г.

33. Кулишер, М. — Очерки сравнительной этнографии и культуры. СПБ. 1887 г.

34. Назаренко, А. — Пути сообщения за полярным кругом. 1926 г. Петроз. Н.К.П.С. Лен. Окр. Упр. Мест. Трансп.

35. Огородников, Е. К. — Мурманский и Терский берега по книге Большого чертежа З.И.Р.Г.О-ва т. II. 1869 г.

36. Петри, Э. — Антропология, т. I. Основы антропологии. Изд. карт. з. Ильина. 1890 г.

37. Плеске, Ф. — Критический обзор млекопитающих и птиц Кольского полуострова. Записки Им. Ак. Наук.—т. 56. СПБ. 1887 г.

38. Поселенные бланки Мурманской губ. по данным переписи 1926 г. Архив КИПС'а Акад. Наук СССР.

39. Производительные силы района Мурм. ж. д. изд. Правл. Мурм. ж. д. 1923 г.

40. Ратцель, Ф. — Народоведение, т. I и II, изд. „Просвещение" 1902 г. СПБ.

41. Рихтер, Г. — Гипсометрическая карта Русской Лапландии. II-й год Колонизационной работы Мурм. ж. д.

42. Солдатов, Н — Брейтфус, Л. — Отчет о деятельности научно-промысловой экспедиции за 1902 и 1904 г.

43. Соловцов, К. — Очерки Архангельск. губ. Каменский погост и др. Арх. губ. Вед. 1861 г. № 46 и 47.

44. Танфильев, Г. — География России. Гос. Изд. Украины. Одесса 1923 г., т. II.

45. Трофименко — Карта Кольского полуострова. Архив Русск. Географического Общества.

46. Харузин, Н. — Русские Лопари. Изв. И.О.Л.Е. Ан. и Этн., т. LXVI. М. 1890 г.

47. Харузин, Н. — Этнография, в. I, СПБ. 1901 г.

48. Чарнолуский, В. — Объяснительная записка к карте кочевок самоедов Канинской и Тиманской тундр. Архив КИПС. Акад. Наук СССР.

49 Шурц, Г. — История первобытной культуры СПБ. 1908 г., изд. „Просвещение".

50. Эйхвальд, И. — Оленеводство в Аляске. Карело-Мурм. край 1927 г. №№ 5—6.

51. Якобий, А. И. проф. — Канинская Тундра. Труды О-ва Естествоиспытателей при И. Казанском Университете. 1841 г. т. XXIII в. I.

52. Якобсон, Р. — Отчет по обследованию рыболовных угодий Александровского и Кемского уездов. Материалы к познанию русского рыболовства, т. III. 1914 г.

Zusammenfassung.

(Resumé).

Vorliegende Arbeit war darauf eingestellt den Versuch vorzunehmen: auf einem begrenzten Stück Erde, unter einigen Gruppen von Nomaden eines Stammes, möglichst genaue Studien der Erscheinungen des Nomadentums auszuführen, um auf Grund gewonnenen Materials Ausgangspunkte für weitere Arbeiten zu gewinnen.

Der Hauptteil des Buches ist beschreibenden Charakters und das Material dazu ist hauptsächlich im westlichen Teile der Halbinsel Kola gesammelt. Es führt zu dem Schlusse, dass das Nomadentum auf den geographischen und biogeographischen Bedingungen des von den Nomaden bewohnten Landes gegründet ist. Was nun die Loparen betrifft, so üben den bestimmenden Einfluss die biologischen Eigenheiten der von ihnen gewonnenen Fische. Als Bestätigung hierfür kann der Umstand gelten, dass die Daten des Erscheinens der Fische in den Flüssen, wie auch ihre Laichzeit, mit der Zeit der Sommer- und Herbstwanderungen der Loparen zusammenfallen. Letzteres trifft auch mit den physiologischen Besonderheiten des Renntieres zusammen, mit welchem das Leben der Loparen in untrennbarem Zusammenhange steht. Diese beiden Faktoren befinden sich in engster Wechselwirkung zu einander, da sowohl Fischfang und Jagd unter den Umständen, die in den Tundren herrschen, nur in Verbindung mit dem Renntier, dessen Lebensweise sich den Eigentümlichkeiten der jeweiligen Jahreszeit anpasst, geübt werden können. Da es in den Wanderungen des Renntieres, der Fische und anderer Tiere Berührungspunkte gibt, wandern die Loparen mit der Dauer der Jahreszeiten rechnend, zwecks Ausnutzung dieser Berührungs-oder Trennungspunkte, nach den Fischen und Renntieren. Da aber den Gewohnheiten dieser Tiere die Eigentümlichkeiten ihrer Ernährung und ihres Geschlechtslebens zu Grunde liegen, so kann wohl gefolgert werden, dass die geographischen Faktoren (das Relief, das Klima) der Polarlandschaft an sich, im Leben des Loparen blos eine bedingte Bedeutung haben. Somit bedingen die Wanderungen der Nutztiere den Wandertrieb des Loparen.

In den Gegenden der Anhäufung und an den Laichstätten der Fische, wie auch in den Grasungsfeldern des Renntieres schlagen

die Loparen ihre Wohnstätte auf, wo sie übrigens neuerdings feste Wohnsitze, sogenannte «Tupen» bauen. An den Orten ihres Winter- und Sommeraufenthaltes leben die Loparen gesellschaftlich, in einer Art von grösseren Dörfern, sogenannten «Pogosten». Den Frühling und Herbst jedoch verbringen sie, zu einzelnen Familien vereinigt, an den Ufern von Seen, wo sie ihre Wohnhäuser «Tupen» oder auch «Koadten» genannt, bauen. Das Nomadisieren geht mit tragbaren Wohnstätten, zwischen festen Wohnhäusern und anderen Orten vor sich. In den Tupen, in verhältnismässig wohnlichen, bequemen Bedingungen verleben die Familien den grössten Teil der Wanderperiode. Die Männer, die inzwischen auf den Weideplätzen beschäftigt sind und der Jagd obliegen, verbringen jedoch den grössten Teil ihrer Zeit in transportablen Wohnstätten und ihr Leben ist unbedingt ein nomadisierendes. Desgleichen verbringt auch die Familie ihr Leben, während der Wanderzeit, unter den Bedingungen des Wanderlebens. Je mehr Wohnplätze, um so mehr lebt die Familie, ausgesprochen, unter den Bedingungen des Wanderns und umgekehrt, je weniger Wohnstätten aufgeschlagen werden, um so mehr Zeit verbringt der Mann unter den Bedingungen des Nomadenlebens.

Der Umstand, dass die Loparen ihre Wirtschaftsobjekte ihrem Willen nicht unterwerfen, wie das bei sesshaften Völkern der Fall ist, wohl aber gezwungen sind, ihnen nachzuwandern, gestattet uns sie als Nomaden zu bezeichnen.

Als Kriterium zur Feststellung des Nomadentums, bei voller Verwirklichung des Wandertriebes im Verlaufe des Jahres, wird ethnische Beweglichkeit vorausgesetzt; als ihre Einheit wurde jene Erscheinungsform, welche man mit dem Begriffe «Haus» bezeichnet, gewählt, eine Bezeichnung unter der man eine «Familie», ein Geschlecht, eine Wirtschaft und eine Wohnstätte versteht. Auf dem Gebiete der materiellen Kultur gilt als Eckstein die Anzahl der Wohnsitze, ihre Typen, ihr Inventar, ebenso die Grösse der Wege, auf denen die Nomaden ihre Wanderungen vollführen. Zu einem Ganzem vereinigt, ergeben diese Kulturerscheinungen den Begriff eines Traktes der Nomaden, der sich in der Landschaft des Gebietes als Weg mit den an ihm gelegenen Wohnplätzen abhebt.

Dadurch wird es möglich den Weg der Nomaden, im besondern den Weg der Loparen, graphisch darzustellen und hat er bald eine gerade, bald eine krumme, bald eine gebogene Linie. Die Unregelmässigkeiten der Linie sind nicht nur durch geographische Faktoren, sondern auch durch die wirtschaftliche Tätigkeit der Nomaden bedingt.

Da die vereinten Faktoren eines Nomadentraktes ziffernmässig dargestellt werden können, können sie für jede Nomadeneinheit in ein bestimmtes, besonderes Zeichen, zu einem Zeichen kombiniert werden, welchem vorläufig kein mathematischer Inhalt gegeben wird.

Aus der absteigenden Folge der Zahlen der Wohnplätze, die in einer Reihe dargestellt sind, lässt sich eine gewisse Abhängigkeit in der Veränderlichkeit der Zahlen ersehen, was durch Tabelle 10 veranschaulicht wird. Unter anderem lässt sich, dank ihr, eine Begrenzung in der Zahl der festen Wohnsitze auf dem Wandertrakte feststellen, über die hinaus das Wandern zwischen den Wohnsitzen und auch deren Anbau offenbar zwecklos wird.

Wenn man das Material, das Wandern des Loparen betreffend, mit dem der Samojeden und der Zyrianen aus Ishemsk vergleicht und es dem Material über völlige Sesshaftigkeit gegenüberstellt, so kommt man zu dem Schlusse, dass das Nomadisieren der Loparen eine Zwischenstufe zwischen völliger Sesshaftigkeit und vollem Nomadisieren darstellt. Die Art in der die Formeln in der Tabelle № 10 dargestellt sind, veranschau licht diese Erscheinung.

Man kann jedoch den Wandertrieb der Loparen nicht zu dem Halbnomadisieren und auch nicht zu der halben Sesshaftigkeit rechnen, da es mehr mit dem Nomadischen gemeinsame Züge hat, als mit sesshaftem Leben. Die halbsesshafte Lebensweise, wird, nach unserer Ansicht, durch andere Kennzeichen charakterisiert.

Es ist ja verlockend Schlüsse zu ziehen, doch bestehen nicht wenig Zweifel, die sich nicht wegleugnen lassen und die oben im Texte in allen Einzelheiten auseinandergesetzt sind. Zur Vorsicht mahnend, fordern sie zu weiterem Sammeln von Materialien und einer grösseren Anzahl von Beispielen auf.

Die vielhäusrige Form des Nomadisierens der Loparen wird charakterisiert durch die Verschiedenartigkeit ihrer gewerblichen Beschäftigungen, dem Bestehen zweier Typen von Wohnstätten, transportablen und festen, welche letztere in einer Anzahl von nicht weniger als zweien oder sogar mehreren, an den Wohnplätzen oder an Geschlechtern gehörigen Orten oder auch an Orten öffentlicher, allgemeiner Nutzung, welche mit dem Trakte der Nomaden verbunden sind,—angestellt werden. Die Gesammtheit aller Ursachen, welche Beweglichkeit hervorrufen, besteht hauptsächlich in den biologischen Besonderheiten des Haustieres und der Fische, die zum Gewerbe der Loparen gehören. Die ganze Produktion des Gewerbes der Nomaden wird von ihnen selbst, unmittelbar, verbraucht; der Trakt ist von verhältnismässig kurzer Strecke und an ihm liegen, in Verbindung mit den Jahreszeiten, die Wohnplätze der Loparen. Für die Loparen sind zwei (oder sogar ein) Wohnplätze bezeichnend (je nach der Jahreszeit) auf dem die Loparen gemeinschaftlich, in der Form einer Ansiedelung leben. Als Ausgangszeit der Wanderschaft kann der Sommer betrachtet werden.

W. Tscharnolouski.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Предисловие	3 — 5
Вступление	7 — 12
Гл. I. — Летний Наволок	13 — 23

Определение территории исслед. района—13. Черты, характеризующие географический облик Летнего Наволока (табл. I). Климат—15. Представление о поверхности края — 16. Кейва — 17. Распределение животных и растительных видов по зонам — 20.

Гл. II. — Население Летнего Наволока.	24 — 45

Историческая справка — 24. Этнический состав населения (табл. 2) — 27. Русские — 27. Ижемцы — 27. Самоеды — 31. Лопари — 31. Место обитания лопарей Летнего наволока — 33. Семиостровский пог.— 35, Каменский пог. — 36. Иокангский пог. — 37. Лумбовский пог. — 38. Понойский пог.(с. Поной) — 39. Сосновский пог. — 39. Перераспределение населения между населенными пунктами — 40. Типы жилищ. Стан — 42. Вежа — 43. Тупа, избушки, dôm — 44. Распределение типов жилищ по местам обитания лопарей — 45.

Гл. III. — Пути сообщения Летнего Наволока.	46 — 58

Способы распознавания путей — 46. Тропа — 49. Проселочная дорога — 52. Зимник — 55.

Гл. IV. — Образ жизни северного оленя и оленеводческий уклад быта лопарей.	59 — 76

Кочевки дикого северного оленя — 59. Питание северного оленя — 61. Зимний период жизни домашнего оленя и пастьба его — 62. Весенний период — 65. Летний период — 66. Приемы выпаса — 67. Осенний период—68. „Имание оленей“ — 70. Разбивание стад — 71. Возвращение лопарей с имания и предзимний период жизни оленя — 72. История „имания“ оленей — 74. Переход от лопарской системы оленеводства к новым формам выпаса — 75.

	стр.
Гл. V. — Охота на пушного и морского зверя и дикого северного оленя.	77 — 80
Охота на пушного зверя — 77. Охота на морского зверя — 78. Торосовый промысел — 79. Охота на дикого северного оленя — 80.	
Гл. VI. — Краткие сведения по ихтиофаме края и влияние рыболовства на бытовой уклад лопарей Летнего Наволока.	81 — 95
Семга — 81. Окунь и щука — 83. Хариус. Палья. Кумжа. Голец — 84. Сиг. — 85. Табл. 3—85. Влияние лова семги на быт лопарей — 87. Лов рыбы на озерах и значение его в быту лопарей — 91.	
Гл. VII. — Влияние леса на бытовой уклад лопарей	96 — 99
Гл. VIII. — Дом лопарей.	100 — 108
Дом лопарей — 100. Инвентарь лопарского дома — 104. Примерный список инвентаря — 105.	
Гл. IX. — Особенности экономического быта лопарей.	109 — 120
Нерпичьи угодья — 109. Пастбищные угодья — 110. Рыболовные угодья — 112 (табл. 4, 5, 6 и 7). Доходы лопарей от рыболовных и охотничьих угодий — 114. Доходы лопарей от оленеводства — 115.	
Гл. X. — Бытовая обстановка передвижений.	121 — 139
Пешие передвижения — 122. Передвижения с вьючным оленем — 124. Передвижение на санях — 127. Передвижение группами и групповое снаряжение — 128 (табл. 8). Передвижение сельским обществом — 136. Количество времени пребывания в походном состоянии (табл. 9) — 138.	
Гл. XI. — Определение кочевого состояния лопарей.	140 — 156
Сравнение признаков кочевого быта лопарей с общей схемой номадизма и его признаками. — 141. Кочевой тракт — 141. Условный знак кочевника — 148. Формулировка многодомного кочевания — 154 (табл. 10).	
Приложение I (табл. 11).	157 — 162
Приложение II.	— 163
Перечень слов лопарских и русско-лопарских, употребляемыхв тексте	164 — 177
Указатель использованных книг.	168 — 169
Резюме на немецком языке	170 — 172

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА
ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

по материалам

Лопарской Экспедиции Р.Г.О. 1927 г.

составил В. Чарнолуский

Масштаб: 1:600.000

10 5 0 10 20 30 км.

Условные знаки

- Почтовый зимник
- Зимник
- Проселочная дорога
- Тропа
- Волок
- Пути передвижения связанные:
  - с заготовкой дров
  - с промыслом рыбы
  - " тюленя
  - " керпы
  - с охотой
  - с оленеводством
- Движения стад южного направления
- " " северного "
- " охотников на дик. сев. оленя
- I - XII Месяцы
- Маршрут оленевода из Ивановки

Пункты.

- Селения смешанного состава.
- Русские
- Самоеды
- Ижемцы
- Лопари
- Лопарские погосты летние
- " " зимние
- Покинутые погосты и „вежные места"
- Русские селения
- Лопарские избушки и „вежи"
- Урочища тюленя
- Стоянки пастухов
- Берега промыслового значения
- Ягельники
- Вытоптанные ягельники

ПРИМЕЧАНИЕ.

В объяснениях к условным знакам вкрались досадные опечатки: слово „южного" следует поставить на место „северного" и, обратно. Кроме того 69° северной широты ошибочно помечен 67°.

Ленинградский Областлит. №15361 – Тир. 1000 экз.

Гос. Карт. Инст. НТУ-ВСНХ-СССР.
Картография. Ленинград. Пряжка, 5.

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

Фонд
от
"Русск